

И. А. КУШИН

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ КАПИТАЛА К. МАРКСА

*Под редакцией и с предисловием
И. И. РУБИНА*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1929 ☆ ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в типографии Госиздата
„КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“.
Москва, Краснопролетарская, 16,
в количестве 4 000 экз.
Главлит № А—37785.
Гиз С—70 № 30849.
Зак. № 8770.
11¼ п. л.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие <i>И. И. Рубина</i>	4
Предисловие автора	6
<i>Глава I.</i> Диалектика понятия товара	7
» <i>II.</i> Развитие понятия о товаре как развитие понятия об общественных отношениях капиталистического способа производства. Взаимоотношение между развитием понятия об общественных отношениях капиталистического способа производства и развитием отношений товарного производства в исторической действительности . .	90
» <i>III.</i> Диалектическое развитие понятия о товаре и понятия об обществе товаропроизводителей, как переход качества в количество и количества в качество	154
» <i>IV.</i> Развитие экономических форм общества товаропроизводителей, как развитие товарного фетишизма	173

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая вниманию читателей книга И. А. Кушина представляет значительный интерес как первая попытка систематически проследить диалектическое развитие понятий в «Капитале» Маркса. Нет нужды доказывать, что диалектический метод оказал Марксу незаменимую услугу не только в его теории исторического материализма, но и в его экономическом учении. В решающих местах «Капитала» Марксу удастся показать и объяснить превращение более простых экономических явлений в более сложные только благодаря тому, что он с величайшею силою мысли вскрывает противоречия, заключенные в более простых явлениях и делающие необходимым их дальнейшее развитие. Достаточно напомнить такие классические места «Капитала», как учение о генезисе денег из товара или учение о превращении денег в капитал. Реальное движение экономических явлений путем борьбы и развития скрытых в них противоречий находит свое идеальное отражение в движении экономических категорий путем борьбы и развития скрытых в них противоречий.

До сих пор наибольшее внимание читателей и исследователей привлекали к себе те места «Капитала», в которых блеск диалектической мысли Маркса проявляется в наиболее яркой, можно сказать, ослепительной форме. Но мы не имеем в экономической марксистской литературе, как русской, так и иностранной, ни одной попытки систематического обзора диалектического развития понятий на протяжении трех томов «Капитала». Книга И. А. Кушина является первою попыткою в этом направлении, и уже одно это обстоятельство обеспечивает ей право на внимание читателей.

Автор правильно берет за исходный пункт исследования основное противоречие товарно-капиталистического хозяйства,—противоречие между общественным и частным трудом, проявляющееся в противоречивой природе товара. Поэтому экономическая теория Маркса рассматривается автором с точки зрения диалектического развития понятия товара.

В первой самой большой главе своей книги автор рассматривает все многообразные категории, развертываемые Марксом на протяжении трех томов «Капитала», как диалектическое развитие и усложнение понятия товара. Каждую ступень в развитии понятия товара автор правильно рассматривает как новую ступень

в развитии понятия об общественных формах товарного производства.

Во второй главе автор исследует вопрос,—часто вызывающий оживленные споры,—о том, в какой мере логическое развитие понятия об общественных отношениях капиталистического производства соответствует реальному историческому процессу развития капитализма. Автор приходит к выводу, что внешнее совпадение последовательного развития обоих рядов не должно заслонять от наших глаз глубокого отличия, которое существует между соответственными звеньями логического и исторического процессов развития.

В третьей, очень интересной главе автор делает попытку рассмотреть развитие всех основных экономических категорий Маркса, как переход качества в количество и количества в качество. Наконец, небольшая четвертая глава посвящена развитию товарного фетишизма.

Рекомендуя вниманию читателей работу И. А. Кушина, мы отнюдь не желаем этим сказать, что все выставленные автором положения могут быть признаны бесспорными. Автору пришлось охватить огромную массу понятий и проблем, изучаемых Марксом во всех трех томах «Капитала» (стоимость, деньги, капитал, абсолютная и относительная прибавочная стоимость, накопление и воспроизводство, кругооборот капитала, торговый и денежный капитал и т. д.). Попытка автора дать систематический обзор диалектического развития всех этих понятий является, как мы уже отметили, первой. При таких условиях работа автора не может претендовать дать окончательное решение множества поднятых им труднейших вопросов. Мы не говорим здесь о спорных или, с нашей точки зрения, неправильных положениях автора, относящихся к отдельным проблемам (например, упрощенное объяснение кризисов). В работе, посвященной выяснению общеметодологических вопросов, такого рода погрешности не имеют решающего значения. Мы имеем в виду возражения, которые могут быть выдвинуты против самого метода автора. Автор тонко прослеживает диалектические переходы от одного понятия к другому. Но он не показывает нам их реального эквивалента, т. е. диалектических переходов в самой реальной действительности и их движущих причин. Благодаря этому многие положения автора могут показаться читателю недоказанными, натянутыми или произвольными.

Этот недостаток, однако, не лишает книгу И. Кушина ее большого интереса. Чтение ее возбуждает целый ряд вопросов, связанных с применением диалектического метода к экономической системе Маркса. Если появление книги И. Кушина даст толчок постановке на очередь дня и всестороннему обсуждению этих труднейших вопросов,—задача автора будет в полной мере выполнена.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Настоящая книга представляет собою часть более обширной работы: «Введение в экономическую науку».

Указанным характером книги определяются и неизбежные недостатки ее изложения.

Так, например, я не мог дать здесь обоснование метода, которым я пользуюсь, поскольку вопросу о методе экономической науки посвящена особая часть моей работы.

Точно так же, поскольку диалектика развития экономических форм в исторической действительности, равно как и диалектика исторического развития экономической теории составляют предмет других глав моей работы, я мог коснуться этих вопросов в настоящей книге лишь в тех пределах, в каких это требовалось непосредственно ее содержанием.

Понятно, что многое в книге должно благодаря этому представляться голословным или недостаточно обоснованным.

По некоторым вопросам у читателя может составиться даже ложное представление относительно высказываемых в книге взглядов.

Так, например, поскольку задача настоящей части работы заключается лишь в обнаружении внутренней диалектики экономической теории, постольку мне не было надобности обосновывать здесь самый исходный пункт этой диалектики. Я мог начать с характеристики товара, как продукта общественного труда, осуществляемого в форме частного труда независимых друг от друга производителей, и затем ближе характеризовать этот труд, как необходимо приобретающий форму ценности товара, не обосновывая вовсе того положения, что товар, как меновая ценность, есть не что иное, как носитель общественной субстанции-ценности, т. е. воплощения абстрактного общественного труда. Из этого отнюдь не следует (как может казаться), что я в какой-нибудь мере являюсь сторонником распространенного воззрения, будто это обоснование излишне, и будто у Маркса в его произведениях оно отсутствует. Напротив, я полагаю, что такое обоснование совершенно необходимо, и считаю, что оно имеется у Маркса не только в «Капитале», но и в «К критике политической экономии» и даже в «Заработной плате, цене и прибыли». Но место для него не в настоящей книге, а в соответствующем месте изложения экономической теории, на что эта книга отнюдь не претендует.

Автор надеется, что читатели при оценке настоящей книги примут во внимание сделанные здесь оговорки.

ГЛАВА I

ДИАЛЕКТИКА ПОНЯТИЯ ТОВАРА

В обществах, где господствует капиталистический способ производства, материальное богатство, т. е. вещи или материальные процессы, пригодные для удовлетворения тех или других потребностей,—потребительные ценности—имеют форму товаров.

Во всяком обществе для производства богатства требуется затрата труда в той или другой особой конкретной форме, различной в зависимости от того, какого рода потребительная ценность должна быть произведена. Поэтому всякий товар есть прежде всего *потребительная ценность*, продукт того или иного конкретного вида труда, отличного от всех других особых видов последнего.

В этом, однако, нет ничего, что было бы присуще товару в отличие от всех других форм богатства.

Но наряду с чертами, присущими всякому богатству, товар обладает еще особыми, присущими лишь ему признаками, которые только и делают богатство капиталистического общества товаром.

Товар, в отличие от богатства вообще, есть продукт труда, общественного, по своему существу, но выполняемого в форме труда частных производителей, независимых друг от друга и, таким образом, от всего общества. Это—продукт общественного труда, выполняемого, однако, в такой форме, которая является отрицанием формы общественного труда.

Если общественная деятельность людей в производстве имеет форму их частной деятельности, то общество не имеет дела непосредственно с деятельностью своих членов в производстве. Оно имеет дело лишь с продуктом их частной деятельности.

Люди вступают во взаимные отношения друг с другом не как участники совместного производства, но как владельцы вещей.

Если в действительности между людьми существует связь и в самом их производстве, то эта связь не есть непосредственная связь. Это—связь, которая осуществляется косвенным путем, через посредство тех отношений, в которые люди становятся друг к другу, как владельцы вещей, ставя эти вещи в известные отношения друг к другу.

Люди не могут по произволу ставить вещи в те или иные отношения. Люди принуждены ставить вещи в такие отношения друг к другу, какие необходимы для возобновления общественного производства, и которые сами определяются действительными отношениями между людьми в прошлом производстве, ныне завершенном и воплощенном в продукте.

Таким образом, те отношения, в какие люди ставят продукты своего частного труда, не зависят от воли людей.

Все общественные отношения между людьми в производстве находят себе поэтому выражение лишь, как независимые от воли людей отношения вещей друг к другу.

Поскольку эти отношения не зависят от воли людей, они кажутся вытекающими из свойств самих вещей. В обществе товарпроизводителей вещи оказываются не просто вещами с различными материальными свойствами. Они оказываются сверх того независимыми от самих людей носителями общественных отношений в производстве.

Вещи, помимо своих естественных свойств, как будто имеют еще некоторые добавочные и, значит, сверхъестественные свойства. Подобным образом неразвитые народы, «дикари», представляют себе, будто некоторые предметы, «фетиши», обладают известными сверхъестественными свойствами. Вещь, если она—товар, становится подобной такому же фетишу. Товар, помимо своих естественных свойств, обладает еще добавочным, значит, сверхъестественным, свойством выражать особым образом тот факт, что труд, затраченный при производстве товара в форме частного труда, есть, по своей истинной сущности, труд общественный.

Затрата труда в той или иной особой конкретной форме и производство той или другой особой по своим материальным свойствам потребительной ценности составляют при товарном производстве частное дело отдельного производителя. Другие товаропроизводители и, следовательно, все общество ни в какой форме непосредственно не вмешиваются в это дело.

Поэтому и в конкретных свойствах, в качественных особенностях труда, затраченного на производство данной потребительной ценности, не могут найти себе никакого выражения общественные отношения между товаропроизводителями в самом производстве. Эти отношения по той же причине не могут найти себе выражения и в особых материальных свойствах продукта, делающих этот продукт потребительной ценностью.

Однако, хотя особая конкретная форма затраты труда и представляет собою частное дело отдельного товаропроизводителя, но сама затрата труда вообще, независимо от того, в какой конкретной форме он будет затрачен, т. е. затрата труда, рассматриваемая абстрактно, отвлекаясь от ее конкретной формы, все же остается затратой известной доли рабочей силы всего общества, является затратой общественного труда.

Если отвлечься от всех особенностей, отличающих труд, за-

трачиваемый в производстве одного товара, от других особенных видов труда, затрачиваемых на производство других товаров, то у труда, взятого вполне отвлеченно, иными словами, у абстрактного труда остается лишь тот признак, что это—затрата известной доли рабочей силы всего общества.

Общественный характер труда товаропроизводителя обнаруживается при том условии, и только при том условии, если факт затраты труда обнаруживается в свойствах продукта в столь абстрактной форме, что в этой форме труд одного товаропроизводителя ничем не отличается от труда любого другого товаропроизводителя, и потому труд любого товаропроизводителя, безразлично какого, выступает, как воплощение труда любого другого производителя, взятого столь же абстрактно. Иными словами, труд товаропроизводителя обнаруживает свой общественный характер лишь, как безразличный абстрактный и, кроме того, всеобщий труд, ибо под эту всеобщую форму труда товаропроизводителя подойдет одинаково хорошо труд в любой области общественного производства. Это—отвлеченно взятый труд всех отраслей производства. Это—абстрактно всеобщий труд.

Таким образом, основное экономическое отношение между товаропроизводителями, заключающееся в том, что каждый из них действует в производстве, как частный производитель,—но тем не менее его труд есть общественный труд,—это экономическое отношение может обнаружиться в труде товаропроизводителя лишь при том условии, если этот труд будет выступать как безразличный всеобщий абстрактный труд. Поэтому отдельный товар может быть формой, в которой обнаруживается это экономическое отношение, только при том условии, если он будет выступать как воплощение абстрактного всеобщего труда, который одинаково хорошо проявляется в любой потребительной ценности, безразлично каковы бы ни были материальные свойства последней. Это значит, что вещь, выступая, как товар, должна выступать при этом, как вещь, лишенная всех своих особых материальных свойств.

В самом деле, поскольку товар выступает как вещь с теми или другими особыми материальными свойствами, постольку он выступает как воплощение лишь того особого вида труда, при посредстве которого данному товару были приданы именно эти, а не другие материальные свойства.

Стало быть, если товар должен выступать, как воплощение всеобщего абстрактного безразличного труда, то он должен выступать, как вещь, состоящая как бы не из материи, не из вещества, но лишь из одного безразличного всеобщего абстрактного общественного труда. Это будет как бы оседавший во время работы и кристаллизовавшийся в виде вещи сгусток труда вообще.

Товар, поскольку он выступает, как такой кристалл безразличного всеобщего абстрактного общественного труда, есть *ценность*.

Таким образом, определяющими признаками капиталистической формы богатства, т. е. товара, являются следующие: во-первых, товар есть, как и богатство всякого другого общества, потребительная ценность. Последняя определяется его особыми материальными свойствами. Во-вторых, товар ценность. В последнем его отличие от богатства всякого другого общества.

Если товар выступает, как ценность, а не просто, как потребительная ценность, то он все же выступает, как вещь, хотя бы, как вещь, состоящая только из труда вообще.

Ничто, однако, не может выступать во-вне, как бестелесная вещь. Если товар должен выступать во-вне не только, как потребительная ценность, но и как ценность в отличие от потребительной ценности, то эта ценность должна выступать в форме телесной вещи с материальными свойствами, отличными от собственных материальных свойств данного товара. Иначе говоря, ценность должна иметь форму своего собственного отрицания, т. е. форму потребительной ценности, хотя это и должна быть потребительная ценность иного рода, чем собственная потребительная ценность данного товара.

Однако другая потребительная ценность может быть формой для ценности только при том условии, если она сама есть не только потребительная ценность, но и ценность, т. е. если и она есть товар.

Таким образом, товар, если он выступает, как ценность, имеет форму потребительной ценности другого товара.

Например, если товар, холст, выступает как ценность, т. е. как воплощение известной доли общественного труда, отвлекаясь от того, кто именно и в какой форме производил эту затрату труда, то в особых материальных свойствах холста эта ценность не может никак найти себе выражения. Ведь речь идет именно о том, чтобы отвлечься от особых материальных свойств, в которых выражается особый характер труда, затраченного на производство холста.

Если ценность холста и могла бы найти себе выражение в потребительной ценности, то это во всяком случае должна быть другая потребительная ценность, например, сюртук. Холст, как ценность, это—сюртук. Последний здесь выступает, как нечто равноценное холсту (поскольку сюртук сам есть ценность), иначе говоря, как эквивалент холста.

Ценность холста может найти себе внешнее выражение только при том условии, если холст, как ценность, окажется другим товаром, например, сюртуком.

Этим, по существу, выражается, что потребительная ценность холста и его ценность—вещи разные. Этим выражается, что для производства в холсте того, что образует его ценность, не имеют никакого значения те особенности труда, благодаря которым продукт получил особую материальную форму холста. В самом деле, ценность холста вовсе не имеет формы холста, но форму другого

товара, например, сюртука. Для производства же другого товара вовсе не нужны те особые действия, которые нужны для производства холста.

Далее, здесь, по существу, находит себе выражение и то обстоятельство, что ценность это—затрата общественного, а не частного труда, хотя этот общественный труд и осуществляется в форме частного. В самом деле, хотя на производство холста и был затрачен частный труд ткача, но холст, как ценность, есть другой товар, например, сюртук, т. е. не продукт труда ткача, но общественный продукт.

Таким образом, если ценность холста находит себе проявление в том, что холст, как ценность—это сюртук, то тем самым, хотя и в весьма своеобразной форме, высказывается, что холст, как ценность, это—воплощенный в холсте труд, поскольку последний выступает независимо от той особой формы, в какой он был затрачен, т. е. поскольку он выступает абстрактно, как безразличный всеобщий общественный труд.

Однако, на самом деле холст вовсе не есть сюртук, но совершенно другая, особая от сюртука вещь. Единственный способ для холста выступить, как сюртук, это—обменяться на сюртук. Холст может обнаружить, что он—ценность, лишь при посредстве обмена на другой товар. Следовательно, ценность известного количества холста обнаруживается в том, что он равен известному количеству другого товара, например, сюртуку. В меру того, насколько холст обладает способностью обменяться на сюртук, он и представляет ценность. Ценность известного количества холста выражается не в том, что он полезен, иначе говоря, ценен для потребления (например, как материал для пошивки рубашек). Ценность холста выражается в том его значении, какое он имеет как вещь, которую можно путем обмена превратить в другую потребительную ценность. Ценность холста находит себе выражение в его *меново́й ценности*.

Вполне понятно, почему ценность, т. е. всеобщий общественный абстрактный труд, воплощенный в вещи, находит себе внешнее проявление лишь в форме значения вещи в обмене, в форме меновой ценности.

В самом деле, ценность есть та форма, в которой труд, выполненный частным образом, обнаруживает, что он имеет значение общественного труда. Однако, труд, затраченный частным образом, может оказаться общественным лишь при том условии, если его продукт получит общественное значение. Продукт частного труда в свою очередь может получить общественное значение лишь в том случае, если люди, работавшие частным образом, вступают затем, как владельцы готовых товаров, в общественную связь друг с другом. Так как единственная форма связи между товаровладельцами как таковыми, это—частный обмен их продуктами, то последние и приобретают значение общественных продуктов лишь при посредстве обмена. Значит, и ценность не-

обходимо принимает форму того значения, какое вещь имеет в обмене, т. е. форму меновой ценности.

Однако, хотя ценность вещи, и обнаруживается во-вне лишь в форме меновой ценности, т. е. лишь в обмене, но создается ценность в производстве и, значит, существует в товаре до обмена.

Только потому, что товары обладают ценностью еще до обмена, различные товары и можно приравнять друг к другу, как ценности, как вещи, вполне заменяющие друг друга и потому обмениваемые друг на друга, несмотря на различие их особых материальных свойств. Товары оказываются в обмене меновыми ценностями только потому, что они были ценностями еще до обмена.

Товар с самого начала был противоречивой вещью. Именно, труд затрачивается в производстве товара, как частный труд, а при всем том оказывается, что это—труд общественный. В этом основное внутреннее противоречие товара. По этой причине и продукт, будучи особой потребительной ценностью, вещью с особыми материальными свойствами, оказывается вместе с тем и ценностью, вещью, лишенной всяких материальных свойств и состоящей из осевшего труда вообще, лишенного всех его особых свойств.

Однако быть вещью с особыми материальными свойствами и вместе с тем вещью, лишенною всяких особых материальных свойств, сразу невозможно. Это противоречие разрешается тем, что ценность товара, например, холста, выражается не в его собственной, а в другой потребительной ценности, например, в сюртуке, обладающем иными материальными свойствами, чем холст, и значит представляющем отрицание всех материальных свойств холста. Тогда холст, как потребительная ценность, и холст, как ценность—вещи разные. Холст, если он выступает, как потребительная ценность, так и остается холстом с его особыми материальными свойствами. Холст же, как ценность, это—совсем другая вещь, это—сюртук. Холст в таком случае перестает быть противоречивой вещью. Сам холст является теперь лишь особой потребительной ценностью—и только. Сюртук, поскольку он выступает, как ценность холста, также непротиворечив. В нем не выражается вовсе потребительная ценность холста, но только ценность последнего. Такова *простая единичная* форма ценности.

Взятые порознь друг от друга, сюртук, т. е. холст, как ценность, и холст, как потребительная ценность, непротиворечивы внутренне. Однако холст, взятый отдельно от сюртука, не имеет к сюртуку вообще никакого отношения. Если холст брать вне его связи с сюртуком, то холст обладает только формой холста и не обладает никакой другой формой, как бы на него ни смотреть: как на ценность или как на потребительную ценность. Если холст брать отдельно от сюртука, то ценность холста не получает никакого выражения, отличного от потребительной ценности самого холста. Сюртук же, взятый отдельно от холста, также не может быть формой для холста, как для ценности.

Если холст и сюртук брать порознь друг от друга, то задача остается неразрешенной. Только при том условии, если эти вещи переходят друг в друга, т. е. если холст посредством обмена становится сюртуком, а сюртук при посредстве обмена—холстом, противоречие находит себе разрешение.

Этот переход, обмен, является отрицанием обеих противоположных сторон товара. Это—отрицание как потребительной ценности товара, так и его ценности, и в то же время синтез обеих. Товар действительно оказывается товаром, потребительной ценностью и ценностью, а не только одной из этих противоположных сторон лишь при посредстве обмена, т. е. при посредстве превращения в другой товар.

Таким образом, анализ понятия основной клеточки богатства капиталистического общества, отдельного товара, привел в своем развитии к понятию другой клеточки, являющейся отрицанием первой, а затем к понятию взаимной связи между этими двумя клетками.

Однако противоречие, разрешенное таким образом, возрождается вновь. Сюртук—такой же продукт частного труда, особого конкретного труда, как и холст. Сюртук и холст, взятые сами по себе, обладают в этом смысле одинаковой формой. Оба они одинаково пригодны или непригодны для того, чтобы быть формами для выражения общественного характера того труда, который в форме частного труда был затрачен на их производство. Значит, если холст, как ценность, и оказывается сюртуком, то ценность холста не приобретает вследствие этого никакой иной формы, чем та, какую холст обладал и сам по себе.

Общественный труд, затраченный на производство холста, имел до обмена на сюртук форму особого частного труда. Он имел особую форму ткачества. После обмена тот же общественный труд имеет также форму особого частного труда, с той только разницей, что теперь это—частный труд, затраченный не на производство холста, а на производство сюртука.

Однако, если холст, как ценность, получает форму другого товара, то совсем не обязательно, чтобы этот другой товар был именно сюртук. То обстоятельство, что холст, как ценность, в нашем примере оказался сюртуком, было совершенно случайным обстоятельством. Форма сюртука, это—случайная форма ценности холста.

Холст, как ценность, может иметь форму любого товара. Холст, как ценность, это—в равной мере и водка, и пшеница, и железо, и кофе, и золото,—вообще любой из товаров, на которые обменивается холст.

Холст, как ценность, обладает свойствами любого из этих товаров. Иными словами, его ценность оказывается воплощением труда, затраченного в самых различных отраслях общественного производства. Ценность холста—это теперь не тот или другой особый вид труда, но всякий особый вид труда. Это—всеобщий

общественный труд. Совокупность всех товаров—вот форма, какую теперь имеет холст, если он выступает как ценность. В этой форме его ценность оказывается совсем не похожа не только на его собственную потребительную ценность, но и вообще на какую-либо другую особую потребительную ценность.

Противоречие снова разрешено. Для ценности холста найдена форма, отличная от потребительной ценности. Путем развития простой формы ценности, выразившей ценность одного товара в единичной потребительной ценности другого товара, возникла новая форма: *полная развернутая* форма ценности, являющаяся отрицанием простой.

Однако и эта форма не дает соответствующего выражения ценности товара, но оказывается ее отрицанием.

В самом деле, абстрактный общественный труд, который образует ценность, это—труд, взятый в такой общей форме, что любой особый вид труда в любой особой отрасли производства есть лишь особое частное проявление этого абстрактного труда. Между тем ни труд портного, произведшего сюртук, ни труд винокура, произведшего водку, ни труд земледельца, произведшего пшеницу, и т. д. не является такой общей формой труда, под которую подходил бы, в качестве ее особого проявления, труд в любой другой отрасли производства. И труд портного есть лишь особый частный вид труда, и труд винокура—особый частный вид труда и т. д.

Значит, ценность опять-таки выражается лишь, как затрата особого частного труда, хотя это выражение во множестве особых проявлений и повторяется множество раз. Для всех различных выражений ценности холста общим оказывается только одно: ценность холста, это—тот или другой какой угодно частный труд, но все-таки особый частный труд, а не всеобщий общественный труд.

Далее, хотя наш, скажем, один метр холста имеет возможность обменяться, безразлично, либо на один килограмм железа, либо на одну четверть водки, либо на один пуд пшеницы и т. д., но в действительности каждый поступающий в обмен метр холста, в каждом отдельном случае обменивается лишь на какой-либо один особый вид другого товара. Если холст в данном случае был обменен на водку, то очевидно, тот кусок холста, который обменялся на водку, уже не может быть, обменен ни на какой другой товар. Кусок холста, на деле, обмененный на водку, мог до осуществления этого обмена обменяться на всякий товар. Значит, он был воплощением всех особых видов труда, или воплощением всеобщего труда, но лишь в представлении своего владельца, а не в действительности. В действительности же он хотя и оказывается каким угодно особым продуктом частного труда, но всегда лишь воплощением только одного особого вида труда, не выступающего, как всеобщий общественный труд.

Разрешенное в одной форме противоречие, таким образом, обнаруживается в новой форме.

Однако, если ценность холста принимает форму то сюртука, то водки, то пшеницы, то железа, то кофе, вообще любой из множества различных особых потребительных ценностей, то тем самым сюртук, водка, пшеница, железо, кофе и т. д., как ценности, получают для себя одинаковое выражение. Все они получают форму одной и той же потребительной ценности—форму холста. Холст оказывается вещью, вполне заменяющей любую из них, если на них смотреть, как на ценность. Холст является равным всем этим товарам, как ценностям. Он является эквивалентом (равноценностью) всех этих товаров, всеобщим эквивалентом.

Одна и та же потребительная ценность, холст, является общей формой, под которую подходит труд, затраченный в любой отрасли производства. У всех видов труда во всех отраслях производства оказывается общий им всем признак, а именно, продукт их всех, как ценность, это—холст.

Все эти особые виды труда, как бы они ни были различны по своему особому материальному характеру, оказываются, в конце концов, производством холста, качеством, хотя это обстоятельство и не было заметно до обмена.

Холст, как особая потребительная ценность, в отличие от других потребительных ценностей, как воплощение особого конкретного вида труда, применяемого только в ткачестве и нигде более, это и есть та общая форма, под которую в качестве особого ее проявления подходит любой особый вид труда в любой отрасли производства. Холст, это—общая форма любого особого труда, овеществленного в любом продукте. Холст, это—форма, какую имеет безразличный всеобщий абстрактный общественный труд, когда он выступает во-вне.

Вместо полной развернутой формы, являющейся отрицанием простой единичной формы, ценность получает таким образом *всеобщую* форму.

Понятие о всеобщей форме ценности само собою возникает из развития понятия о полной развернутой форме ценности и является отрицанием последней.

Развернутая форма сама была первым отрицанием, а именно отрицанием единичной формы. Всеобщая форма является отрицанием отрицания, она есть второе отрицание. Она является вместе с тем возвратом к первоначальной простой форме ценности, ее новым утверждением.

Как в первоначальной единичной форме выражения, так и во всеобщей форме ценность любого товара выражается просто, а не сложно, т. е. в форме одного только товара, а не в виде множества различных товаров.

Ценность сюртука, это—холст, ценность водки, это—холст, ценность пшеницы тоже—холст и т. д. Форма выражения здесь такая же, как в первоначальной простой единичной форме выра-

жения. Там ценность одного товара (холста) выражалась во-вне также лишь в одном единственном товаре (сюртуке). Однако, если, всеобщая форма ценности и является утверждением первоначальной простой формы ценности, то это не простое повторение прежнего утверждения, это—повторение первоначального утверждения в новой форме.

В первоначальной простой единичной форме (именно: холст, как ценность, это—сюртук) ценность оказывалась воплощением особого частного труда, который ничего, кроме частного труда, и не выражал собою, если его брать вне связи его с холстом.

В последней всеобщей форме (сюртук, как ценность, это—холст) ценность, это—холст, представляющий собою не труд одной какой-либо отрасли производства, не просто труд ткача, но труд любой отрасли, всеобщий общественный труд.

В этом отношении всеобщая форма ценности является не только отрицанием, но и сохранением полной развернутой формы.

В самом деле, в полной развернутой форме ценность холста выражалась во всех особых продуктах, воплощающих все особые виды труда. Все эти особые выражения ценности холста в своей совокупности давали труду, воплощенному в холсте, форму всеобщего общественного труда.

Однако в полной развернутой форме всеобщий общественный труд выражался в форме конкретной совокупности всех особенных различных друг от друга видов труда, между которыми не было видно ничего общего. Во всеобщей форме, наоборот, всеобщий общественный труд выражается абстрактно: в виде свойства, общего всем особым видам труда, если отвлечься от всех их особенностей. Всеобщий общественный характер труда, воплощенного в товаре, выражается в виде свойства всех товаров быть холстом, помимо того, что они обладают каждый своими особыми свойствами.

Таким образом всеобщая форма ценности является не только утверждением, но и отрицанием простой единичной формы ценности, не только отрицанием, но и утверждением полной развернутой формы ценности. Всеобщая форма является синтезом обеих развитых ранее форм, причем этот синтез по своей общей форме совпадает с первоначальной формой.

Во всеобщей форме ценности противоречие товара получает новое разрешение.

Если товар выступает, как потребительная ценность, то все товары обладают только своими собственными особыми материальными свойствами. Если же они выступают как ценности, то все они—холст. Эта форма разрешения противоречия есть, однако, лишь новая форма, в которой противоречие возрождается вновь и вновь.

Это уже имело место и в обеих предыдущих формах. Один и тот же товар оказывался двумя или даже множеством различных потребительных ценностей. Иными словами, одна и та же

материальная вещь оказывалась двумя или множеством материальных вещей, находящихся одна вне другой в разных местах пространства. Одна из этих вещей, данный товар, выступающий как ценность, оказывается в данном случае только своей собственной потребительной ценностью. Другая же вещь, находящаяся вне данного товара, представляет собою данный товар, как ценность.

Каждая из этих вещей свободна от внутреннего противоречия, ибо ни одна из них не должна быть сразу воплощением и для особого конкретного частного труда и для безразличного всеобщего абстрактного общественного труда, но одна вещь есть форма воплощения одного, а другая—другого вида труда.

Однако, если одна и та же вещь раздваивается на две вещи, занимающие разное место в пространстве, то это создает не менее нестерпимое противоречие, чем внутреннее противоречие внутри одной и той же вещи. Для одной вещи быть сразу в двух местах не менее невозможно, чем обладать сразу двумя несовместимыми свойствами.

Это противоречие разрешается только переходом одной вещи в другую: превращением сюртука в холст посредством обмена, но разрешенное в одной форме противоречие всякий раз возрождается в новой форме.

Всеобщая форма ценности не менее свободна от этого противоречия, чем все предыдущие формы.

Сюртук, водка, пшеница и т. д., взятые отдельно, обладают теперь формой, выражающей только их потребительную ценность. Их ценность имеет форму холста, который обменивается на них. Их ценность обладает в этом случае только формой холста и не обладает формой никакого другого товара. Материальная форма холста представляется, таким образом, как форма, какую ценность имеет сама по себе, независимо от ее проявлений в том или другом особом товаре.

Однако, как сюртук выражает свою ценность, обмениваясь на холст, так и холст выражает свою ценность, обмениваясь на сюртук.

Правда, на холст могут обмениваться не только сюртук, но и водка, и пшеница, и железо, и т. д. Однако и на сюртук могут обмениваться не только холст, но и водка, и пшеница, и т. д. И на водку могут обмениваться не только холст, но и сюртук, и пшеница и т. д.

Значит, не только холст является общей формой для выражения ценности сюртука, водки, пшеницы и т. д., но и сюртук является не менее всеобщей формой для ценности холста, водки, пшеницы и т. д. И водка—такая же всеобщая форма для выражения ценности холста, сюртука, пшеницы и т. д.

Всякий товар оказывается всеобщей формой ценности тех товаров, которые обмениваются на него, их всеобщим эквивалентом.

В таком случае, однако, ни холст, ни какой-либо другой товар не является всеобщей формой для выражения ценности.

Так, форма холста не является в таком случае всеобщей формой, какую необходимо принимает всякий товар, но лишь частным проявлением ценности тех товаров, которые обмениваются на холст. Труд, затраченный на производство сюртука, получает в форме холста не всеобщее, но лишь частное выражение, как особый частный труд ткача. Если сюртук обменивается также и на водку, то труд, затраченный на его производство, может получить и иное частное выражение: в виде частного труда винокура.

Между тем в ценности должен выражаться всеобщий общественный труд в отвлеченной (абстрактной) общей форме, под которую подходили бы все особые виды труда товаропроизводителей.

Раз ценность всех товаров получает, в форме холста, лишь особое частное выражение, раз она может быть выражена и во всяком другом товаре, то, значит, при производстве любого товара, например, сюртука, под видом сюртука производится не обязательно холст, но, может быть, водка, или пшеница, или еще какой-либо товар, на который будет обменен сюртук. Стало быть, если сюртук, при посредстве обмена на холст, превратится в холст, то это вовсе не будет означать, что, как ценность, он приобрел всеобщую форму, под которую необходимо подойдет и всякий иной товар, если он выступает, как ценность.

Значит, всеобщая форма ценности снова оказывается противоречием самой сущности ценности. Более того, оказывается, что она снова превращается в развернутую форму выражения ценности. В самом деле, раз ценность сюртука может быть выражена и как холст, и как водка, и как пшеница, и как всякий другой товар, то это и есть развернутая форма ценности в новом проявлении.

Противоречие будет разрешено, и ценность получит соответствующую форму лишь при том условии, если ее форма будет действительно всеобщей. Ценность получит соответствующую ее действительному содержанию форму только при том условии, если ценность всех товаров будет иметь одинаковую и единственную форму, скажем, только форму холста. Иными словами, форма, в которой ценность находит для себя внешнее проявление, будет соответствовать ее сущности лишь при том условии, если все товары будут непосредственно обмениваться только на один товар, например, на холст, т. е. если они не будут непосредственно обмениваться друг на друга, в то время как холст будет непосредственно обмениваться на все остальные товары.

При этом условии только холст является всеобщим эквивалентом, только холст служит формой, в какой проявляется ценность других товаров. Все остальные товары при этом условии непосредственно обладают лишь формой потребительной ценности. Они получают форму ценности лишь постольку, поскольку они, посредством обмена на холст, оказываются холстом.

Эта форма ценности есть *денжная* форма. Товар, выделенный

из всех остальных и служащий формой для выражения ценностей всех их (в нашем примере холст), это—деньги.

В действительности, как известно, после того как роль денег выполняли в разных местах и в разное время разные товары, эта роль окончательно закрепилась за золотом.

Понятие о деньгах, как об единственном товаре, выступающем в качестве всеобщего эквивалента, есть отрицание понятия о всяком товаре, как о всеобщем эквиваленте (что сводилось к восстановлению развернутой формы ценности). Последнее понятие было отрицанием первоначального неразвитого понятия о всеобщей форме ценности, понятия об отдельном, т. е. непосредственно лишь об одном товаре (в нашем примере—о холсте), как о товаре, имеющем значение всеобщего эквивалента для всех товаров, которые приравнивались к нему при посредстве обмена.

Таким образом понятие о деньгах есть отрицание отрицания и, значит, возврат к первоначальному понятию о всеобщей форме ценности, как о форме, присущей одному лишь товару. Однако понятие о деньгах есть не только возврат к первоначальному понятию о всеобщей форме ценности, но и отрицание последнего, ибо понятие о деньгах, как о форме ценности любого товара, означает, что каждый товар приобретает эту форму и, значит, через посредство превращения в деньги оказывается всеобщим эквивалентом. В этом смысле понятие о деньгах есть не только отрицание, но и сохранение понятия о каждом товаре, как о всеобщем эквиваленте. Это—синтез всех особых видов понятия о всеобщей форме ценности. Это—наиболее развитый вид понятия о всеобщей форме ценности.

Только деньги есть форма ценности, действительности, соответствующая ее существу. В самом деле, в ценности должен выражаться всеобщий общественный труд в безразличной для всех его особых проявлений абстрактной форме. Деньги и служат одинаковым выражением для всех особых видов труда, т. е. служат выражением всеобщего общественного труда. Деньги выражают этот труд не конкретно. Деньги не обладают сами всеми особыми свойствами всех особых продуктов. Они выражают любой вид труда лишь абстрактно, в виде признака, общего всем особым видам труда, если отвлечься от всех их особенностей. Общий признак всех особых видов труда заключается именно в том, что во всех отраслях производства,—какой бы особенный продукт ни производился непосредственно в каждой из них,—в конце концов, производится одно и то же, именно деньги.

Деньги служат абстрактным выражением всеобщего общественного труда не только для одной какой-либо части общества, не только для одного из товаровладельцев, как это имело место в неразвитом понятии о всеобщей форме ценности. Там формой ценности для владельца холста был холст, ибо владелец холста превращал холст во все другие виды товаров. Однако для владельца сюртука холст не обладал таким значением. Для него

таким значением обладал его сюртук; для владельца водки—водка и т. д. Все это были частные, имеющие значение лишь для некоторой части общества, выражения всеобщей формы ценности.

Теперь же все общество выражает затраты общественного труда в единой для всего общества, в общественной форме, и притом в абстрактной форме, именно в деньгах. Деньги, это—общественное выражение общественного труда товаропроизводителей.

Однако, выражаясь в деньгах, всеобщий абстрактный общественный труд получает выражение в виде особого предмета (золота), в виде продукта особого частного вида деятельности (труда золотопромышленника), обнаруживая тем, что общественный труд в обществе товаропроизводителей имеет форму частной деятельности. А это и есть отличительный признак товара, признак, присущий товару, в отличие от других форм общественного богатства.

Сущность товара в том, что особая потребительная ценность, которую частный производитель производит независимо от всего общества, приобретает значение любой потребительной ценности, произведенной любым особым трудом любого товаровладельца, т. е. является скрытым воплощением всех видов общественного труда, иначе говоря, является ценностью.

Эта собственная сущность товара получает форму особой, отдельной от самого товара вещи, именно денег.

Только тот товар действительно есть товар, который вместе с тем оказывается и деньгами. Однако ни один товар, кроме самих денег, в действительности не есть деньги. Это противоречие разрешается посредством перехода товара в деньги, посредством обмена.

Однако товар может действительно превратиться в деньги посредством обмена только при том условии, если и товар и деньги взаимно заменимы, иными словами, если они, взятые сами по себе, имеют одинаковую природу еще до обмена.

Следовательно, товар должен быть не только товаром, но и деньгами еще до своего превращения в деньги посредством обмена. Только при этом условии он будет иметь одинаковую природу с деньгами еще до обмена и сможет превратиться в деньги посредством обмена.

Та форма, какую товар обладает в отличие от денег, форма особой потребительной ценности, в которой выражается только особый частный характер труда товаропроизводителей, должна еще до обмена товара на деньги оказаться формой, выражающей общественный характер труда товаропроизводителей, в отличие от частного характера этого труда.

Это противоречие может быть разрешено только тем, что товар хотя и будет в действительности попрежнему обладать только формой особой потребительной ценности, но товаровладельцы будут тем не менее относиться к нему, как к известному количеству денег. Товар может оказаться деньгами еще до обмена

не в действительности, но лишь в сознании товаровладельцев. Товар до обмена может быть деньгами лишь в «идее», лишь «идеально».

Превращение в сознании товаровладельцев действительного реального товара в идеальные деньги отнюдь не является действительным превращением товара в деньги. Деньги служат здесь лишь качественным мерилом, к которому товар мысленно приравнивается по своему качеству.

Если товар мысленно лишен своих качеств и мысленно превращен в золото, то после этого при посредстве сравнения с определенным количеством золота, принятым за масштаб (мерку), должно быть определено, какое количество золота представляет данный товар в сознании товаровладельцев. В этом случае ценность товара получит внешнее выражение, как цена товара, т. е. как известное количество кусков золота определенной величины. Эта форма есть форма *цены* товара. Цена товара, это—его ценность, выраженная в деньгах.

Поскольку деньги имеют лишь значение *мерила ценности и масштаба цен*, постольку речь идет о деньгах, существующих лишь в сознании товаропроизводителей.

Деньги, как мерило ценности и масштаб цен, оказываются отрицанием первоначального понятия о деньгах, как о всеобщем эквиваленте всех товаров, существующем в действительности.

Однако такое разрешение противоречия, а именно раздвоение товара на действительный товар и на его цену, т. е. идеальные деньги, не разрешает противоречия в действительности.

Существующие лишь в сознании идеальные деньги отнюдь не могут заменить собою действительного товара. Никто не отдаст своего товара за деньги, существующие лишь в представлении. Мысленные деньги отнюдь не равноценны действительному товару, не эквивалентны ему.

Частный труд, затраченный на производство данного товара, (например, холста), не приобретает в действительности значения общественного труда только потому, что владелец товара или кто-либо другой вообразит это в своем сознании. Наоборот, это сознание станет сознанием, соответствующим действительности, только при том условии, если товар действительно превратится в деньги.

Отношение товаровладельцев к товару, как к известной сумме денег, еще до его обмена предполагает, что этот обмен наступит в действительности. Роль денег, как мерила ценности и как масштаба цен, предполагает их действительность, как средства действительного превращения формы товара.

Посредством действительного перехода товара из рук его владельца в руки владельца денег и посредством перехода денег из рук их владельца в руки владельца товара, товар, имевший до сих пор форму потребительной ценности, должен лишиться этой формы, стать деньгами и приобрести, таким образом, в дей-

ствительности форму ценности. Деньги, таким образом, должны быть *средством обращения* товара.

Если деньги служат средством обращения товаров, то это значит, с одной стороны, что товар превращается в деньги, а с другой стороны, что деньги превращаются в товар. Иными словами, товар может превращаться в деньги лишь при том условии, если лица, уже превратившие свои товары в деньги, превращают затем свои деньги в новый товар.

Однако, если лица, превратившие свои товары в деньги, затем снова превращают эти деньги в новый товар, то это значит, что товар только мимолетно превращается в деньги. Труд, воплощенный в товаре, только мимолетно получает форму абстрактного всеобщего общественного труда. Весь же процесс есть превращение товара снова в товар, хотя и через посредство превращения товара в деньги. Весь процесс по своей форме оказывается кругооборотом форм: Товар—Деньги—Товар (или сокращенно Т—Д—Т).

Деньги, в которые превращается товар, это—лишь иная форма самого товара. Это—сам товар, как ценность. Таким образом, здесь товар при посредстве себя, как чего-то другого, порождает сам себя в первоначальной форме. Однако, хотя конечный результат кругооборота по своей форме и одинаков с его начальным пунктом, но все же тот товар, которым кругооборот заканчивается, это—иной товар, чем тот, который был в начале кругооборота. Таким образом, товар, порождая в кругообороте своих форм самого себя, все-таки порождает себя, как нечто другое.

Деньги представляют собою отрицание товара. Новый товар является отрицанием денег, т. е. отрицанием отрицания и возвратом к первоначальной форме. Однако это не первоначальный, а новый товар. Значит, конец кругооборота есть не только новое утверждение, но и отрицание первоначальной формы.

Конец кругооборота, новый товар, есть отрицание денег, однако в новом качестве товара скрывается и, значит, сохраняется то обстоятельство, что он предварительно побывал в денежной шкуре. Если бы он не сменил своей первоначальной товарной оболочки (например, формы холста) на золотую оболочку, то он не мог бы быть ничем другим, кроме как холстом. А теперь он стал, скажем, сюртуком. В том, что наш товар теперь не холст, а сюртук, скрывается его денежное прошлое. Значит, прошлая форма денег не только отрицается, но и сохраняется в форме нового товара. Новый товар является синтезом всех ступеней кругооборота.

Деятельность денег, как средства обращения, есть отрицание их деятельности, как мерила ценности и масштаба цен.

Поскольку деньги служат, как средство обращения товаров, постольку им уже не приходится служить средством измерения их ценностей. Товар должен быть предварительно признан известным количеством золота, и только после этого деньги могут

выступить, как средство обращения товаров. Поэтому для выполнения деньгами роли средства обращения нет необходимости, чтобы деньги, действующие, как средство обращения, были способны играть роль мерила ценности, т. е. были действительным всеобщим эквивалентом.

Новый особый товар, форму которого принимает в результате всего кругооборота первоначальный товар, есть, как уже было указано, синтез обеих частей кругооборота.

Однако процесс угасает в своем результате. В свойствах нового товара, например, сюртука, непосредственно не обнаруживается, что он раньше был холстом, и что лишь при посредстве денег он стал сюртуком. Из свойства сюртука видно только, что он—сюртук, и не видно ничего более. Таким образом, при посредстве деятельности денег, как средства обращения, ценность товара получает лишь форму особого частного продукта, форму воплощения особого конкретного частного труда, т. е. превращается в свое собственное отрицание.

Будучи отрицанием формы денег, как мерила ценности и масштаба цен, деньги, как средство обращения, являются в известном смысле возвратом к первоначальным формам ценности, выражавшим ценность в форме особой частной потребительной ценности (простая, развернутая и даже всеобщая форма ценности).

Деньги, как средство обращения, будучи новым утверждением этих форм, являются, однако, и отрицанием последних. Первоначальные формы ценности выражали ценность одного частного товара непосредственно в форме другого частного товара. Если же деньги выступают, как средство обращения товаров, то, в противоположность первоначальным формам, ценность одного товара (например, холста) не получает при этом непосредственно формы другого товара (например, библии). Ценность холста получает форму библии лишь через посредство денег. При этом, если холст и превращается при посредстве денег, например, в библию, то библия, тем самым, еще не превращается в холст. Владелец библии, отдав за известную сумму денег библию ткачу, может купить на эти деньги не холст, а, скажем, водку.

Действие, которое раньше было единым, а именно обмен товара на товар, раздваивается на два взаимно отрицающих друг друга, противоположных по своему смыслу обмена: на продажу (т. е. превращение товара в деньги) и покупку (т. е. превращение денег в товар).

Однако, если обмен товара распался на два самостоятельных обмена, продажу и покупку, то вовсе не обязательно, чтобы за продажей каждый раз немедленно следовала покупка. Продажа и покупка суть независимые друг от друга акты обмена.

Если за продажей не следует покупка, то действительно существующие, а не только мысленные деньги, в которые превратился товар, перестают быть мимолетным выражением ценности товара. Наоборот, деньги теперь—окончательная форма ценности

товара. Труд, воплощенный в товаре (например, труд ткача, воплощенный в холсте), таким образом не только приобретает общественную форму денег, но и сохраняет ее.

Деньги становятся *сокровищем*. В форме сокровища деньги становятся действительным и длительным, а не только мысленным или мимолетным выражением общественного характера труда товаропроизводителя. Они становятся *действительными деньгами*.

Становясь сокровищем, деньги прерывают свое обращение. Деньги, как действительные деньги в форме сокровища, являются отрицанием формы денег, как средства обращения.

Форма средства обращения была, в свою очередь, отрицанием формы мерила ценности и масштаба цен. Деньги как действительные деньги, являются, таким образом, отрицанием отрицания и вместе с тем новым утверждением первоначальной особой формы денег, именно формы мерила ценности и масштаба цен.

Поскольку деньги выступали, как мерило ценности и масштаб цен, постольку товар превращался в деньги, а не в какой-либо особый товар, хотя это и имело место лишь в сознании товаропроизводителей, а не в действительности.

В первой форме действительных денег, а именно в форме сокровища, воплощенный в товаре труд также получает форму, форму всеобщего общественного труда, форму денег, а не форму особого конкретного труда, воплощенного в том или другом частном товаре.

Деньги, как действительные деньги, суть та самая вещь, к которой товар мысленно приравнивается в том случае, когда деньги выполняют функцию мерила ценности и масштаба цен.

Таким образом, деньги, как действительные деньги, суть мерило ценности и масштаб цен, существующие в действительности, а не только в представлении.

Однако в форме сокровища действительные деньги являются не только возвратом к формам мерила ценности и масштаба цен, но и отрицанием этих форм.

В самом деле, если деньги действуют, как мерило ценности и масштаб цен, то товар, как указано, превращается в деньги лишь идеально. Если же деньги хранятся, как сокровище, то превращение происходит в действительности. В этом отношении форма сокровища является не только отрицанием, но и сохранением формы средства обращения, где товар хотя и мимолетно, но превращается в деньги, в самой действительности, а не только в сознании товаровладельцев.

Деньги, как действительные деньги, оказываются, таким образом, синтезом мерила ценности (и масштаба цен) и средства обращения.

В первой форме действительных денег, в форме сокровища, этот синтез по своей общей форме оказывается возвратом к форме мерила ценности и масштаба цен и отрицанием формы средства обращения.

Однако если ценность и стала действительными деньгами в форме сокровища, она тем не менее и в этой форме оказывается своим собственным отрицанием.

Во-первых, всякое сокровище необходимо представляет собою ограниченную по своим размерам денежную сумму. Ограниченная же денежная сумма может превратиться лишь в некоторое ограниченное количество особых товаров. Тем самым сокровище оказывается лишь ограниченным выражением общественного характера труда товаропроизводителей. В нем выражается особый частный труд некоторой части общества, вместо всеобщего общественного труда.

Правда, сокровище может быть превращено в товар любого особого рода. Однако, если в действительности оно будет превращено в товары одного рода, то тем самым его нельзя будет уже превратить в товары другого рода. Стало быть, хотя сокровище и выражает собою какой угодно особый вид труда, но оно всегда является выражением лишь особого, но не всеобщего общественного труда.

Увеличение размеров сокровища было бы лишь завоеванием новой границы. Сокровище тем не менее оставалось бы выражением общественного характера труда товаропроизводителей лишь в ограниченных пределах и лишь в ограниченной форме: в форме некоторых особых видов частного труда некоторой большей или меньшей части общества. Лишь безграничное возрастание сокровища сделало бы его соответствующей формой для выражения общественного характера труда, воплощенного в товаре, т. е. сделало бы его истинными деньгами.

Однако, раз денежная сумма изъята из обращения, то с ней не может вообще произойти никаких изменений. Значит, она не может и возрасть. Сокровище может быть увеличено путем присоединения к нему извне новых денежных сумм, полученных от продажи новых товаров. Эти новые деньги будут выражать, однако, лишь ценности вновь проданных товаров, а отнюдь не того товара, например, холста, денежной формой которого было первоначальное сокровище. Ценность этого холста попрежнему будет выражаться все той же неизменной ограниченной денежной суммой, как бы ни росло все сокровище в целом вследствие присоединения к нему извне все новых и новых сумм. Значит, и общественный характер труда, воплощенного в холсте, не получит, таким образом, более совершенного выражения в результате возрастания сокровища.

Далее, поскольку сокровище изъято из обращения, постольку деньги, из которых оно состоит, лишены способности превращаться в другие товары. Это—деньги, которые лишены (до тех пор, пока они являются сокровищем) способности быть формой для выражения какого бы то ни было труда, кроме частного особого труда золотопромышленника. Они перестают быть во-

площением общественного труда, т. е. вообще перестают быть деньгами.

Для того, чтобы действительно выражать общественный характер труда товаропроизводителей, деньги должны не только мысленно представлять те товары, в которые они могут превратиться, но и действительно превращаться в эти товары. Иными словами, чтобы оказаться действительно истинной формой ценности, деньги должны обращаться. С другой стороны, как уже показано выше, если деньги превращаются в особые товары, то ценность принимает противоречащую ей форму продукта особого частного труда. Мы приходим к выводу, что деньги должны превращаться в особые частные товары, ибо они должны обращаться, и в то же время окончательной формой ценности должна быть денежная форма, т. е. деньги не должны превращаться в особые частные товары.

Между тем деньги, очевидно, не могут одновременно и превращаться в особые товары и оставаться деньгами.

Противоречие может быть осуществлено и разрешено, как и всякое действительное противоречие, лишь путем перехода от одной стороны противоречия к другой, т. е. все-таки посредством обращения денег. Однако форма этого обращения должна быть противоположна той форме, которую оно имело в случае обращения денег, как средства обращения товаров.

Деньги могут и превращаться в особые товары и в конце концов оставаться деньгами только при том условии, если их превращение в товар будет мимолетным превращением, в результате которого ценность снова примет денежную форму. Иными словами, это обращение может быть кратко изображено формой: $D-T-D$, в противоположность первой форме обращения: $T-D-T$. Это значит, что покупка совершается раньше продажи.

Следовательно, ценность товара, например, того же холста, должна превратиться из денежной формы в форму библии, раньше чем холст будет продан и получит денежную форму. Холст, однако, не может быть в действительности деньгами, а тем более не может быть превращен из действительных денег в библию раньше, чем он будет действительно продан и превращен в действительные деньги.

Задача может быть разрешена лишь таким образом, что холст будет мысленно превращен в деньги раньше, чем он будет действительно продан, а иногда даже раньше, чем он будет действительно произведен. На эти мысленные деньги, представляющие еще не проданный холст, владелец холста покупает библию.

Однако и владелец холста и владелец библии могут мысленно считать непроданный холст деньгами только при том условии, если мысленные деньги, которые книгопродавец получает от ткача в обмен за библию, превращаются затем в действительные, т. е. если холст затем продается в действительности, и ткач по продаже холста отдает книгопродавцу вырученные им за холст

действительные деньги. Книгопродавец продает библию ткачу под обязательство уплатить за библию по прошествии известного срока, который определяется тем, когда ткач рассчитывает получить деньги от продажи холста.

Книгопродавец, таким образом, становится кредитором, ткач — должником.

Когда ткач, наконец, продаст холст и получит за него деньги, то он уже не имеет возможности превратить эти деньги в какой-либо особый товар. Он обязан уплатить их своему кредитору-книгопродавцу. Таким образом окончательной формой, которую получает ценность холста, оказываются теперь деньги, хотя они и находятся в обращении.

Действительные деньги обращаются в этом случае не в качестве средства для покупки, т. е. не в качестве средства обращения товаров. Товар, библия, меняет своего владельца, т. е. обращается и без посредства действительных денег. Действительные же деньги обращаются не в качестве средства обращения товаров, но в качестве средства для уплаты по обязательствам, т. е., в качестве платежного средства.

Деньги, независимо от того, обращаются ли они или нет, представляют всегда ограниченную по размерам денежную сумму, которая в действительности может превратиться лишь в известное ограниченное количество товаров. Иными словами, во всякой денежной сумме выражается отвлеченно лишь труд некоторой ограниченной части общества. Однако, обращаясь, деньги преодолевают это ограничение. Переходя из одних рук в другие, они не ограничены одной какой-нибудь частью общества, но могут по очереди служить выражением для труда всего общества. Обращаясь, деньги осуществляют свое назначение быть отвлеченным воплощением всеобщего общественного труда.

Форма платежного средства является отрицанием формы неподвижно лежащего сокровища. Существование денег в форме сокровища само было синтезом формы меры ценности и средства обращения, но в форме отрицания деятельности денег как средства обращения. Таким образом, деньги, как платежное средство, будучи отрицанием отрицания, осуществляют этот синтез в форме нового утверждения обращения денег.

Теперь деньги, однако, служат для обращения совсем в иной форме. Будучи средством обращения товаров, деньги оказывались лишь мимолетней формой в кругообороте превращений отдельного особого товара. Содержанием всего обращения был материальный обмен веществ в человеческом обществе, переход потребительных ценностей из области производства в область потребления (как личного, так и производственного). Общественное богатство получало при этом, в конце концов, форму потребительной ценности, т. е., форму, лишенную отличительных признаков богатства капиталистического общества.

Когда же деньги выступают, как платежное средство, мимо-

летной формой оказывается уже товар, а не деньги. Товар теперь служит лишь средством для превращения денег из формы воображаемых, «идеальных» денег в форму действительных денег. Обращение уже не является по своей форме превращением материального богатства из одной частной формы в другую. Обращение происходит таким образом, что окончательной формой богатства оказывается не особая потребительная ценность, но деньги, форма, отвлеченно выражающая всеобщий общественный характер частного труда товаропроизводителей. Материальный обмен вещей внутри общества оказывается лишь формой, при посредстве которой осуществляется превращение всего общественного богатства в деньги.

Таким образом обращение денег, как платежного средства, является не только возвратом к форме денег, как средства обращения, но и отрицанием этой формы.

В этом отношении деньги, как платежное средство, являются сохранением той формы, какую деньги имели в качестве мерила ценности и масштаба цен. Когда деньги выступали в качестве мерила ценности и масштаба цен, товар также превращался (хотя лишь в сознании товаровладельцев) в деньги, как в окончательную форму его ценности, а не в какую-либо особую потребительную ценность.

Таким образом деньги, как платежное средство, будучи новой формой денег, как действительных денег, оказываются, как сказано выше, новой формой синтеза мерила ценности (и масштаба цен) со средством обращения.

Однако и платежное средство из формы выражения ценности становится ее отрицанием. Хотя деньги в форме платежного средства и оказываются окончательной формой товара, проданного должником (например, окончательной формой холста, проданного ткачом), однако деньги не остаются в руках ткача. Они лишь мимолетно проходят через его руки и переходят в руки кредитора-книгопродавца. В конце концов на руках у ткача остаются не деньги, а библия. Смысл всех превращений ценности холста сводится все-таки лишь к тому, что ткач превратил холст в библию. Один особый товар превратился в другой особый товар, хотя все обращение и произошло «шиворот-навыворот», хотя ткач и купил библию раньше, чем продал холст.

Поскольку деньги выступают, как платежное средство, ценность данного товара, в конце концов, получает лишь форму особого товара, в котором обнаруживается лишь частный, а не общественный характер труда товаропроизводителей.

Таким образом ценность товара, поскольку она находит себе форму в деньгах, действующих, как платежное средство, оказывается отрицанием денег, как действительных денег. Деньги, поскольку они выступают, как платежное средство, теряют значение вещи, действительно обладающей тем качеством, которое мыс-

ленно приписывают товару, когда последний рассматривается, как деньги.

Более того, поскольку деятельность денег, как средства платежа, предполагается всеобщей, т. е. поскольку предполагается, что деньги выступают лишь в этой своей роли, постольку платежи различных товаропроизводителей уравниваются и все обязательства могут быть погашены без применения действительных денег.

Так, если, скажем, ткач должен уплатить книгопродавцу за библию 10 руб., в то время как книгопродавец должен уплатить винокуру за водку также 10 руб.; винокур же в свою очередь должен уплатить 10 руб. ткачу за купленный в кредит холст, то книгопродавец может, взамен получения 10 руб. за библию с ткача, предложить последнему расплатиться за него с винокуром. Тогда окажется, что ткач должен уплатить винокуру 10 руб. и получить с последнего также 10 руб. Иными словами, окажется, что никому не придется получать ничего и ни с кого. Действительные деньги не выступают в обращении совершенно. Окажется, что деньги, выступая, как платежное средство, выступают не как действительные, но лишь, как мысленные деньги. Если брать длительный промежуток времени, то подобное взаимное покрытие платежей необходимо должно иметь место. Никто не может постоянно уплачивать по своим обязательствам больше, чем он получает от своих должников. Иначе ему скоро нечем было бы расплачиваться по своим обязательствам.

Нет, однако, никаких оснований полагать, что подобное равновесие платежей имеет место в каждый отдельный момент. Напротив, как правило, следует считать, что в каждый данный момент для одних товаропроизводителей платежи, причитающиеся с них, превышают причитающиеся им получки. У других, наоборот, получки превышают платежи. Каждый отдельный товаропроизводитель должен в таком случае уплатить или, наоборот, получить действительными деньгами разницу между причитающимися с него уплатами и причитающимися ему получками. А это значит, что у плательщика должны были иметься деньги, заранее заготовленные и сохраняемые, в качестве сокровища, для погашения разницы между его платежами и получками.

Получатель, в свою очередь должен сохранять полученные им деньги в качестве сокровища до тех пор, пока ему в свою очередь не придется покрывать ими разницу по своим счетам.

Так возрождается понятие о деньгах, как о сокровище, но уже в новой форме, не как понятие о неподвижно лежащем без всякой цели сокровище, но как о денежном запасе для покрытия разницы.

Таким образом, новое понятие о деньгах есть не только возврат к понятию о сокровище, но и его отрицание. С другой стороны, рассматриваемое понятие есть не только отрицание, но и сохранение формы денег, как платежного средства, ибо, выступая,

как средство покрытия разницы, деньги выступают именно в роли платежного средства.

Рассматриваемая форма денег есть, таким образом, синтез обеих предшествовавших форм действительных денег. Это—высшая форма действительных денег, та форма, в которой они в полной мере обнаруживают свою истинную сущность.

Той областью товарного обмена, где, в качестве основного назначения действительных денег, выступает их роль, как средства для покрытия разницы, в действительности является мировой рынок. Поэтому рассматриваемая форма денег может быть названа *мировыми деньгами*.

Как сокровище, так и платежное средство были каждое особым синтезом мерила ценности и масштаба цен, с одной стороны, и средства обращения—с другой. Поэтому мировые деньги, будучи синтезом понятия о сокровище и платежном средстве, оказываются сложным синтезом понятий о деньгах, как мериле ценности (и масштабе цен) и средстве обращения. И в самом деле, будучи действительным всеобщим эквивалентом, мировые деньги, тем самым, представляют существующее в самой действительности, а не только в сознании товаровладельцев мерило ценности товаров и масштаб цен. Точно так же совершенно понятно, что в случае нарушения кредита мировые деньги могут выступить не только в роли средства покрытия разницы, но и как средство покупки товаров за наличные, т. е. как средство обращения товаров.

Однако, будучи действительными деньгами, мировые деньги осуществляют этот синтез в форме отрицания вообще обеих форм денег, не выступающих, как действительные деньги.

Обе формы, в которых деньги не выступают, как действительные деньги, сами были отрицанием первоначального общего понятия о деньгах, как о действительном всеобщем эквиваленте всех других товаров.

Мировые деньги оказываются, таким образом, отрицанием отрицания и возвратом к первоначальному понятию о деньгах, как о действительном всеобщем эквиваленте.

Однако мировые деньги являются не только новым утверждением первоначального понятия о деньгах, как о всеобщем эквиваленте, но и отрицанием этого понятия.

В самом деле, в одном случае перед нами лишь отвлеченное неразвитое понятие о всеобщем эквиваленте без всякого различия особых видов деятельности этого эквивалента. В другом случае—перед нами осуществление этого понятия в развитой форме, в форме перехода различных особых видов деятельности денег друг в друга.

Мировые деньги, это—соединение, синтез всех особых денежных форм.

Мировые деньги не выступают, однако, сразу и одновременно и как мерило ценности и масштаб цен, и как средство обращения, и как сокровище, и как платежное средство. Они способны выпол-

нять все эти особые назначения лишь по очереди. Но так как каждая из этих форм денег служит, как выяснено выше, лишь для превращения ценности товара из формы одного особого проявления частного труда в другое, не менее особое и частное проявление, то и мировые деньги превращаются в свое собственное отрицание.

Однако уже из недостатков рассмотренных форм ценности выясняется форма ценности, разрешающая противоречия предыдущих форм. Деньги являются истинной формой ценности лишь при том условии, если форма денег обнаруживает в действительности, что деньги—это та общая форма, под которую подойдет, в качестве ее особого проявления, любой особый вид общественного труда. Иными словами, это—деньги, которые действительно превращаются в другие товары, т. е. обращаются.

Во-вторых, превращаясь в другие товары, деньги не должны придавать ценности товара формы особой потребительной ценности. Деньги своей деятельностью должны в конечном счете придавать ценности товара денежную форму. Иными словами, это—деньги, как действительные деньги, совершающие свое обращение по форме $D—T—D$, а не по форме $T—D—T$.

В-третьих, это обращение денег по форме $D—T—D$ должно придавать ценности товара денежную форму не только по внешности, как это было с обращением платежного средства (когда холст, в конце концов, превращался все же не в деньги, а в библию). Деньги должны быть действительной окончательной формой ценности товара.

Это может быть достигнуто лишь при том условии, если товар, купленный ткачом (в кредит или нет, безразлично), затем будет перепродан, и, таким образом, в руках ткача, в конце концов, останутся деньги.

Однако и этого недостаточно. Всякая денежная сумма, как бы она ни была велика, всегда является ограниченной денежной суммой.

Поэтому всякая денежная сумма способна дать общественному труду товаропроизводителей лишь особое частное выражение. Лишь безграничное возрастание денежной суммы сделало бы ее действительным абстрактным выражением труда всего общества, а не одной лишь его отдельной части.

Возрастание этой денежной суммы должно быть ее собственным возрастанием, а не присоединением к ней извне чуждых ей других денежных сумм, из которых каждая столь же ограниченным образом выражает ценность каких-либо других товаров и не дает ценности безграничного выражения. Эта денежная сумма должна быть, иначе говоря, ценностью, которая производит из самой себя прибавочную ценность. Таким образом, истинная форма ценности, это—деньги самовозрастающие, производящие прибавочную ценность в обращении по форме $D—T—D$.

Деньги в такой форме, это—*капитал*.

Капитал является отрицанием формы мировых денег, способных к самовозрастанию и придающих ценности товара то одно, то другое частное выражение. Мировые деньги были соединением всех рассмотренных ранее форм денег, способных к самовозрастанию; они были соединением всех форм простого обращения товаров и простого денежного обращения. Капитал является отрицанием всех этих форм: отрицанием простого денежного или простого товарного обращения.

Однако, подобно всякому отрицанию, выросшему из развития тех самых форм, которые подвергаются отрицанию, капитал является их осуществлением. Все особые формы денег потому ведь и подверглись отрицанию, что в них еще не находило осуществления то общественное содержание, которое должно было найти в них свое осуществление. Всякое же осуществление чего бы то ни было является отрицанием всех тех форм, в которых подлежащее осуществлению содержание еще не осуществлено. Подобным же образом и отдельные особые виды действительных денег получают, наконец, свое осуществление лишь в форме капитала, являющейся отрицанием всех этих особых форм.

Так, сокровище, для того, чтобы действительно без ограничений выражать ценность товара, должно самовозрастать. Собиратель сокровищ стремится осуществить эту задачу, но не в силах сделать это. Капитал осуществляет, наконец, самовозрастание сокровища. Собиратель сокровищ, это, как говорит Маркс,—сумасшедший капиталист. Капиталист, это—разумный собиратель сокровищ.

Хотя деньги, как платежное средство, и совершают свое обращение по форме $D—T—D$,—так что непосредственно окончательной формой ценности товара оказываются деньги, а не особый товар,—но впоследствии обнаруживается, что это—лишь внешняя видимость. Оказывается, что на самом деле обращение денег, как платежного средства, не в силах придать ценности товара окончательную форму денег. Обращение капитала осуществляет такое превращение на самом деле.

Капитал, это—ценность, самовозрастающая, приносящая прибавочную ценность в обращении по форме $D—T—D$. Однако при посредстве обращения может быть изменена лишь форма ценности. Товарная форма может быть превращена в денежную, денежная—в товарную. Изменение формы непосредственно не означает изменения величины ценности. Таким образом капитал, повидимому, не может возрастать в обращении. Но если он не может возрастать в обращении, то, значит, он может возрастать (если это вообще возможно) лишь вне обращения. И это действительно так. Ценность ведь есть не что иное, как труд вообще, затраченный на производство данного товара и воплощенный в последнем. Поэтому ценность может быть создана лишь в производстве, а не в обращении. Возрастание ценности может быть лишь результатом

затраты добавочного труда в производстве, но не результатом перемены формы в обращении.

Таким образом выходит, что капитал, с одной стороны, должен возрастать в обращении, а с другой—вне обращения.

Однако превращение товара в деньги в кругообороте обращения по форме $D—T—D$ наступает не одновременно с превращением денег в товар, но лишь спустя известное время. Само существо этого кругооборота обращения таково, что между одним и другим действием (между покупкой и последующей продажей купленного товара) лежит перерыв в обращении. Пребывание купленного товара вне обращения составляет само одну из необходимых ступеней в обращении. Таким образом казавшееся неразрешимым противоречие может осуществиться и может быть разрешено, если ценность, совершая свое обращение по форме $D—T—D$, возрастает по своим размерам во время перерыва обращения, в промежутке между покупкой и продажей товара. В этом случае ценность возрастает, с одной стороны, в обращении, а с другой стороны, вне обращения.

Возрастание ценности, как сказано выше, может вообще наступить лишь при условии затраты добавочного труда в процессе производства. Значит, ценность может быть капиталом, т. е. ценностью, самовозрастающей в обращении по форме $D—T—D$, лишь при том условии, если в промежутке между покупкой товара и последующей продажей имеет место производство, в котором и затрачивается новый труд, производящий новую ценность.

Если во время пребывания капитала в форме купленного товара имеет место производство, то это значит, что денежная сумма, выступающая, как капитал, превращается не в какие угодно товары, но именно в материальные условия производства: в средства производства и рабочую силу. Последнее, однако, возможно лишь при том условии, если и средства производства и рабочая сила выступают в качестве товара, а не производятся лишь для собственного потребления их производителей.

Это предполагает, что рабочая сила отделена от вещественных условий производства. Иными словами, это значит, что рабочий лишен собственности на вещественные условия производства и что последние составляют собственность другого класса, класса капиталистов.

Во-вторых, это значит, что рабочая сила покупается капиталистом и, стало быть, на известный срок из силы самого рабочего становится формой, в какой существует капитал. Силы и способности рабочего получают форму сил и способностей самого капитала. Продукт производства, в действительности являющийся продуктом деятельности рабочего, получает форму продукта деятельности капитала.

Изменение ценности, как сказано, вообще может происходить только вследствие изменения количества труда, воплощенного в товаре. Труд, это—затрата рабочей силы. Поэтому капитал может

возрастать по своей ценности лишь в меру того, насколько он приобрел форму рабочей силы. Иначе говоря, по своей ценности может изменяться лишь та часть капитала, которая превращается в рабочую силу, так называемый «переменный капитал». Та же часть капитала, которая превращается в средства производства, сохраняет свою ценность неизменной. Это—«постоянный капитал».

Далее, переменный капитал способен возрасти по своей ценности только при том условии, если количество труда, выполняемое купленной рабочей силой, и, значит, новая ценность, создаваемая этим трудом, будет больше, чем ценность самой рабочей силы, купленной капиталистом, т. е. больше, чем денежная сумма, уплаченная за эту рабочую силу.

Выходит, таким образом, что капитал действительно бывает капиталом не тогда, когда он обладает денежной формой, т. е. не тогда, когда он имеет форму ценности, но тогда, когда он имеет форму особого товара, особой потребительной ценности: рабочей силы.

Далее, капитал бывает действительно капиталом, т. е. ценностью действительно возрастает не тогда, когда рабочая сила сохраняется в виде купленной вещи, но тогда, когда рабочая сила находится в действии. Капитал действительно становится капиталом лишь в форме деятельности рабочей силы, в форме процесса труда, в форме производительного потребления рабочей силы.

Капитал имеет форму процесса производства. Однако сам процесс производства имеет в этом случае место не потому, что людям нужны те или другие потребительные ценности, но потому, что процесс производства—единственное средство для того, чтобы ценность, выступающая как капитал, могла возрастать.

Если в условиях товарного производства вообще производство потребительной ценности оказывается лишь формой, в какой необходимо осуществляется производство ценности, то теперь само производство ценности становится формой, в которой происходит возрастание капитала. Весь процесс материального производства становится лишь средством производства прибавочной ценности. Это—*процесс производства капитала*.

Исходным понятием о капитале было понятие о денежной сумме, самовозрастающей в обращении по форме Д—Т—Д. Теперь же оказывается, что понятие о капитале осуществляется лишь в виде процесса труда, в виде процесса материального производства, в виде процесса производства особых материальных потребительных ценностей (независимо от того, для какой цели они производятся).

Иными словами, капитал оказывается вовсе не денежной суммой, и вообще он не оказывается овеществленным трудом, т. е. он не оказывается ценностью. Это—лишь процесс овеществления труда, лишь процесс создания ценности.

Осуществление понятия о капитале оказывается, таким образом, отрицанием первоначального неразвитого понятия о капитале.

Как уже сказано выше, для возрастания капитала необходимо, чтобы количество труда, выполняемое рабочей силой, купленной капиталистом, было больше, чем то количество труда, какое было затрачено на производство самой рабочей силы.

А это означает, что труд рабочей силы, купленной капиталистом, т. е. труд нанятых им рабочих, продолжается абсолютно более продолжительное время, чем необходимо для того, чтобы произвести все продукты, нужные для восстановления израсходованной в процессе труда рабочей силы человека. Таким образом, в производстве создается абсолютная прибавочная ценность, абсолютная прибавка к ценности капитала, вследствие того, что в производстве затрачивается больше труда, чем его было воплощено в переменном капитале.

Итак, производство *абсолютной* прибавочной ценности есть та форма, в которой осуществляется понятие о капитале (являющееся само развитием понятия о товаре). Иначе говоря, производство *абсолютной* прибавочной ценности есть та форма, в какой находит себе выражение общественный характер труда товаропроизводителей. Общественный характер труда товаропроизводителей находит себе, таким образом, выражение не в тех формах, какие товар принимает в общественном действии товаропроизводителей (в обмене товаров), но в самом частном процессе труда.

Понятно, что особый конкретный труд отдельного рабочего не может быть внешним обнаружением всеобщего общественного характера труда товаропроизводителей. Только совместный труд многих рабочих, только *сотрудничество* (кооперация) рабочих в материальном производстве обнаруживает во время самого процесса труда общественный характер этого труда. Труд отдельного рабочего, хотя бы он и был средством для производства продуктов, поступающих в общественное потребление, по своей форме все же является лишь частным, независимым от общества трудом. Однако в простом соединении единичных рабочих для совместного труда под одной кровлей общественный характер труда совместно трудящихся рабочих не находит для себя соответствующего обнаружения.

Здесь между деятельностью отдельных рабочих не обнаруживается никакой взаимной зависимости, соединяющей их в их деятельности в единое общественное целое.

Общественный характер труда многих сотрудников действительно обнаруживается только при том условии, если один работник обуславливает своей деятельностью деятельность остальных и сам не может выполнять своей работы без посредства деятельности всех остальных. Примером такого сотрудничества может быть, скажем, переноска группой рабочих тяжести, снести которую одному было бы не под силу. Однако и в этом случае обнаруживается лишь общественный характер труда, только взаим-

ная связь между работниками. Между тем задачей является выражение общественного характера особого частного труда товаропроизводителей. Это может быть выражено лишь следующим образом.

Во-первых, каждый рабочий должен быть необходимым участником всего производства в целом. Выполнение каждым рабочим его особой работы должно быть необходимым условием для возможности работы всех остальных. С другой стороны, каждый рабочий должен выполнять свою особую работу и работать сам по себе, не считаясь непосредственно со своими сотрудниками и не определяя, как будут работать эти последние. Это противоречие может быть разрешено лишь таким образом, что соответствие между различными работами достигается при посредстве действия внешней для всех отдельных рабочих силы. Оно устанавливается капиталистом.

Это—разделение труда внутри мастерской.

Однако разделение труда внутри мастерской не может дать истинного понятия об общественном характере труда товаропроизводителей.

В самом деле, труд каждого отдельного рабочего в капиталистической мастерской, основанной на разделении труда, имеет форму труда хотя и независимого от труда всех остальных рабочих, но зато целиком подчиненного авторитету капиталиста. Производство капиталистической мастерской, это—производство, подчиненное строгому плану.

Между тем труд товаропроизводителя, это—как неоднократно уже упоминалось выше, есть непосредственно труд, выполняемый частным образом, независимо от подчинения какому-либо авторитету. Отдельный товаропроизводитель (в отличие от наемного рабочего в мастерской) сам определяет, что и в каком количестве ему производить. Отсутствие общего плана, анархия производства—вот отличительный признак разделения труда внутри общества товаропроизводителей.

Далее, разделение труда внутри капиталистической мастерской выражает общественный характер труда работников в виде взаимной связи различных особых конкретных видов деятельности. Между тем особый частный труд товаропроизводителя обнаруживает свой общественный характер лишь при том условии, если отбросить все особые черты, присущие труду данного отдельного товаропроизводителя, т. е. лишь при том условии, если труд данного товаропроизводителя выступает, как абстрактный труд.

Труд может выступать во-вне, как одинаковый вне зависимости от различий отдельных отраслей производства, только при том условии, если различные особые действия, совершаемые в производстве различных потребительных ценностей, будут изъяты из рук рабочего и переданы механизму. За рабочим при этом условии останется лишь более или менее одинаковая в различных

отраслях производства деятельность надзора за машинами и контроля над их движениями, а также выполнение различных вспомогательных действий. Деятельность рабочих при различных машинах, правда, остается неодинаковой. Однако различие в деятельности зависит теперь непосредственно от устройства машин, но не от характера производимых потребительных ценностей.

Так, в самых различных отраслях производства могут быть применены машины, требующие от рабочего более или менее однородных действий, несмотря на различие производимых потребительных ценностей. С другой стороны, в одной и той же отрасли производства могут применяться различные машины (для выполнения различных частей работы), требующие от рабочих различных действий.

Таким образом характер трудовых действий становится независимым от особого характера производимых ими потребительных ценностей. Труд во всех отраслях производства приобретает одинаковые черты труда «вообще», абстрактного труда.

Машинное производство, стирающее различия отдельных видов труда, является отрицанием мануфактурного разделения труда в предприятии, не применяющем машин. Последнее само было отрицанием простого сотрудничества. Таким образом машинное производство является отрицанием отрицания и, следовательно, возвратом к форме простого сотрудничества, новым утверждением последнего. Как при простом сотрудничестве все сотрудники выполняют одинаковую работу, так и при машинном производстве труд работников принимает одинаковый характер, независимо от того, в какой отрасли производства работают данные рабочие.

Однако труд в машинном производстве является не только возвратом к форме простого сотрудничества, но и отрицанием последнего. В самом деле, при простом сотрудничестве отсутствие различий в работе совместно работающих рабочих означает, что последние и производят материально одинаковые потребительные ценности. В машинном производстве, наоборот, одинаковую форму имеет труд, занятый в производстве материально различных потребительных ценностей.

Далее, при простом сотрудничестве общественный труд многих рабочих является либо трудом единичных рабочих, лишь внешне соединенных друг с другом и лишенных всякой внутренней связи между собою в процессе труда (т. е. это труд рабочих, лишенный формы общественного труда), либо это—труд людей, лишенных какой бы то ни было независимости друг от друга, как, например, труд людей, совместно несущих тяжелое бревно (т. е. труд, лишенный признаков частного труда).

При машинном же производстве каждый отдельный рабочий выполняет свою особую работу, а не просто участвует в общей работе. Деятельность каждого рабочего есть производство особых материальных изменений в предмете труда,—изменений, отличных от тех, которые достигаются действиями других рабочих. Дея-

тельность каждого рабочего является лишь составной частью общественного труда всех участников предприятия, работающих при различных машинах, между которыми разделен труд. Ни один рабочий не может работать без всех остальных. Труд в машинном производстве обладает как чертами частного, так и общественного труда.

Таким образом машинное производство является не только новым утверждением формы простого сотрудничества, но и отрицанием ее. С другой стороны, машинное производство является не только отрицанием формы разделения труда, но и сохранением последней. В самом деле, при машинном производстве, как и при разделении труда различные работники производят своими действиями различные изменения в материале труда, хотя действия рабочих и бывают более или менее однородны.

Таким образом машинное производство является отрицанием отрицания и сохранением, т. е. синтезом, всех форм сотрудничества в капиталистическом производстве.

Общественный труд, в какой бы особой форме (в форме ли простой кооперации, разделения труда или машинного производства) он ни применялся, всегда означает применение (наряду с теми производительными силами, которые могут быть приведены в движение силами отдельного рабочего) таких производительных сил, которые не могут быть приведены в движение единоличными усилиями. Поэтому работник, работающий не единолично, но совместно с другими, затрачивая то же количество труда, что и единоличный рабочий, производит в течение того же рабочего времени большее количество потребительных ценностей, чем последний.

При господстве в обществе совместного труда производство рабочей силы, как и всякой другой потребительной ценности, требует меньше рабочего времени, чем при единоличном производстве. Рабочая сила становится дешевле. Ее ценность становится меньше.

В том случае, когда единоличному рабочему необходимо было бы затрачивать весь свой рабочий день для воспроизводства ценности своей рабочей силы, совместно работающие рабочие могут воспроизвести ценность своей рабочей силы в течение одной лишь части своего рабочего дня. Остальную же часть рабочего дня они могут затрачивать на производство прибавочной ценности для капиталиста. В том случае, когда рабочий день единоличного работника продолжается дольше, чем необходимо для воспроизводства ценности его рабочей силы, и, благодаря этому, производится прибавочная ценность, совместно работающие рабочие могут истратить на производство своей рабочей силы относительно меньшую долю своего рабочего дня и посвятить производству прибавочной ценности относительно большую долю. Без всякого абсолютного удлинения рабочего дня и, значит, без всякого абсолютного увеличения производимой в течение дня массы ценности

посредством сокращения той части рабочего дня, в течение которой рабочий воспроизводит ценность своей рабочей силы, и посредством удлинения той части рабочего дня, которая посвящается производству прибавочной ценности, создается прибавочная ценность, которая не могла быть создана при единоличном труде рабочих.

Это—производство *относительной* прибавочной ценности.

Производство относительной прибавочной ценности есть отрицание производства абсолютной прибавочной ценности.

В самом деле, если речь идет о производстве абсолютной прибавочной ценности, то последняя есть результат абсолютного удлинения рабочего дня отдельного рабочего за пределы времени, необходимого для воспроизводства ценности его рабочей силы. Прибавочная ценность в данном случае есть результат абсолютного увеличения количества труда, затрачиваемого рабочим.

В случае же производства относительной прибавочной ценности последняя есть результат лишь относительного изменения, именно, удлинения той части рабочего дня общественной рабочей силы, в течение которой производится прибавочная ценность за счет той его части, в течение которой рабочий воспроизводит свою рабочую силу. Прибавочная ценность есть в этом случае результат увеличения одной доли рабочего дня за счет другой, без всякого абсолютного увеличения рабочего дня.

В первом случае капиталист даром присваивает себе единичные производительные силы отдельных рабочих. Он присваивает себе способность человека работать дольше, чем необходимо для воспроизводства ценности его рабочей силы, а потому присваивает себе и плоды этой способности. Во втором случае капиталист присваивает себе общественную рабочую силу и плоды деятельности последней.

Однако, хотя производство относительной прибавочной ценности есть отрицание производства абсолютной прибавочной ценности, все же производство абсолютной прибавочной ценности является, вместе с тем, и производством относительной прибавочной ценности. И, наоборот, производство относительной прибавочной ценности является, вместе с тем, и производством абсолютной прибавочной ценности.

Абсолютно увеличить рабочий день каждого отдельного рабочего за пределы времени, необходимого для воспроизводства рабочей силы, можно лишь при том условии, если материальные производительные силы общества (в результате деятельности всего общества, а не отдельных изолированных от общества одинок) уже развиты настолько, что воспроизводство рабочей силы не поглощает, как ранее, всего времени, в течение которого человек в состоянии трудиться. Таким образом, отдельного рабочего можно заставить работать абсолютно больше, чем необходимо для воспроизводства его рабочей силы, только вследствие проис-

ходящего, при посредстве совместной деятельности всего общества, сокращения рабочего времени, необходимого для воспроизводства рабочей силы, и, следовательно, при посредстве изменения отношения между размерами необходимого и прибавочного рабочего времени. Значит, производство абсолютной прибавочной ценности есть вместе с тем производство относительной прибавочной ценности.

С другой стороны, рост производительной силы общественного труда и сокращение рабочего времени, необходимого для воспроизводства ценности рабочей силы, приводят к созданию прибавочной ценности лишь при том условии, если рабочее время каждого отдельного рабочего абсолютно продолжается за пределы того времени, какое необходимо для воспроизводства его рабочей силы.

Значит, производство относительной прибавочной ценности есть, вместе с тем, производство абсолютной прибавочной ценности.

Таким образом производство прибавочной ценности является отрицанием одностороннего существования обеих вышеуказанных форм производства прибавочной ценности и вместе с тем утверждением их обеих, как подчиненных проявлений целого. Производство прибавочной ценности, если брать это понятие в развитом виде, это—синтез производства абсолютной и относительной прибавочной ценности.

Этот синтез по своей общей форме является, однако, возвратом к производству абсолютной прибавочной ценности, ибо капиталист приобретает в собственность общественные производительные силы лишь при посредстве и в форме покупки рабочей силы отдельных рабочих. Использование общественной рабочей силы в капиталистическом производстве имеет поэтому форму использования единоличной рабочей силы отдельных рабочих.

Рабочая сила, покупаемая капиталистом, расходуется в производстве. Ценность рабочей силы при этом погибает. Ценность, создаваемая трудом нанятых рабочих, это—новая ценность, которая создается новой затратой труда. Ценность, создаваемая рабочими в производстве, отнюдь не является новым проявлением того труда, который был в свое время затрачен на производство средств существования, потребленных рабочими, и затем получил воплощение в их рабочей силе. Иными словами, ценность, создаваемая рабочим в производстве, отнюдь не является новым проявлением труда, затраченного на производство ценности его рабочей силы.

В самом деле, ценность выражает собою труд, затраченный на производство данной вещи. Этот труд равняется тому труду, который затрачен на производство средств производства плюс тот труд, который затрачен для изготовления, при посредстве этих средств производства, готового продукта. Без посредства нового труда, применяемого к имеющимся средствам производ-

ства, наличная ценность не может возрасти ни на грош, сколько бы капиталист ни истратил на рабочую силу. Ценность, имевшаяся налицо до сих пор и воплощенная в средствах производства, возрастет при посредстве производства лишь в соответствии с тем, сколько нового труда дает купленная капиталистом рабочая сила.

Если капиталист заплатил за рабочую силу ценность, воплощающую, скажем, 10 часов труда, а сам заставил рабочего работать лишь 2 часа, то в продукте будет воплощено на 2, а не на 10 часов больше труда, чем в средствах производства. Если же капиталист заставит этого рабочего работать 12 часов, то в продукте будет воплощено на 12, а не на 10 часов труда больше, чем в средствах производства. Значит, в ценности продукта, помимо ценности средств производства, получает воплощение лишь новый труд рабочей силы, но не ее ценность. Последняя просто погибает, потребляясь в производстве.

Стало быть, переменный капитал, та денежная сумма, которая превращалась капиталистом в рабочую силу, погибает вместе с гибелью этой рабочей силы и с гибелью ее ценности. Новая ценность, созданная при посредстве нового труда (т. е. при посредстве потребления рабочим своей рабочей силы, при посредстве самоуничтожения рабочим своей рабочей силы), может по своим размерам быть больше, чем погибшая ценность переменного капитала, но в эту новую ценность ни в малейшей части не входит эта погибшая ценность. Новая ценность, таким образом, не возникает в результате самовозрастания какой-либо части капитала, и возникновение этой новой ценности не означает самовозрастания ценности. Оказывается, таким образом, что капитал, вместо того чтобы возрастать в производстве, погибает в нем. Капитал превращается в свое собственное отрицание.

Однако покупка рабочей силы есть покупка ее на известное время, в течение которого покупатель заставляет рабочего трудиться, а рабочий обязан работать. Иными словами, покупка рабочей силы имеет форму покупки рабочего времени работника. Покупка рабочей силы имеет форму покупки самой деятельности этой рабочей силы, форму покупки труда. Деньги, затрачиваемые капиталистом на покупку рабочей силы, принимают форму денег, служащих не для уплаты за рабочую силу, но для уплаты за труд, за работу. Иными словами, эти деньги принимают форму *заработной платы*.

Благодаря этому труд, выполняемый рабочим в производстве, представляется трудом, оплаченным заработной платой. Этот труд представляется, как ценность, купленная капиталистом в обмен на его капитал, и поэтому сам представляется лишь, как иная форма денежной суммы, заплаченной за него. Труд представляется лишь новым воплощением ценности переменного капитала, новой формой переменного капитала. Если в процессе производства происходит создание трудом рабочего новой ценности, то оно получает

форму самовозрастания ценности, выступающей, как капитал, но отнюдь не обладает формой создания новой ценности, независимой от существовавшей до сих пор ценности.

Однако вместе с превращением ценности рабочей силы в ценность труда как раз упраздняются те условия, при которых только и мыслимо производство прибавочной ценности.

В самом деле, если превращение переменного капитала в рабочую силу принимает форму превращения известной доли капитала при посредстве обмена в живой труд рабочего, если, значит, сам живой труд приобретает форму ценности, равной по величине переменному капиталу, то, очевидно, в ценности продукта может быть воплощена лишь ценность, равная ценности средств производства плюс ценность нового труда, равная в свою очередь ценности переменного капитала. Ценность всего продукта оказывается равной ценности затраченного капитала, но ничуть не больше.

Таким образом действительное возрастание ценности в производстве не получает в этой форме никакого выражения. Понятие о капитале превращается снова в свое собственное отрицание.

Однако, хотя ценность рабочей силы и принимает в форме заработной платы противоречащую ее существу внешнюю форму, форму ценности труда, но содержанием этой формы, являющейся отрицанием ценности рабочей силы, все же является ценность рабочей силы.

Таким образом, понятие о заработной плате, как о ценности труда, подвергается отрицанию. Само это понятие было отрицанием понятия о переменном капитале, как о денежной сумме, превращающейся в рабочую силу, труд которой создает в производстве большую ценность, чем ценность самой рабочей силы.

Понятие о заработной плате, как о внешней форме для противоречащего ей содержания (т. е. как форме ценности рабочей силы), является отрицанием отрицания и вместе с тем возвратом к понятию о переменном капитале, как о ценности, превращаемой в рабочую силу, труд которой создает в производстве большую ценность, чем стоит сама рабочая сила.

Однако последнее понятие является не только новым утверждением, но и отрицанием этого же понятия о переменном капитале. В самом деле, понятие о заработной плате, как о внешней форме для выражения ценности рабочей силы, означает все же, что производство новой ценности трудом рабочих, нанятых капиталистом, осуществляется в форме перенесения на продукт ценности переменного капитала (т. е. в форме перенесения на продукт ценности того труда, который капиталист купил в обмен за заработную плату).

В этом отношении понятие о заработной плате, как о внешней форме для выражения ценности рабочей силы, является не только отрицанием, но и сохранением понятия о заработной плате, как о ценности труда. Последнее понятие сохраняется, однако,

лишь, как внешняя форма, истинное содержание которой не соответствует, но противоречит самой этой форме, является отрицанием последней. Иначе говоря, понятие о заработной плате, как о ценности труда, сохраняется, как отвергнутый момент, в понятии о заработной плате, как о внешней форме для выражения ценности рабочей силы. Последнее понятие является, таким образом, синтезом обоих противоречащих друг другу понятий о заработной плате.

Однако, понятие о процессе производства, хотя бы последний и носил характер производства абсолютной прибавочной ценности, и ценность рабочей силы принимала форму заработной платы, все же предполагает, что процесс труда завершается изготовлением продукта. Процесс производства переходит в свое собственное отрицание, в потребление готового продукта. Но вместе с прекращением процесса производства прекращается и самовозрастание капитала. Капитал становится своим собственным отрицанием, неизменной ограниченной денежной суммой, лишь ограниченным образом выражающей всеобщий общественный характер труда товаропроизводителей. Однако в понятие потребления готового продукта входит и производительное потребление новых средств производства, т. е. новое повторное производство. Таким образом возникает новая форма понятия о капитале, понятие о *воспроизводстве* капитала.

Понятие о воспроизводстве является возвратом к понятию о производстве, новым его утверждением. Однако, будучи новым утверждением понятия о производстве, понятие о воспроизводстве является вместе с тем и его отрицанием.

В самом деле, сущность понятия о воспроизводстве не заключается непосредственно в понятии о производстве. Повторение производства есть результат того, что продукт поступает в потребление. Повторное производство само совпадает с производительным потреблением продукта. Таким образом воспроизводство является не только отрицанием, но и сохранением понятия о потреблении, завершающем производство. Это—синтез понятий о производстве и потреблении.

Непрерывное повторение производства, непрерывное его возобновление препятствует превращению самовозрастающей в производстве ценности, т. е. капитала, в свое собственное отрицание, в неизменную денежную сумму. Таким образом понятие о капитале осуществляется в форме понятия о процессе воспроизводства, о повторении процесса производства прибавочной ценности, представляющего, как выяснено выше, синтез производства абсолютной и относительной прибавочной ценности.

Однако понятие о капитале и в этой форме обнаруживает свою недостаточность. Если процесс производства просто повторяется в прежнем размере, то в повторном процессе производства затрачивается то же количество средств производства и рабочей силы, что и ранее. Это означает, что, в качестве капитала,

вновь и вновь выступает одна и та же денежная сумма, вся же прибавочная ценность поступает в личное потребление капиталиста. В целом капитал остается неизменным, несмотря на свое возрастание в каждом отдельном кругообороте производства. Капитал, таким образом, превращается в свое собственное отрицание.

Однако само диалектическое развитие понятия о капитале приводит на данной ступени, развития к возникновению новой формы понятия о капитале. Процесс капиталистического производства, это—процесс производства капитала. Иными словами, это—процесс превращения денег в капитал при посредстве производства прибавочной ценности. Так как истинная форма ценности, как уже выяснено из развития понятия о ценности, есть капитал, то произвести действительную прибавочную ценность, соответствующую этому понятию, можно лишь при том условии, если тем самым будет произведен добавочный капитал, т. е. если прибавочная ценность, произведенная первоначальным капиталом, будет применена в производстве, как добавочный капитал.

Понятие о воспроизводстве капитала превращается, таким образом, в понятие о *накоплении* капитала при посредстве присоединения к капиталу созданной им прибавочной ценности.

Капитал становится, таким образом, непрерывно возрастающей ценностью.

Понятие о превращении прибавочной ценности, принесенной капиталом, в новый капитал само по себе, однако, не включает в себя мысли о том, что одновременно с превращением прибавочной ценности в новый капитал совершается и воспроизводство того капитала, который принес эту прибавочную ценность. Само по себе понятие о превращении прибавочной ценности в новый капитал лишь предполагает, во-первых, что с завершением производства первоначальный капитал возрос, стал ценностью, равной первоначальной ценности плюс прибавочная ценность. Во-вторых, это понятие предполагает, что прибавочная ценность превращается в капитал. Оно, однако, не предполагает само по себе никаких новых изменений ценности, первоначально выступавшей как капитал, и, значит, не предполагает и ее нового превращения в капитал.

Понятие о превращении прибавочной ценности в новый капитал является, таким образом, отрицанием понятия о простом воспроизводстве капитала.

Однако, если относительно ценности первоначального капитала не предполагается, что она вновь и вновь выступает как капитал, то тем самым предполагается, что эта ценность перестает быть капиталом, становится простой денежной суммой. Накопление капитала, если и происходит, то не при посредстве самовозрастания первоначального капитала, а лишь при посредстве возрастания нового капитала, возникшего из прибавочной ценности.

Но если по завершении производства в новый капитал превращается лишь прибавочная ценность, то понятие о превращении

прибавочной ценности в новый капитал окажется своим собственным отрицанием.

В самом деле, пусть, например, капитал, равный 1 000 руб., принес 100 руб. прибавочной ценности. Пусть затем 100 руб. превращаются снова в капитал, первоначальные же 1 000 руб. остаются лежать праздно, как сокровище. Так как прибавочная ценность есть лишь сумма, равная 100 руб., а первоначальный капитал—сумма, равная 1 000 руб., так как они оба суть лишь безразличные части общей суммы, равной 1 100 руб., то любая сотня рублей в равной мере может быть рассматриваема и как прибавочная ценность, и как $\frac{1}{10}$ доля первоначального капитала. Никаких внутренних различий внутри суммы в 1 100 руб. не существует. Поэтому, если из общей суммы 1 100 руб. в новый капитал превращается лишь 100 руб., то это означает, что не только прибавочная ценность 100 руб. не превращается в капитал, но и из первоначальной величины ценности в 1 000 руб. лишь $\frac{1}{10}$ доля выступает как капитал. Девять десятых величины первоначального капитала, т. е. 900 руб., и вся прибавочная ценность, равная 100 руб., остаются лежать праздно.

Очевидно, таким образом, что действительное превращение прибавочной ценности в капитал возможно лишь при том условии, если одновременно с превращением прибавочной ценности в новый капитал происходит и воспроизводство первоначального капитала.

Понятие о превращении прибавочной ценности в новый капитал переходит, таким образом, в понятие о *расширенном воспроизводстве* капитала.

Поскольку в понятие о расширенном воспроизводстве капитала входит и понятие о простом воспроизводстве первоначального капитала, постольку первое понятие является отрицанием понятия о превращении прибавочной ценности в новый капитал,—понятия, не включающего в себя непосредственно понятия о воспроизводстве первоначального капитала. Понятие о превращении прибавочной ценности в новый капитал было отрицанием понятия о воспроизводстве капитала. Таким образом понятие о расширенном воспроизводстве оказывается отрицанием отрицания и возвратом к понятию о воспроизводстве. Однако, будучи новым утверждением понятия о воспроизводстве капитала, понятие о расширенном воспроизводстве не является просто возвратом к первоначальной форме понятия о воспроизводстве, т. е. к понятию о простом воспроизводстве, но и отрицанием последнего. В самом деле, в понятие о расширенном воспроизводстве входит и понятие о превращении прибавочной ценности в капитал. Понятие о расширенном воспроизводстве есть не только отрицание, но и сохранение понятия о превращении прибавочной ценности в капитал. Это—синтез понятия о простом воспроизводстве и понятия о превращении прибавочной ценности в капитал.

Расширенное воспроизводство капитала безгранично увеличи-

вает размеры последнего. Ценность капитала становится абстрактным выражением труда все большей части общества. Она становится все более и более всеобъемлющим, всеобщим выражением общественного труда товаропроизводителей. Ценность в этой форме безгранично приближается к вполне исчерпывающему выражению всеобщего общественного характера частного труда.

Как бы, однако, капитал ни возрастал посредством присоединения к нему созданной им самим прибавочной ценности (т. е. посредством накопления), он все же составляет лишь часть всего общественного богатства. Наряду с ним существуют и другие подобные же части общественного богатства, другие капиталы, которые возрастают подобным же образом. Если каждый отдельный капитал и возрастает безгранично, то одновременно безгранично возрастает и все общественное богатство. Отдельный безгранично растущий капитал оказывается, несмотря на свой рост, столь же ограниченной частью безгранично-возрастающего общественного богатства, как и до сих пор. Труд, воплощенный в капитале, попрежнему остается ограниченным выражением общественного характера частного труда.

Труд, воплощенный в капитале, может стать безграничным выражением общественного характера труда товаропроизводителей лишь в меру того, насколько данный капитал поглощает другие отдельно от него существующие капиталы, т. е. лишь в меру того, насколько происходит *централизация* капитала.

Возрастание капитала, расширенное его воспроизводство при посредстве централизации, само по себе есть отрицание роста капитала посредством присоединения к капиталу созданной им самим прибавочной ценности, т. е. посредством *аккумуляции*. Понятие о централизации не включает в себе непосредственно понятия об аккумуляции.

Централизация капиталов дает труду, воплощенному в капитале, форму все более и более совершенного воплощения общественного труда. Однако в конце концов и централизация оказывается отрицанием понятия о капитале, вместо осуществления последнего. В самом деле, возрастание капитала при посредстве централизации, подобно накоплению сокровищ, есть присоединение извне одной денежной суммы к другой, но не есть самовозрастание ценности капитала.

Только синтез обеих противоречивых форм *концентрации* (сосредоточения) капитала, а именно притяжение одним капиталом других (т. е. централизация), основанное на росте капитала при посредстве аккумуляции и в свою очередь порождающее тем более быструю аккумуляцию уже возросшего капитала, является осуществлением безграничного возрастания капитала, как формы все более и более безграничного проявления общественного характера частного труда товаропроизводителей.

Концентрация капитала имеет своим пределом соединение всех отдельных капиталов в один капитал, присоединяющий к себе

создаваемую им прибавочную ценность. Соединение всех отдельных капиталов в один капитал, присоединяющий к себе свою прибавочную ценность, придало бы наконец ценности капитала форму, под которую действительно подошел бы весь общественный труд всех работников в материальном производстве капиталистического общества.

Однако, если бы процесс воспроизводства одного отдельного капитала непосредственно совпадал с непрерывно возобновляющимся процессом труда всего общества, объединенного этим капиталом и сознательно направляемого волей владельцев этого капитала, то в самом процессе труда нашел бы себе выражение лишь общественный характер труда, приводимого в движение капиталом.

Между тем задача заключается в том, чтобы найти форму для выражения общественного характера непосредственно частного, но отнюдь не непосредственно общественного труда. Получая форму непосредственно общественного труда, труд товаропроизводителя превращается в свое собственное отрицание.

Все развитые до сих пор формы капитала, начиная с производства абсолютной прибавочной ценности, являются развитием различных форм понятия о капитале как о процессе производства капитала непосредственно в процессе труда.

Между тем непосредственно в самом процессе труда может быть вообще обнаружен лишь особый конкретный характер труда, как источника особых потребительных ценностей, но не обнаруживается, какова его общественная форма. Непосредственно в самом процессе труда не может быть обнаружено, что производство особой потребительной ценности есть вместе с тем в скрытом виде, производство всех остальных потребительных ценностей. В самом процессе труда не может быть обнаружено, что труд, затрачиваемый частным образом в производстве особой потребительной ценности, служит лишь формой, в которой проявляется и под которой скрывается труд всего общества, производящий все особые потребительные ценности. Между тем лишь этот признак является отличительным признаком общественного характера труда товаропроизводителей.

Все формы производства капитала оказываются, таким образом, не осуществлением понятия о капитале, но его отрицанием.

Однако в понятии о капитале как о процессе производства в его наиболее развитой форме, а именно в форме понятия о воспроизводстве, уже содержится переход к новому, более высокому понятию о капитале. Воспроизводство капитала по самому своему существу не является непосредственным переходом от одного процесса производства к другому, следующему за ним. Воспроизводство капитала есть воспроизводство его при посредстве обращения.

Процесс производства есть лишь одно из изменений, происходящих с капиталом во время его обращения по форме $D—T—D$.

Процесс производства есть лишь ступень в процессе обращения капитала.

Если на этой ступени обращения капитала общественный характер труда товаропроизводителей и не может быть обнаружен непосредственно, то он может быть обнаружен на других ступенях этого обращения,—на тех ступенях, когда капитал имеет форму продуктов труда, ценностей.

Все обращение капитала совершается в форме *кругооборота*, завершение которого является возвратом к той форме, которую капитал имел в начале своего обращения.

Понятие о капитале, как о ценности, возрастающей в кругообороте, имеющем в целом форму обращения, но включающем в себя и производство капитала, как одно из подчиненных звеньев всего кругооборота в целом,—является отрицанием понятия о капитале, как о непосредственном процессе производства капитала.

Понятие о капитале, как о непосредственном процессе производства капитала, само было отрицанием первоначального неразвитого понятия о капитале, как о ценности, самовозрастающей в обращении по форме Д—Т—Д.

Понятие о капитале, как о ценности, возрастающей в кругообороте форм, включающем в себя и процесс производства капитала,—является, таким образом, отрицанием отрицания и возвратом к первоначальному общему понятию о капитале, новым его утверждением.

Однако кругооборот форм капитала, представляющий в целом обращение, но включающий в себя и производство, есть не только возврат к первоначальному общему понятию о капитале, но и отрицание последнего.

Неразвитое общее понятие о капитале именно потому, что оно еще не было развито, не могло обнаружить, в каких особых формах оно осуществляется в своем развитии, не давало понятия о возрастании капитала в производстве. Появившееся же теперь понятие об обращении капитала есть развитое понятие, включающее в себя, в качестве особых звеньев всего кругооборота, особые формы производства и обращения капитала.

Кругооборот форм капитала в его обращении является, таким образом, не только отрицанием, но и сохранением понятия о капитале, как о непосредственном процессе производства. Однако последнее понятие сохраняется лишь, как подчиненное звено в обращении капитала, как форма, отвергнутая в качестве общей формы капитала и превзойденная в развитии понятия о капитале. Достигнутое теперь понятие о капитале есть синтез всех предшествующих форм понятия о капитале.

Как ясно из предыдущего изложения, ценность товара может выступить, как капитал, лишь приняв денежную форму. Поэтому кругооборот форм капитала в его обращении начинается с денежной формы капитала. Весь кругооборот протекает в той же общей форме обращения капитала, как он представлялся в общем

неразвитом понятии о капитале, а именно: кругооборот капитала протекает в общей форме $D-T-D$. Это—кругооборот *денежного* капитала. Однако особое проявление общей формы будет теперь иным. Теперь в эту форму обращения входит и перерыв обращения, т. е. процесс производства капитала.

Однако процесс угасает в своем результате. Хотя процесс производства и входит в обращение капитала, как одна из его ступеней, но форма, какую капитал получает, в конце концов, при посредстве обращения, а именно, форма новой денежной суммы, сама по себе ничем не обнаруживает, что она возникла из первоначальной меньшей денежной суммы посредством возрастания последней в процессе производства. В результате всего кругооборота капитал, таким образом, не получает формы, обнаруживающей, что он есть капитал. Понятие о капитале вновь становится своим собственным отрицанием.

Однако, едва лишь денежный капитал в своем кругообороте переходит из денежной формы в форму товара, а именно, в форму средств производства и рабочей силы, т. е. в форму капитала, непосредственно занятого в процессе производства, как весь кругооборот может быть представлен, как кругооборот производительного капитала, а именно, как переход от одного процесса производства к другому через посредство обращения (т. е. через посредство продажи готового продукта и покупки на вырученные деньги средств производства и рабочей силы). Предшествующее этому кругообороту первоначальное превращение денег в средства производства и рабочую силу может быть при этом рассматриваемо лишь как подготовительная деятельность, не входящая в возникающий на ее основе кругооборот *производительного* капитала.

Если рассматривать кругооборот капитала в этой 2-й фигуре, то снова можно обнаружить, что капитал возрастает в производстве. Зато понятие о капитале снова превращается в отрицание понятия о нем, как о ценности, которая возрастает в кругообороте форм, имеющем в общем форму обращения. Если в этой фигуре кругооборота обращение имеет место, то лишь, как подчиненное звено в кругообороте, имеющем в целом форму производства. В результате кругооборота капитал вновь имеет форму непосредственного процесса производства ценности, а не самой ценности. Ценность в этой форме снова превращается в свое собственное отрицание.

Однако кругооборот производительного капитала в свою очередь сам порождает новую форму кругооборота едва лишь завершится первое звено кругооборота, т. е. едва лишь заканчивается процесс производства, и средства производства превращаются в готовый товар, а рабочая сила погибает в результате ее потребления. Начиная с этого момента кругооборот капитала можно рассматривать, как кругооборот *товарного* капитала.

Весь кругооборот капитала принимает в этом случае форму

обращения товара, осуществляемого при посредстве превращения товара в деньги, а затем вырученных денег в новый товар (в средства производства и рабочую силу), т. е. при посредстве обращения в форме Т—Д—Т. Затем следует процесс производства, заканчивающийся изготовлением нового товара, подлежащего продаже.

Понятие о капитале, как о кругообороте товарного капитала, есть отрицание понятия о капитале, как о непосредственном процессе производства, осуществляемом при посредстве обращения, как промежуточного звена.

В кругообороте товарного капитала как исходным, так и конечным пунктом является не самый процесс производства, но его продукт, готовый товар, в котором труд, затраченный на его производство, уже застыл в виде вещи, уже стал ценностью. Как особый товар, так и деньги, это—те две основные формы, которые ценность имеет в обращении. Выступая, как готовый товар, капитал выступает в форме, присущей ему в области обращения. Между тем в кругообороте производительного капитала капитал имеет форму процесса создания ценности в производстве, но не готовой ценности.

Третья фигура кругооборота, кругооборот товарного капитала, является отрицанием 2-й фигуры, кругооборота производительного капитала. Последняя сама была отрицанием 1-й фигуры, кругооборота денежного капитала. Таким образом, 3-я фигура есть отрицание отрицания и возврат к 1-й фигуре кругооборота.

Действительно, как в 1-й, так и 3-й фигуре ценность капитала имеет форму овеществленного труда, т. е. уже существующей ценности, но отнюдь не процесса его овеществления. Капитал в обеих фигурах выступает в форме, присущей ему в области обращения. Весь кругооборот капитала как в 1-й, так и 3-й фигуре может быть изображен как процесс обращения. В 1-й фигуре это—обращение по форме Д—Т—Д. В 3-й фигуре это—обращение по форме Т—Д—Т.

Если в последней фигуре дело и не заканчивается вместе с превращением ценности капитала из формы денег в форму товара, если с купленным товаром происходят дальнейшие изменения (рабочая сила и средства производства потребляются в производстве, и вместо них возникает новый товар), то все эти изменения не нарушают общей формы кругооборота товарного капитала, как обращения по форме Т—Д—Т. Товар (средства производства и рабочая сила), купленный на вырученные от продажи первоначального товара деньги, поступает в производительное потребление, т. е. капитал из формы, присущей ему в обращении, переходит в производство, однако дело здесь не заканчивается и производством. Конец кругооборота не производство, но готовый товар,—форма, присущая капиталу в обращении. Производство оказывается лишь промежуточным звеном в изменениях, имевших место с капиталом в последней форме, которую он получил в

обращении по форме Т—Д—Т. Пребывание его в последней форме, присущей ему в этом обращении, именно, в форме товара, само может быть изображено, как диалектический кругооборот, обладающей формой: товар-процесс производства—новый товар.

Весь этот кругооборот в целом все же обладает общей формой товара. То обстоятельство, что во время пребывания капитала в форме товара имеет место и производство, столь же мало нарушает форму Т—Д—Т, как мало то же самое обстоятельство нарушало общую форму обращения денежного капитала Д—Т—Д.

Однако 3-я фигура кругооборота является не только новым утверждением, но и отрицанием 1-й фигуры. В 1-й фигуре ценность капитала выступает в форме денег, в форме ценности, какую ценность получает лишь в обращении и при посредстве обращения. Между тем в 3-й фигуре ценность капитала имеет форму отрицания денег. Она имеет форму особой потребительной ценности, которая сама по себе обнаруживает лишь, что она—продукт процесса производства, но вовсе не обнаруживает ни своего происхождения из обращения, ни того факта, что в будущем она снова поступит в обращение. В этом отношении 3-я фигура является не только отрицанием, но и сохранением 2-й фигуры. Она обнаруживает, что производство,—хотя и как пройденное развитие, отвергнутое звено,—все же имело место во всем кругообороте в целом, раз окончательная форма капитала есть особая потребительная ценность.

Таким образом кругооборот товарного капитала есть синтез первых двух фигур кругооборота.

Однако сам этот синтез придает ценности капитала форму потребительной ценности, т. е. превращает ценность в ее собственное отрицание.

Между тем из развития понятий о каждой из трех фигур кругооборота в отдельности вытекает более высокое понятие о капитале.

В самом деле, все три несовместимых фигуры кругооборота капитала суть различные проявления кругооборота одного и того же капитала. Значит, неправильно было бы представлять себе общую форму кругооборота капитала, как одну из особых рассмотренных здесь фигур. Общая форма кругооборота капитала находит себе проявление во всех трех фигурах кругооборота.

Понятие о кругообороте капитала, как о кругообороте, находящем себе проявление во всех трех особых фигурах кругооборота, есть отрицание понятия о капитале, как о ценности, совершающей свой кругооборот в какой-либо одной особой фигуре.

Понятие о кругообороте капитала, как о кругообороте, имеющем форму той или другой особой фигуры, само было отрицанием общего неразвитого понятия о кругообороте капитала.

Понятие о кругообороте капитала, как о кругообороте, находящем себе проявление во всех трех особых фигурах, является,

таким образом, отрицанием отрицания и возвратом к первоначальному общему понятию о кругообороте капитала.

Однако это не только новое утверждение, но и отрицание первоначального общего понятия о кругообороте капитала, ибо первоначально неразвитое понятие именно потому, что оно есть только общее и неразвитое понятие, не содержит в себе до своего развития никаких особых понятий об особых формах своего проявления. Понятие же о кругообороте капитала, как о кругообороте, находящем себе проявление в трех особых фигурах, содержит в себе все эти особые формы. Оно является не только отрицанием, но и сохранением понятий об особых фигурах кругооборота. Это—синтез всего развития понятия о кругообороте капитала.

Понятие о кругообороте капитала, как о синтезе всех особых фигур кругооборота, само собою вытекает из понятий об этих особых фигурах. Кругооборот капитала может быть безразлично представлен в любой из этих особых фигур. Однако одна фигура все же исключает другую. Если кругооборот капитала понимать, как кругооборот денежного капитала, то его нельзя понимать одновременно, как кругооборот производительного или товарного капитала. Если его понимать, как кругооборот производительного капитала, то его нельзя понимать ни как кругооборот денежного, ни как кругооборот товарного капитала. Наконец, если его понимать, как кругооборот товарного капитала, то его нельзя понимать ни как кругооборот денежного, ни как кругооборот производительного капитала. Хотя любая из всех трех особых фигур и может служить выражением для кругооборота всего капитала, но таким выражением всегда может быть лишь одна какая-либо фигура.

Таким образом понятие о кругообороте капитала снова принимает форму понятия о кругообороте, протекающем в той или другой особой фигуре. Оно становится отрицанием понятия о кругообороте, как кругообороте, находящем себе проявление в любой из всех трех фигур безразлично.

Кругооборот одного и того же капитала действительно будет находить себе проявление в любой из всех трех фигур, только при том условии, если он примет форму, позволяющую одновременно рассматривать его и как кругооборот денежного, и как кругооборот производительного, и как кругооборот товарного капитала.

Последнее можно осуществить лишь посредством разделения капитала на три части, из которых одна часть находится на одной ступени кругооборота и имеет форму денег, превращающихся в рабочую силу и средства производства. Другая часть капитала имеет форму средств производства и рабочей силы, потребляемых в производстве нового товара. Третья часть должна иметь форму готового товара, который должен затем превратиться в деньги.

При этом условии, если кругооборот 1-й части капитала рас-

смагивать как кругооборот денежного капитала, то кругооборот 2-й части необходимо рассмагивать как кругооборот производительного капитала, а 3-й части—как кругооборот товарного капитала.

Кругооборот всего капитала будет тогда проявляться одновременно во всех трех своих формах. Капитал будет одновременно и непосредственным процессом труда,—единственной формой, в которой происходит действительное возрастание капитала,—и процессом обращения,—единственной формой, в которой обнаруживается, что труд, затраченный частным образом в производстве особой потребительной ценности, есть общественный труд, находящий себе выражение в любой особой потребительной ценности и служащий для удовлетворения потребностей общества.

В процессе обращения капитал будет одновременно и деньгами, подлежащими превращению в особые товары,—и готовым товаром, лишь подлежащим превращению в деньги.

Тем самым обнаруживается, что ценность сама по себе есть нечто отличное от всех особых форм, в которых она проявляется. Она отличается как от формы денег, так и от формы всякого особого товара, ибо она проявляется безразлично как в форме денег, так и в форме товаров; как в форме товаров одного рода (средств производства и рабочей силы), так и в форме товаров другого рода, т. е. производимых в данном предприятии особых товаров.

Тем самым обнаруживается, что ценность есть нечто общее, лежащее в основе различных особых видов человеческой деятельности, т. е. абстрактно взятый всеобщий общественный труд, для которого безразлично, в какой особой форме он находит для себя действительное проявление.

Однако, если весь капитал разделен на три части, из которых каждая обладает своим особым кругооборотом, присущим ей в отличие от других частей, то ни одна из этих частей не может заменить другую. Их нельзя рассмагивать, как безразличные части одного и того же капитала. На них придется смотеть как на три самостоятельных, не связанных друг с другом капитала.

Каждый из них обладает своим особым кругооборотом. Понятие о кругообороте капитала, как об единстве всех трех особых фигур, превращается, таким образом, в свое собственное отрицание.

Однако в понятии о капитале, как о кругообороте форм, который может найти себе выражение в любой из трех особых фигур безразлично, уже заключено понятие о возобновлении кругооборота.

В самом деле, если исходной фигурой кругооборота является, скажем, кругооборот денежного капитала, то весь этот кругооборот может быть представлен, как кругооборот производительного капитала только при том условии, если кругооборот денежного капитала по своем завершении будет возобновлен. В течение 1-го кругооборота денежного капитала может осуществиться лишь одна

часть кругооборота производительного капитала, именно, процесс производства и следующий за ним процесс обращения (т. е. превращение готового товара в деньги). Этим 1-й кругооборот денежного капитала заканчивается. В кругообороте же производительного капитала остается неосуществленным еще одно звено: превращение денег в средства производства и рабочую силу. Этот процесс обращения лежит уже в пределах 2-го кругооборота денежного капитала. Для его осуществления необходимо возобновление кругооборота денежного капитала по завершении 1-го кругооборота последнего.

Точно так же для того, чтобы кругооборот производительного капитала мог быть представлен, как кругооборот товарного капитала, необходимо, чтобы кругооборот производительного капитала по своем завершении был возобновлен. Наконец, для того, чтобы кругооборот товарного капитала можно было представить, как кругооборот денежного капитала, необходимо повторение кругооборота товарного капитала по его завершении.

Таким образом, понятие о кругообороте капитала превращается в понятие о возобновлении кругооборотов по их завершении вновь и вновь,—в понятие об *обороте* капитала.

Если кругооборот, присущий каждой отдельной части капитала в отличие от других частей, повторяется по своем завершении вновь и вновь, то кругооборот каждой части капитала может быть представлен безразлично в любой фигуре. Все части капитала могут быть представлены, как такие его части, кругооборот которых по своей форме одинаков и которые лишь находятся одновременно на разных ступенях своего оборота.

В таком случае одна часть капитала вполне может заменить другую. Отдельные части капитала ничем не отличаются друг от друга по форме своего оборота. Они становятся безразличными частями одного и того же капитала, но отнюдь не самостоятельными, чуждыми друг другу капиталами.

Так как все части капитала находятся каждая на различных ступенях своего оборота и так как каждая из них по завершении его возобновляет свой оборот вновь, то весь капитал, на какой бы ступени своего оборота ни находились его отдельные части, непрерывно возрастает в действительности, ибо, во всяком случае, одна из его частей (если он разделен всего на три части) всегда оказывается занятой в производстве и, значит, возрастает в действительности. С другой стороны, капитал всегда имеет форму готовой ценности, форму, обнаруживающую общественный характер воплощенного в капитале труда, так как две других части капитала всегда находятся в обращении. Одна часть из формы особого товара превращается в деньги, в то время как другая его часть будет превращаться из денег в товар, доказывая этим, что деньги, в которые был превращен капитал, действительно скрывают в себе особые потребительные ценности, продукты труда различных членов общества.

Понятие о капитале, как понятие о непрерывно возобновляющемся обороте капитала, является отрицанием понятия о капитале, как об однократном его кругообороте.

Для возрастания капитала, находящегося в обороте, безразлично, в какой особой фигуре будет представлен кругооборот каждой отдельной его части. Для возрастания капитала, находящегося в обороте, безразлично, имеет ли та или другая его часть форму товара или денег, или форму процесса производства. В этом находит себе выражение безразличный абстрактный характер труда, воплощенного в форме ценности этого капитала.

Однако ценность капитала, проходя сквозь все особые формы, все же не получает всеобщего выражения, не становится воплощением всех особых видов труда товаропроизводителей. Каждый отдельный капитал в кругообороте своих форм превращается лишь в некоторое ограниченное число потребительных ценностей. Если речь идет о производстве холста, то капитал из денежной формы превращается в рабочую силу, пряжу, ткацкие станки, уголь и т. д. Все это превращается в холст, но отнюдь не в сапоги, в керосин и т. п. Отдельный капитал со всеми своими частями, находящимися на разных ступенях своего оборота, является, таким образом, лишь воплощением тех или иных особых видов частного труда, но отнюдь не воплощением всеобщего абстрактного общественного труда товаропроизводителей.

Далее, если разные части капитала одновременно находятся на разных ступенях оборота капитала, то хотя каждая отдельная часть и переходит непрерывно из одной формы в другую (из первоначальных ступеней производства—в более поздние; из производства—в обращение; из товара—в деньги; из денег—обратно в товар), но весь капитал в целом все время остается в неподвижном состоянии.

Все время одна и та же сумма ценности, составляющая известную долю всего капитала, находится в производстве. Все время одна и та же сумма оказывается закрепленной в начальных ступенях производства, одна и та же в промежуточных, одна и та же часть капитала—в заключительных ступенях производства. Всегда одна и та же сумма имеет форму готового товара, лежащего на складе. Одна и та же часть готового товара находится в продаже. Всегда одна и та же часть капитала имеет форму вырученных от продажи денег. Постоянно одна и та же сумма имеет форму средств производства, купленных на вырученные от продажи деньги, и т. д.

Круговое движение отдельных частей капитала, переплетающихся в этом движении в единый капитал, приобретает внешнюю форму покоя, спокойного существования бок о бок разных, повидимому, не связанных ничем друг с другом и не переходящих друг в друга частных форм капитала.

Однако каждое звено в обороте отдельного капитала оказы-

вается вместе с тем каким-либо звеном и в обороте другого капитала. Например, покупка пряжи ткачом является одним из звеньев в обороте капитала, занятого в ткацком деле, именно покупкой сырья для ткацкого производства. Но вместе с тем это есть продажа прядильщиком изготовленной им пряжи,—известное звено в обороте капитала прядильщика.

Далее, продажа готового холста является одной из ступеней в обороте капитала, занятого в ткацком деле. Вместе с тем это есть покупка, с одной стороны, рабочими средств существования, необходимых для воспроизводства их рабочей силы. С другой стороны, продажа холста означает покупку его капиталистами (или лицами, состоящими на иждивении капиталистов), превращающими, таким образом, свою прибавочную ценность в холст.

Оборот каждого отдельного капитала оказывается переплетенным, в конце концов, с оборотами всех остальных капиталов. Оборот каждого отдельного капитала оказывается лишь подчиненным звеном в движении всего общественного производства и обращения,—в том движении, в котором вновь и вновь воспроизводятся все отдельные капиталы, составляющие в совокупности весь общественный капитал.

Таким образом, оборот капитала получает свое полное выражение лишь *в воспроизводстве всего общественного капитала*. В воспроизводстве же всего общественного капитала находит свое выражение не тот или иной особый частный вид труда, но всеобщий общественный труд товаропроизводителей.

Однако воспроизводство всего общественного капитала, хотя и является дальнейшим развитием понятия об обороте капитала, все же оказывается отрицанием последнего понятия.

В самом деле, понятие о воспроизводстве всего общественного капитала необходимо имеет форму понятия о последовательном переходе всего общественного капитала, как единого целого, с одних ступеней кругооборота на другие, вытекающие из первых. Понятие о воспроизводстве всего общественного капитала не может быть дано в форме понятия о воспроизводстве многих капиталов, находящихся одновременно на различных, следующих одна за другой ступенях своего оборота.

Если при рассмотрении воспроизводства всего общественного капитала рассматривать общественный капитал, как множество отдельных капиталов, находящихся одновременно на разных ступенях своего оборота, то движение всего общественного капитала и, значит, его воспроизводство невозможно было бы обнаружить. Движение всего общественного капитала имело бы внешнюю форму покоя, ибо в то время, как одна часть общественного капитала переходит на новую более высокую ступень, другая часть, ранее занимавшая последнюю ступень, покидает ее, третья часть в это же время переходит на ступень, занятую до сих пор первой частью, и т. д. Все целое неизменно имело бы форму такого целого, отдельные части которого всегда в той же форме находятся

на тех же ступенях движения. Но именно такую форму и имеет капитал, как капитал, находящийся в непрерывном обороте.

Если же рассматривать воспроизводство всего общественного капитала, как переход его в целом с одних ступеней своего кругооборота на другие, то движение это, хотя и может быть изображено в любой особой фигуре кругооборота, но оно все же может быть изображено лишь, как движение, протекающее в какой-либо одной особой фигуре.

Понятие о воспроизводстве всего общественного капитала есть, как сказано выше, отрицание понятия о капитале, как о капитале, находящемся в непрерывном обороте. Последнее само было отрицанием понятия об отдельном кругообороте капитала, всегда имеющем форму той или иной особой фигуры кругооборота.

Воспроизводство всего общественного капитала является, таким образом, отрицанием отрицания, понятно, что оно оказывается возвратом к понятию о кругообороте капитала в той или иной особой фигуре.

Воспроизводство всего общественного капитала не может быть, однако, изображено в фигуре, представляющей весь кругооборот общественного капитала, как кругооборот производительного капитала. Дело в том, что процесс непосредственного производства представляет частное дело каждого отдельного товаропроизводителя. В самом производстве отдельные капиталы лишены всякой связи друг с другом. Все общественное производство лишено формы производства единого общественного капитала, но представляет производство многих разрозненных капиталов. Если изобразить движение всего общественного производства, как кругооборот производительного капитала, то оно получит форму движения множества разрозненных, не сливающихся в одно целое кругооборотов особых производительных капиталов.

Различные капиталы сплетаются в одно целое только в обращении. Поэтому общественное воспроизводство нужно рассматривать в фигуре, выражающей процесс обращения.

Однако воспроизводство всего общественного капитала нельзя представить, как кругооборот денежного капитала, ибо невозможно представлять себе весь общественный капитал, как капитал, имеющий сначала форму денег и потом принимающий форму товара. Если бы весь общественный капитал первоначально имел форму денег, то это означало бы, что нет никаких товаров, которые можно было бы купить затем на эти деньги. Никакое движение частного или общественного капитала при этом условии не было бы возможно.

При рассмотрении общественного воспроизводства за исходный пункт нужно брать капитал в форме готового товара. За исходный пункт необходимо брать результат прошлого процесса производства. В зависимости от того, в каком количестве известных товаров общественный капитал был воплощен в результате прошлого производства, окажется возможным то или другое их

потребление при посредстве обращения и, значит, то или другое новое производство в будущем. Иными словами, воспроизводство общественного капитала определяется характером этого капитала, как товарного капитала.

Таким образом воспроизводство всего общественного капитала необходимо рассматривать в форме кругооборота товарного капитала, в котором оба акта обращения и новсе производство суть промежуточные ступени, служащие средством для придания всему общественному капиталу вновь его исходной товарной формы.

Понятие о воспроизводстве всего общественного капитала так же, как и понятие о воспроизводстве отдельного капитала, проходит через развитие понятий о простом воспроизводстве, о накоплении капитала посредством превращения прибавочной ценности в капитал и, наконец, о синтезе этих особых понятий в понятии о расширенном воспроизводстве. Повторять диалектическое развитие этих понятий вновь нет смысла. Достаточно лишь упомянуть об этом.

Будучи возвратом к понятию о кругообороте капитала, как о кругообороте, протекающем в одной из особых фигур кругооборота (а именно, возвратом к фигуре кругооборота товарного капитала), общественное воспроизводство является не только возвратом к этой форме, но и отрицанием таковой.

Воспроизводство капитала означает, что кругооборот капитала повторяется, а не ограничивается однократным своим осуществлением. В этом отношении воспроизводство всего общественного капитала является не только отрицанием, но и сохранением понятия о капитале, как о капитале, возрастающем в непрерывном обороте.

Воспроизводство всего общественного капитала является синтезом и завершением развития всех рассмотренных выше форм капитала, в которых все движение капитала имеет форму его обращения.

Все формы обращения капитала являются отрицанием всех форм процесса производства капитала, взятого независимо от обращения.

Все формы производства капитала, в свою очередь, были отрицанием первоначального общего понятия о капитале, как о ценности, самовозрастающей в обращении по форме $D—T—D$.

Воспроизводство всего общественного капитала, будучи синтезом всех форм обращения капитала, является наиболее развитой формой возврата к первоначальному общему понятию о капитале. (Первой, наименее развитой формой возврата к этому понятию была, как сказано выше, первая форма понятия об обращении капитала, т. е. первоначальное понятие о кругообороте форм обращения и производства капитала, имеющем общую форму обращения капитала.)

Однако, будучи возвратом к первоначальному общему поня-

тию о капитале, понятие о воспроизводстве всего общественного капитала является вместе с тем отрицанием этого понятия.

Первоначальное общее понятие о капитале есть, как уже указывалось выше, неразвитое и лишь общее понятие о самовозрастании ценности в обращении. Воспроизводство общественного капитала в наиболее развитой форме показывает, в каких особых формах осуществляется это общее понятие. Здесь обнаруживается, во-первых, что движение капитала есть общественный, а не частный процесс, и, во-вторых, что в общей форме обращения скрывается и его отрицание, т. е. производство, единственная ступень в движении капитала, когда он действительно самовозрастает. Всего этого не видно в первоначальной неразвитой общей форме понятия о капитале.

Воспроизводство всего общественного капитала является поэтому не только отрицанием, но и сохранением формы капитала, как непосредственного процесса производства. Это—синтез всех форм как производства, так и обращения капитала.

Однако во всех этих формах своего развития капитал оказывается своим собственным отрицанием. Во всех этих формах понятия о капитале формой самовозрастающей ценности обладает лишь переменный капитал, который из денежной формы превращается капиталистом в рабочую силу. Постоянный же капитал, та часть ценности, которая превращается в средства производства, не производит прибавочной ценности, не возрастает по своим размерам. Значит, постоянный капитал оказывается не капиталом.

Труд, воплощенный в капитале, оказывается неодинаковым трудом. Труд, воплощенный в ценности переменного капитала, оказывается способным к самовозрастанию. Труд, воплощенный в постоянном капитале, лишен этого качества.

Между тем, согласно понятию о ценности, труд, образующий ценность, есть одинаковый во всех случаях абстрактный общественный труд.

Значит, капитал в рассмотренных до сих пор формах не соответствует ни понятию о капитале, как самовозрастающей ценности, ни понятию о ценности вообще.

Однако для действительного возрастания капитала столь же необходимы средства производства, применяемые рабочими, как и сама их рабочая сила. Без средств производства рабочим не к чему было бы применить свой труд. Труд вообще, в том числе и прибавочный труд, не мог бы осуществиться, кристаллизаться, и стать ценностью, в том числе и прибавочной ценностью.

Без средств производства не могла бы возрасть ни одна часть капитала.

По своей форме самовозрастание капитала является, таким образом, результатом не только потребления рабочей силы, но в такой же мере и результатом потребления средств производства.

Прибавочная ценность по своей форме оказывается, таким образом, порождением не только переменного, но в равной мере

и постоянного капитала,—порождением всего капитала, т. е. *прибылью* на капитал, а не прибавочной ценностью в тесном смысле слова.

Возрастание капитала происходит, таким образом, в форме возрастания всего капитала в равной степени.

Капитал, как капитал, приносящий прибыль в равной мере на все части капитала, является отрицанием всех предыдущих форм понятия о капитале, как о ценности, одна часть которой (именно переменный капитал) производит прибавочную ценность. Понятие о капитале, как источнике прибыли, является отрицанием понятия о капитале, как источнике прибавочной ценности.

Капитал, как источник прибыли, приобретает форму ценности, самовозрастающей равномерно во всех своих частях. Однако в этой форме в действительности все же осуществляется возрастание одного лишь переменного капитала (поскольку вообще можно говорить о действительном самовозрастании капитала).

Между тем в различных отраслях производства, в зависимости от материальных условий производства различных потребительных ценностей, затраты на рабочую силу составляют неодинаковую долю всего вложенного в производство капитала. Поэтому прибавочная ценность в различных отраслях производства составляет неодинаковую долю капитала.

Таким образом, при прочих равных условиях в различных отраслях производства размер прибыли по сравнению со всем капиталом, т. е. норма прибыли оказывается различной. Тем самым труд, образующий ценность различных капиталов, оказывается трудом, неодинаковым по своим свойствам. Качественные различия между особыми конкретными видами труда в материально различных отраслях производства обнаруживаются в количественных различиях нормы прибыли. Капитал, приносящий прибыль, из формы, выражающей существо ценности, как воплощения абстрактного всеобщего общественного труда, превращается в свое собственное отрицание: в выражение особого частного характера труда, воплощенного в товарах.

Однако деятельность капитала, вложенного в отдельную отрасль производства, предполагает, как уже было выяснено, переплетающуюся с нею деятельность других капиталов в других отраслях производства. Без посредства деятельности последних была бы невозможна и деятельность первого. Значит, прибыль всех отраслей промышленности в целом нужно считать общим продуктом деятельности всего общественного капитала, как целого. Все части общественного капитала, в какую бы отрасль производства ни была вложена каждая из них, в равной мере необходимы для производства; в равной мере участвуют в создании всей суммы прибыли, получаемой всем обществом.

Таким образом продуктом каждого отдельного капитала приходится считать лишь такую долю общественной прибыли, какая

соответствует его величине по сравнению с величиной всего общественного капитала.

Одинаковый характер общественного труда, образующего ценность капитала, в какую бы особую отрасль последний ни был вложен,—этот одинаковый характер труда находит себе выражение в том случае, если каждый отдельный капитал выступает лишь, как подчиненная часть всего общественного капитала, участвующая в создании всей общественной прибыли в равной с остальными частями мере.

Однако для того, чтобы капиталы всех отраслей производства приносили одинаково высокую прибыль, необходимо, чтобы товары, произведенные в различных отраслях капиталами равной величины, продавались по цене, покрывающей издержки производства этих товаров и доставляющей равную прибыль. Эта цена называется *«ценой производства»* товаров.

Таким образом труд, воплощенный в капитале, приобретает форму труда, одинакового во всех отраслях производства, лишь при том условии, если ценность товаров находит себе проявление в форме цены их производства.

Однако, если общественный капитал рассматривать как единое однородное целое, не делая различия между отдельными частными капиталами, из которых он состоит, то воплощенный в нем труд рабочих будет обнаруживать лишь свой общественный характер, ничем не обнаруживая, что это—общественный труд частных производителей. Между тем отличительной чертой общественного труда товаропроизводителей является именно то, что это—труд, выполняемый в форме частного труда.

Частный характер труда, воплощенного в капитале, выражается в особой частной форме прибыли, присущей данному капиталу, в отличие от прибыли других частных капиталов. Общественный характер труда, воплощенного в капитале, выражается в равенстве нормы прибыли для капиталов всех отраслей производства. Ценность есть воплощение общественного труда, который имеет, однако, форму частного труда. Это значит, что капиталы каждой особой отрасли производства хотя и должны получать равную с капиталами других отраслей норму прибыли, должны вместе с тем получать ее в форме особой нормы прибыли, присущей лишь данной отрасли.

Однако норма прибыли в одной отрасли производства не может быть одновременно и равна и не равна норме прибыли других отраслей. Это противоречие может быть осуществлено и разрешено только в форме перехода от неравенства прибыли к равенству и от равенства к неравенству.

Истинной формой, выражающей общественный характер труда товаропроизводителей, является, таким образом, *конкуренция* капиталов, уравнивающая отклонения прибыли отдельных отраслей от нормы, средней для всего общественного капитала.

Прибыль капиталов различных отраслей ни в один отдельный

момент не является равной для них всех, но в общем колеблется вокруг общего для всех их среднего уровня. Таким образом равенство прибылей осуществляется в форме их неравенства.

Общественный характер труда, воплощенного в капитале, получает таким образом выражение, одинаковое во всех отраслях производства, но получает его в форме множества особых частных выражений, неодинаковых в разных отраслях производства.

Понятие об общественном капитале получает форму понятия о совокупности капиталов различных отраслей, устанавливающих между собою связь в движении конкуренции. Последняя вынуждает капиталы каждой отрасли делиться создаваемой ими прибавочной ценностью и получать лишь столько прибыли, сколько причитается на долю капиталов данной отрасли, если смотреть на них лишь, как на часть всего общественного капитала, в равной мере с другими участвующую в создании общественной прибыли.

Это понятие является отрицанием понятия об общественном капитале, как об едином целом, лишенном внутреннего расчленения на самостоятельные, чуждые друг другу отдельные капиталы. Последнее понятие само было отрицанием понятия об общественном капитале, как о совокупности самостоятельных капиталов, лишенных связи друг с другом и приносящих каждый особую прибыль.

Таким образом понятие об общественном капитале, как об единстве, распадающемся на множество самостоятельных по форме капиталов, устанавливающих посредством конкуренции связь друг с другом, является отрицанием отрицания и возвратом к исходному пункту, т. е. к понятию об общественном капитале, как о сумме чуждых друг другу самостоятельных капиталов с различной нормой прибыли в разных отраслях.

В самом деле, как в исходной, так и в рассматриваемой форме каждый отдельный капитал является по своей форме независимым от всех остальных. Продукт его продается по цене, устанавливаемой независимо от решения общества. Прибыль, которую получает капитал в каждой отдельной отрасли промышленности, является в каждом отдельном случае частною особою прибылью, которую приносит капитал лишь в данной отрасли промышленности.

Однако понятие об общественном капитале, как о сумме отдельных капиталов, связываемых конкуренцией в одно целое, является не только возвратом к понятию о сумме самостоятельных капиталов, но и отрицанием этого понятия, ибо конкуренция все же связывает разрозненные капиталы в одно целое. В этом отношении понятие об общественном капитале, как о сумме капиталов, осуществляющих свою взаимную связь путем конкуренции, является не только отрицанием, но и сохранением понятия об общественном капитале, как о едином целом.

Конкуренция уравнивает прибыли разных отраслей производства. Если норма прибыли в одной отрасли производства выше, чем в других, то происходит наплыв капиталов в нее из других

отраслей. Конкуренция капиталов понижает норму прибыли в этой отрасли, заставляя капиталистов понижать цены на производимые ими товары. Конкуренция обостряется еще тем, что спрос на продукты данной отрасли производства сокращается, если вследствие роста цен на продукты этой отрасли производства, норма прибыли превышает среднюю для всего общества норму.

Если конкуренция понизит цены настолько, что норма прибыли в данной отрасли промышленности упадет ниже средней общественной нормы, то из этой отрасли начнется отлив капиталов. Конкуренция будет ослабевать тем более, что падение цен повысит спрос на данный товар.

Конкуренция из-за прибыли приводит в связь отдельные капиталы, превращает их в подчиненные части единого общественного капитала, заставляет капиталы в каждой отрасли производства довольствоваться той долей общественной прибыли, какая причитается на их долю сообразно их величине по сравнению со всем общественным капиталом. Если в результате колебаний в данных отраслях производства устанавливается норма прибыли, равная средней для данного общества, то прилив капиталов в эти отрасли и отлив из них прекращается. Эти отрасли теряют связь с капиталами, вложенными в другие отрасли производства. Капиталы различных отраслей становятся капиталами, действующими независимо друг от друга. Их независимое друг от друга возрастание приводит, однако, к тому, что их прибыли снова оказываются различными, а это в свою очередь порождает повторение уравнительного процесса.

Конкуренция, непрерывно устраняющая и непрерывно порождающая неравенство норм прибыли, являясь утверждением и отрицанием как обособленного развития, так и единства отдельных капиталов, является синтезом этих обеих противоречащих друг другу форм.

Уравнивая прибыли для капиталов различных отраслей промышленности, конкуренция заставляет всех капиталистов одной и той же отрасли производства продавать свои товары по одинаковой цене, независимо от различий в их издержках производства.

Прибыль есть разница между издержками производства и продажной ценой. Поэтому прибыли различных капиталистов одной и той же отрасли промышленности не равны друг другу. Конкуренция, устанавливая равенство нормы прибыли для различных отраслей промышленности в целом, создает неравенство прибыли для отдельных капиталистов внутри каждой отрасли производства и, значит, вообще для отдельных капиталистов, если брать их порознь друг от друга.

Уравнение прибыли превращается в собственное отрицание в образование неравенств прибыли.

Однако, если в пределах одной и той же отрасли производства все предприятия должны продавать свои товары по одной и той же цене, независимо от различий в издержках их производства,

то предприятия с наиболее высокими издержками будут терпеть убытки и разоряться. В действии остаются лишь более передовые предприятия с более высоким развитием производительной силы труда. Гибель отсталых предприятий создает в каждой отрасли производства равнение по передовым предприятиям, тем самым уменьшая различия в прибыли внутри каждой отдельной отрасли промышленности.

Гибель менее производительных предприятий, сохранение и рост наиболее производительных предприятий предполагают, что в среднем то же количество рабочих в течение того же времени производит больше продуктов, чем они производили в те времена, когда еще существовали менее производительные предприятия. Значит, то же количество рабочих в более производительном предприятии применяет больше средств производства.

С удешевлением производства всех товаров становятся дешевле и средства производства и рабочая сила. Однако количество средств производства, применяемых каждым рабочим, настолько возрастает, что доля постоянного капитала, затрачиваемого на покупку средств производства, быстро растет по сравнению с переменным капиталом, затрачиваемым на рабочую силу. Капитал, ранее занимавший многих рабочих, теперь оказывается способным занять очень немногих. В результате, несмотря на то, что каждый отдельный рабочий производит гораздо больше прибавочной ценности, чем ранее, общая сумма прибавочной ценности, которая производится немногочисленными рабочими, занятыми данным капиталом, уменьшается по сравнению с общей суммой прибавочной ценности, какую в прошлом производил капитал того же размера, занимавший большее число рабочих.

Средняя для общества норма прибыли, таким образом, непрерывно падает. Капитал все в меньшей и меньшей степени оказывается самовозрастающей ценностью, т. е. все в меньшей степени оказывается капиталом. Он становится все в меньшей степени безграничным выражением труда всего общества. Общественный труд товарпроизводителей получает выражение в различной в разное время способности капитала к самовозрастанию, т. е. оказывается неодинаковым трудом.

Форма капитала, которая должна была быть выражением понятия о капитале и ценности, оказывается их отрицанием.

Пределом падения нормы прибыли является ее падение до нуля.

Если бы прибыль со всех капиталов стала равна нулю, т. е. исчезла бы, то вместе с тем устранилось бы и падение нормы прибыли.

Одинаковый общественный труд получал бы постоянно одинаковое выражение в одинаковом отсутствии прибыли, независимо от того, насколько высоко или низко развита производительная сила общественного труда.

Однако устранить прибыль, это значит устранить капитал и

в конечном счете самое товарное производство. Это значит устранить распадение общества на независимые друг от друга части. Это значит установить непосредственно общественное производство.

Таким образом, понятие о капитале, как о ценности, все части которой равномерно приносят прибыль в полном кругообороте форм обращения капитала, в состав которых входит и производство, оказалось своим собственным отрицанием. Однако уже в этой форме оказалось, что возрастание каждого отдельного капитала происходит не в форме возрастания его в производстве, и даже не в форме возрастания его во взаимной связи производства и обращения, а в форме его возрастания в процессе обращения.

Каждый отдельный капитал, как оказалось, возрастает независимо от особых условий его производства. Капиталы самых различных отраслей промышленности возрастают одинаково быстро. Капитал возрастает не в соответствии с прибавочным трудом, затраченным в производстве, но в соответствии с размерами самого капитала, независимо от того, как он расчленяется на постоянный и переменный капитал. Прибыль оказывается не результатом того, что капиталист эксплуатировал труд в производстве, но результатом того, что конкуренция обеспечивает капиталисту возможность продать товар дороже, чем он купил средства производства и рабочую силу. Капитал возрастает не потому, что его деятельность есть производство, но потому, что деятельность капитала, это—торговля.

Истинной формой капитала оказывается, таким образом, не *промышленный*, а *торговый* капитал.

Торговый капитал, это—отрицание понятия о капитале, как о ценности, возрастающей в кругообороте форм, который (кругооборот) обладает в общем формой обращения, но включает в себя, в качестве промежуточного звена, и производство.

В прибыли отдельных капиталов, занятых непосредственно в материальном производстве, всеобщий общественный характер труда товаропроизводителей не мог найти себе соответствующего выражения, так как, в зависимости от различий в материальных условиях производства, различные капиталы одной и той же отрасли производства, при условии продажи их продукта по одинаковой цене, приносили различную прибыль.

В этих различиях прибыли находил себе выражение не всеобщий общественный характер труда товаропроизводителей, но его отрицание, особый частный характер труда рабочих, занятых у отдельных капиталистов.

Занятый исключительно в торговле купеческий капитал, покупая по одинаковой цене товары, произведенные различными промышленниками и затем перепродавая эти товары по более высокой одинаковой цене, получает одинаковую прибыль на все эти товары, независимо от того, в каких условиях они были произведены. Одинаковый характер труда, воплощенного в этих товарах, полу-

чает свое выражение в одинаковой прибыли торгового капитала, получаемой последним от продажи этих товаров.

Итак, истинная форма ценности, это—торговый капитал.

Однако, чтобы постоянно торговать, чтобы постоянно перепродавать купленные товары, необходимо, чтобы эти товары постоянно воспроизводились.

Понятие о торговом капитале снова порождает понятие о *промышленном* капитале, но уже не как о всеобщей форме капитала, включающей в свой кругооборот все особые ступени производства и обращения капитала, но как об особой форме, существующей наряду с другой особой формой капитала, торговым капиталом.

Подобным же образом понятие о деньгах, будучи отрицанием понятия о товаре, как о всеобщей форме ценности, как о единстве потребительной ценности и ценности, вместе с тем предполагало существование товара, но уже, как особой формы, выражающей лишь потребительную ценность товара, наряду с другой особой формой, деньгами, выражающими лишь ценность товара.

Таким образом, истинной формой капитала оказывается уже не промышленный капитал, а торговый капитал, вместе со своим собственным отрицанием, промышленным капиталом. Ни одна из этих отрицающих друг друга форм не может возрастать без другой. Если торговый капитал не будет возрастать, то купец перестанет делать у промышленников покупки и продавать им товары. Поэтому и промышленник перестанет получать прибыль. И наоборот, если промышленник не будет получать прибыли от капитала, вложенного им в производство, то он перестает производить товары. Купцу нечего будет ни продавать, ни покупать. Он также перестанет получать прибыль.

Таким образом, лишь взаимодействие торгового и промышленного капитала, как особых подчиненных частей всего общественного капитала, дает истинное выражение понятию о ценности. Капитал в этой форме является отрицанием обеих особых форм капитала, взятых отдельно друг от друга в их односторонности. Но эта форма является и сохранением обеих особых форм капитала, как подчиненных форм целого. Иными словами, это—синтез обеих форм.

Однако во взаимодействии торгового и промышленного капитала труд товаропроизводителей не может выражаться сразу и в форме торгового и в форме промышленного капитала. Он может быть воплощен либо в одной, либо в другой частной форме. Значит, и эта форма ценности оказывается своим собственным отрицанием.

Далее, взаимодействие взаимоотрицающих друг друга форм торгового и промышленного капитала не может служить формой для выражения общественного характера труда товаропроизводителей еще и по следующей причине.

Во-первых, наряду с торговым капиталом, для прибыли которого безразличны различия материальных условий производства,

попрежнему существует промышленный капитал, прибыли которого различны в зависимости от особых материальных условий производства каждого отдельного капитала.

Во-вторых, для прибылей самого торгового капитала безразличны только различия в условиях производства промышленных капиталов. Но и в условиях торговли существуют различия для разных капиталов. Конкуренция между различными отраслями торговли в среднем уравнивает эти различия для целых отраслей торговли. Но именно вследствие этого внутри одной и той же отрасли торговли закрепляются различия между отдельными капиталами. В различных прибылях последних не может найти себе выражения безразлично одинаковый характер общественного труда, воплощенного в них.

Конкуренция между купцами, правда, уничтожает капиталы, ведущие торговлю с наибольшими издержками, но та же конкуренция заставляет капиталистов делить всю прибыль, производимую в материальном производстве, между торговлей и промышленностью на основе равенства нормы прибыли для всех отраслей промышленности и торговли. А так как средняя прибыль, исчисленная из расчета на весь общественный капитал, падает, то, значит, падает и торговая прибыль. Падение торговой прибыли дает неодинаковое выражение одинаковым затратам труда товаропроизводителей в различное время и, значит, оказывается отрицанием понятия о ценности. Падение прибыли выражает лишь различный частный характер одинаковых затрат труда в разные эпохи.

Понятие о капитале не может быть выражением всеобщего общественного труда товаропроизводителей, если это понятие выражается во внешнем взаимодействии особых частных видов капитала. Капитал может быть истинным выражением ценности лишь, как единый нераздельный капитал, обладающий свойствами обоих его особых видов и безразличный к особенным условиям его приложения как в производстве, так и в торговле, т. е. безразличный к условиям, создающим разницу в прибыли отдельных промышленных и торговых капиталов.

Однако в действительности один и тот же капитал не может обладать сразу всеми противоречащими друг другу свойствами. Он может быть формой, под которую подойдет как промышленный, так и торговый капитал, лишь таким образом, что он будет обладать только общими свойствами, равно присущими всем особым видам капитала, если отвлечься от всех их различий. Иными словами, капитал может обладать свойствами, присущими всякому особому капиталу, только в том случае, если он будет обладать абстрактно взятыми общими признаками всякого особого вида капитала, т. е. если это будет непосредственное воплощение абстрактного понятия о капитале. Это—капитал, который выступает во внешней действительности как абстрактный капитал «вообще».

Все особые формы капитала должны быть лишь особыми про-

явлениями этой абстрактной формы капитала. Это значит, что капитал, существующий в своей абстрактной форме, должен быть способен переходить в любую особую конкретную форму капитала. Иными словами, капитал должен выступать во-вне, как самовозрастающая денежная сумма «вообще», лишенная тех особых форм, в каких возрастает промышленный или торговый капитал.

Значит, капитал должен выступать во-вне, как денежная сумма, самовозрастающая без посредства каких-либо изменений формы, присущих капиталу в кругообороте его движения. Это должен быть капитал, возрастающий без посредства всяких действий, присущих капиталу, возрастающий благодаря одному факту своего существования.

Это—денежная сумма, прибыль от которой определяется лишь ее размерами, независимо от каких-либо изменений, каким будет подвергнут этот капитал. Это—денежный капитал, прибыль от которого составляет всегда известный процент его собственной величины. Это—*капитал, приносящий проценты*.

Капитал, приносящий проценты, есть общая абстрактная форма, под которую подходит всякий другой вид капитала, но которая сама, непосредственно, не обладает свойствами всех этих особых видов.

Однако, если капитал, приносящий проценты, не обладает свойствами какого-либо особого вида капитала (промышленного или торгового), если он в действительности не бывает ни торговым, ни промышленным капиталом, то эти особые виды капитала и не могут быть рассматриваемы, как особые проявления общей абстрактной формы капитала.

Капитал, приносящий проценты, в этом случае лишился бы значения общей формы капитала. Он лишился бы вообще значения капитала, ибо возрастание ценности может наступить лишь в результате затраты труда в производстве.

Капитал, приносящий проценты, мог бы возрастать, принимая либо особую форму промышленного капитала, действительно возрастающего в производстве; либо—форму торгового капитала, который при посредстве обмена с промышленным капиталом присваивает себе часть прибавочной ценности, созданной в производстве. В таком случае, однако, капитал, приносящий проценты, лишился бы значения общей абстрактной формы капитала.

Капитал, приносящий проценты, должен, с одной стороны, быть и неизменно оставаться абстрактным капиталом вообще, и в то же время, с другой стороны, принимать форму капитала того или другого особого вида.

Противоречие может быть разрешено лишь тем, что денежная сумма, выступающая как капитал, приносящий проценты, в действительности будет превращаться в промышленный или торговый капитал, но члены общества будут попрежнему относиться к ней, как к денежной сумме, неизменно существующей в качестве таковой и тем не менее приносящей процент.

Это можно осуществить таким образом. Собственник денежной суммы, выступающей как капитал, приносящий проценты, предоставляет ее в фактическое распоряжение другому лицу, которое может превратить ее в любой вид торгового или промышленного капитала, использовать для себя ее способность самовозрастать в той или другой особой форме. При всем том все члены общества продолжают относиться к лицу, уступившему распоряжение своими деньгами, как к лицу, попрежнему имеющему эти деньги, в качестве своей собственности. Из собственника действительных денег он становится собственником мысленных, существующих лишь в идее денег. Однако к человеку, фактически не имеющему денег, можно относиться как к собственнику денег лишь при том условии, если деньги, существующие лишь «в идее» как его собственность, необходимо превратятся затем в действительные деньги, т. е. если лицо, получившее в свое распоряжение эти деньги, затем вернет их тому, у кого он их взял.

Таким образом, человек, получивший в свое распоряжение указанную денежную сумму, не становится собственником этих денег. Он должен по использованию их, как капитала, вернуть денежную сумму ее собственнику. Лицо, которое получает в свое распоряжение деньги, выступающие как капитал, приносящий проценты, становится собственником их способности к самовозрастанию, но не собственником самих денег.

Далее, деньги, которые выступают как капитал, приносящий проценты, лишь при том условии будут общей формой капитала, а не просто денежной суммой, если они, неизменно пребывая в своей денежной форме, не становясь ни промышленным, ни торговым капиталом, все же возрастают в своей величине. Это возможно лишь при том условии, если лицо, получающее деньги от их собственника в свое распоряжение, должен в конце концов не просто вернуть полученную им сумму, но вернуть ее с надбавкой, с процентом.

Таким образом, способность денег самовозрастать, способность их быть капиталом отчуждается в собственность другого лица не даром, но в обмен за известную денежную сумму, т. е. отчуждается, как товар. Цена этого товара, это—та надбавка, тот процент, который собственник денег получает за предоставление им в распоряжение другого лица денежной суммы. В этом смысле можно сказать, что процент, это—цена капитала, продаваемого, как товар. Это—цена самовозрастания ценности.

Таким образом, денежная сумма становится капиталом, приносящим проценты, при посредстве и в форме продажи, отчуждения способности денег быть капиталом.

Продажа способности денег быть капиталом не есть отчуждение в собственность другого лица самих денег. Эта сделка имеет форму ссуды денег, как капитала, форму ссуды денежного капитала. Собственник капитала, приносящего проценты, становится займодавцем; лицо, применяющее полученные деньги, как торго-

вый или промышленный капитал, выступает, как заемщик, обязанный через известный срок вернуть занятые деньги с процентом.

Деньги, выступающие, как капитал, приносящий проценты, с точки зрения их собственника растут, не становясь ни торговым, ни промышленным капиталом. Собственник капитала, приносящего проценты, все время остается собственником денег. Они не превращаются для него ни в какой товар. С ними вообще не происходит никаких изменений, присущих капиталу в его кругообороте. При всем том через известный срок к ним присоединяется известная надбавка, процент.

Для заемщика-предпринимателя также не вся прибыль на применяемый им занятый капитал имеет форму продукта деятельности этого капитала. В результате деятельности применяемого им капитала он получит лишь остаток прибыли, за вычетом процента. Только этот остаток и является в его глазах плодом деятельности капитала. Процент же, который он уплачивает собственнику занятого капитала, независимо от того, какое применение он дает этому капиталу, является и с точки зрения предпринимателя плодом самых этих денег, независимо от того, были ли они применены и каким именно образом.

С возникновением понятия о капитале, приносящем проценты, понятие о прибыли, уже ранее распавшееся на понятие о торговой и промышленной прибыли, теперь претерпевает дальнейшее изменение. Как торговая, так и промышленная прибыль распадается на *процент и предпринимательский доход*.

Капитал, приносящий проценты, это—капитал в общей абстрактной форме, под которую подходят как торговый, так и промышленный капитал. Эта форма капитала есть отрицание предшествовавшей формы синтеза торгового и промышленного капитала. Капитал, приносящий проценты, является отрицанием внешнего взаимодействия торгового и промышленного капитала, как формы их синтеза.

Капитал, приносящий проценты, возрастает в одинаковой мере независимо от различий в условиях применения капитала в промышленности и торговле. Труд, воплощенный в капитале, получает здесь форму, под которую подойдет, безразлично, любой вид труда товаропроизводителей, т. е. форму абстрактного всеобщего общественного труда.

Однако возрастание капитала, приносящего проценты, предполагает существование промышленного и торгового капитала, как особых форм, в которые превращается капитал, приносящий проценты, если он действительно возрастает.

Понятие о капитале, приносящем проценты, как об общей форме капитала, превращается тем самым в понятие о частном особом виде капитала, возрастающем во внешнем взаимодействии с другими особыми видами капитала (т. е. о промышленном капитале и торговом капитале, которые распределяют между собою при посредстве конкуренции прибыль, создаваемую в производстве).

А это значит, что снова предполагаются и различия в прибыли для разных капиталов, действующих в разных условиях в промышленности и в торговле. Снова предполагается и падение нормы прибыли в промышленности и торговле, а в связи с этим, в конце концов, и падение процента, ибо последний, будучи частью прибыли, лишь до известных пределов может оставаться неизменным или даже расти, в то время, как вся прибыль в целом падает.

Таким образом, вместо одинакового выражения для одинакового абстрактного труда, воплощенного в капитале, возникает ряд частных особых выражений для различных особенностей труда в виде различий норм прибыли и процента для отдельных капиталов и в виде падения норм прибыли и процента.

Понятие о капитале, приносящем проценты, как об абстрактной общей форме капитала, может найти себе соответствующее выражение лишь в форме понятия о таком виде капитала, который возрастал бы действительно, не превращаясь ни в чьих руках ни в какой особый вид капитала.

Однако действительный капитал может возрастать лишь в производстве. Поэтому вышеприведенное требование может быть удовлетворено только в том случае, если форму капитала, приносящего проценты, приобретают какие-либо необходимые условия действительного применения капитала в производстве, которые сами, однако, не могут быть применены в производстве, как действительный капитал и, значит, не принимают особой формы промышленного или торгового капитала. Собственник таких условий производства мог бы вынудить действительных капиталистов отдавать ему известную часть их прибыли. Эти условия производства приносили бы таким образом прибыль, не превращаясь ни в торговый, ни в промышленный капитал. Это было бы осуществлением понятия о капитале, приносящем проценты, как об общей абстрактной форме капитала вообще.

Такими условиями производства являются естественные условия производства: земля, понимая под ней вообще заполненное материей пространство, в которой действует человек (под понятие земли подойдет и вода и атмосфера). Земля—необходимое условие для применения капитала. Однако сама земля не капитал. Сама она не является продуктом труда товаропроизводителей и, значит, не есть ценность. Однако земля есть необходимое условие применения капитала.

Поэтому земельный собственник в обмен за предоставление капиталисту возможности применять капитал на данном земельном участке может вынудить капиталиста уступить ему под названием *земельной ренты* часть прибавочной ценности, создаваемой в сельском хозяйстве, горном или лесном деле, вообще создаваемой посредством применения капитала на данном участке.

Поскольку равенство нормы прибыли устанавливается первоначально в торговле и промышленности, а не в сельском хозяйстве; поскольку сельское хозяйство в действительности начинает при-

нимать участие в общем дележе прибавочной стоимости лишь значительно позже; поскольку в сельском хозяйстве большая, по сравнению с промышленностью, доля капитала затрачивается на рабочую силу, а не на средства производства; поскольку вследствие этого прибыль, создаваемая в сельском хозяйстве, при прочих равных условиях выше, чем в промышленности,—постольку землевладелец может отнять, а сельскохозяйственный капиталист может ему уступить под названием земельной ренты весь избыток прибавочной ценности, производимой в сельском хозяйстве, сверх нормы прибыли, существующей в промышленности и торговле. Этот избыток, идущий под названием земельной ренты в карман земельного собственника, не поступает в общую дележку между капиталистами и не участвует, таким образом, в уравнении прибыли.

Земля становится, таким образом, вещью, приносящей прибыль. Однако земля не есть продукт общественного труда товаропроизводителей. Она не есть ценность. Не имея формы ценности, она не может быть и общей абстрактной формой капитала. Горю можно помочь лишь тем, чтобы относиться к земле как к ценности и (поскольку она приносит прибыль, не превращаясь ни в торговый, ни в промышленный капитал) как к капиталу, приносящему проценты, хотя она в действительности не есть ни ценность, ни капитал.

Землю, в действительности не являющуюся ни ценностью, ни капиталом, можно представить как капитал если не по содержанию, то по форме (иначе говоря, как фиктивный капитал), при помощи следующего приема.

Если высота процента, приносимого ссудным денежным капиталом, равна, скажем, 5% и, значит, ссудный денежный капитал, равный 2000 руб., приносит в качестве процентов 100 руб. в год, то и обладание участком земли, приносящим ренту в сумме 100 рублей в год, становится равносильным обладанию 2000 рублей. К этому участку земли относятся, как к фиктивной самовозрастающей ценности в 2000 руб., приносящей в год 100 рублей дохода. Земля принимает форму капитала, приносящего проценты.

Предоставление земельным собственником земли в распоряжение капиталиста приобретает, таким образом, форму предоставления в ссуду капитала. Этот фиктивный капитал не превращается затем в руках арендатора в форму промышленного или торгового капитала, но сохраняет свою экономическую форму неизменной. Это—ценность, самовозрастающая действительно при посредстве лишь самого факта своего существования. Таким образом, истинной формой, в какой выступает абстрактный капитал вообще, истинной формой капитала, приносящего проценты, оказывается земля.

Однако в этом случае истинной формой капитала, т. е. в конце концов истинным воплощением общественного труда товаропроизводителей, ценностью, оказывается материальная природа, земля, чуждая труду, являющаяся отрицанием всякой формы во-

площения общественного труда. Сама рента получает форму продукта естественной деятельности естественных сил природы, но отнюдь не человеческого труда.

Ценность в форме фиктивной ценности земли получает форму, наиболее противоречащую ее существу. Ценность оказывается своим собственным отрицанием. Однако уже в развитии понятия о капитале, приносящем проценты, возникло понятие о капитале, как о взаимодействии всех особых форм капитала: промышленного, торгового и ссудного (как действительного, так и фиктивного).

Это понятие есть отрицание понятия о капитале, приносящем проценты, как об общей форме капитала. Понятие же о капитале, приносящем проценты, как об общей форме капитала, само было отрицанием понятия о капитале, как о взаимодействии особых форм торгового и промышленного капитала.

Понятие о капитале, как о взаимодействии особых форм торгового, промышленного и ссудного капитала, является, таким образом, отрицанием отрицания и возвратом к первоначальному понятию о капитале, как о взаимодействии его особых форм. Однако это не только возврат к последнему, но и его отрицание, ибо теперь в число особых видов капитала входит и сама общая форма капитала, а именно капитал, приносящий проценты (как действительный, так и фиктивный, в том числе и земля). Таким образом, это не только отрицание, но и сохранение понятия о капитале, приносящем проценты. Это—синтез всех форм понятия о капитале.

Однако синтез всех особых форм капитала, соединение их всех в одном понятии есть отрицание обособленности этих форм. Это—отрицание всех особых форм, как самостоятельных форм капитала.

Понятие же об особых формах капитала, как о самостоятельных его формах, начиная с понятия о торговом капитале, было отрицанием понятия о капитале, как о ценности, приносящей прибыль в полном кругообороте форм производства и обращения капитала, т. е. как о промышленном капитале в широком смысле слова.

Таким образом, понятие о капитале, как о взаимодействии всех особых видов капитала, в своем взаимодействии осуществляющих весь кругооборот производства и обращения всего общественного капитала, является отрицанием отрицания и возвратом к понятию о капитале как о ценности, приносящей прибыль в полном кругообороте форм, присущих капиталу в производстве и обращении.

Однако это не только возврат к последнему понятию, но и его отрицание.

Там различные особые ступени кругооборота капитала были лишь различными ступенями, которые одну за другою проходил один и тот же отдельный капитал. Здесь каждая особая ступень кругооборота есть дело особого капитала, действующего наряду с другими капиталами, одновременно выполняющими действия,

присущие другим ступеням кругооборота капитала. В этом отношении понятие о капитале, как о взаимодействии всех особых видов капитала, оказывается не только отрицанием, но и сохранением понятия об особых видах капитала, как о самостоятельно действующих видах капитала.

Это—синтез всех форм понятия о капитале, как об источнике прибыли в широком смысле слова, понимая под этим как промышленный (и торговый) капитал, приносящий предпринимательскую прибыль, так и капитал, приносящий проценты, и землю, приносящую ренту. Все это—формы капитала, возрастание ценности которого имеет форму возрастания всего капитала, а не только переменной его части. Это—формы капитала, как источника прибыли, а не прибавочной ценности.

Однако все формы капитала, как источника прибыли, оказываются отрицанием понятия о ценности, вместо его осуществления. Придавая капиталу форму ценности, равномерно возрастающей во всех своих частях, независимо от различий в условиях производства или торговли, и даже независимо от того, вкладывается ли капитал вообще в производство или торговлю,—все эти формы капитала придают труду, воплощенному в капитале, одинаковое выражение и таким образом являются осуществлением понятия о ценности. Однако именно потому, что в этих формах стирается всякое различие между различными капиталами, эти формы и оказываются отрицанием понятия о ценности.

В самом деле, ценность, это—воплощение абстрактного общественного труда товаропроизводителей. Поэтому всякий прирост ценности предполагает добавочную затрату труда в материальном производстве. Между тем, если источником прибыли представляется не только переменный, но и постоянный капитал, то прибыль, известный прирост ценности, оказывается чем-то совершенно иным, чем общественный труд.

Капитал, приносящий прибыль, оказывается отрицанием понятия о ценности.

Еще в большей степени отрицанием понятия о ценности оказывается понятие о цене производства. Если все товары, являющиеся воплощением возросшего в производстве капитала, продаются по цене, равной издержкам их производства плюс прибыль, то прибыль, приносимая капиталом, независима от труда, применяемого данным капиталом. Следовательно, прибыль не может быть признана воплощением прибавочного труда, а, значит, и ценность не может быть признана воплощением абстрактного общественного труда товаропроизводителей.

Еще более противоречит понятию о ценности понятие о торговом капитале, ценность которого возрастает, повидимому, без посредства затраты добавочного труда в производстве.

Наконец капитал, приносящий проценты, является завершением всех вышеприведенных форм отрицания понятия о ценности, ибо здесь возрастание ценности происходит вообще без посред-

ства затраты труда не только в материальном производстве, но и в обращении капитала. Особенно разительным противоречием между сущностью ценности и этой формой ее выражения становится тогда, когда форму капитала, приносящего проценты, принимает земля, и когда прирост этого фиктивного капитала—земельная рента—приобретает форму продукта сил природы.

Таким образом, все формы понятия о капитале, как об источнике прибыли, будучи отрицанием понятия о капитале, как об источнике прибавочной ценности, оказываются вместе с тем и отрицанием понятия о ценности.

Однако, хотя прибавочная ценность как в форме прибыли, так и в форме различных особых подразделений последней принимает внешнюю форму, противоречащую ее действительному существу, тем не менее содержанием этой формы все же остается прибавочная ценность, прирост ценности переменного капитала в процессе материального производства, распределяемый затем под разными названиями между различными действительными и фиктивными капиталами и между различными долями этих капиталов.

Вся общественная прибыль по своей ценности равна всей общественной прибавочной ценности. Ценность всего общественного продукта в целом непосредственно совпадает с ценою его производства.

Понятие о капитале, как источнике прибыли, действительно создаваемой равномерно всеми частями капитала, вне зависимости от различий в условиях деятельности капитала в различных областях его приложения, таким образом подвергается отрицанию.

Само это понятие было отрицанием понятия о капитале, как источнике прибавочной ценности в собственном смысле слова. Таким образом, понятие о капитале, как об источнике прибавочной ценности, которая, однако, имеет внешнюю форму прибыли и распределяется затем между различными капиталами,—это понятие оказывается отрицанием отрицания и, значит, возвратом к понятию о капитале, как об источнике прибавочной ценности.

Однако это понятие о капитале является не только возвратом к первоначальному понятию о капитале, как источнике прибавочной ценности, но и отрицанием его. В самом деле, в понятии о капитале, как источнике прибавочной ценности, принимающей форму прибыли, прибавочная ценность все же имеет форму прибыли, а не непосредственно прибавочной ценности. В этом отношении понятие о капитале, как источнике прибавочной ценности, принимающей форму прибыли и особых видов последней, есть не только отрицание, но и сохранение понятия о капитале, как источнике прибыли.

Это—синтез всех форм понятия о капитале, как об источнике прибавочной ценности и как об источнике прибыли.

Поскольку, однако, в этом синтезе прибавочная ценность все же имеет форму прибыли, постольку ценность получает проти-

воречащую ее существу форму. Форма ценности оказывается отрицанием ценности.

Однако из понятия о капитале, как источнике прибавочной ценности, которая принимает форму прибыли, распределяемой затем под разными названиями между владельцами разных действительных и фиктивных капиталов, возникает понятие о новой форме для выражения ценности. Эта новая форма есть новое понятие о цене товара. Это—отрицание всех форм понятия о ценности, как о капитале.

В развитии понятия о капитале различные части ценности, создаваемой рабочими, получали одна за другой форму доходов собственников различных материальных условий производства,—доходов, происходящих по внешности из различных самостоятельных источников. Так, продажа рабочей силы совершается в форме продажи труда. За труд, повидимому, уплачивается вся его ценность. Выходит, будто ценность, произведенная трудом рабочего, равна лишь его заработной плате. Значит, рабочий производит своим трудом лишь ту долю ценности продукта, которая равна заработной плате. Весь избыток ценности, вся прибавочная ценность, получает форму ценности, созданной помимо труда рабочего.

Часть этой прибавочной ценности, повидимому, созданной помимо рабочего, имеет форму прибыли, источником которой является деятельность капитала в производстве или торговле. Это—предпринимательская прибыль. Другая часть этой ценности, процент, имеет форму дохода, проистекающего из капитала самого по себе, благодаря одному лишь факту его существования. Наконец последняя часть этой ценности, земельная рента, получает форму ценности, создаваемой землею.

Вся созданная рабочими ценность получает форму суммы *доходов*, происходящих из различных независимых друг от друга источников, каковы капитал, труд, земля.

Так как ценность средств производства, затрачиваемых при изготовлении данного товара, также создана (хотя и в прошлом) трудом рабочих в производстве, то, повидимому, и она складывается из таких же доходов.

Таким образом, вся цена товара получает форму суммы доходов собственников различных материальных условий производства.

Безразличный всеобщий общественный характер труда, воплощенного в товаре, обнаруживается в том, что цена любого товара составляется только из этих доходов,—не всегда из всех этих доходов—но всегда только из них. Во-вторых, общественный характер труда, воплощенного в цене, выражается в том, что доходы, из которых составляется цена товара, это—доходы не одного частного лица, но бесчисленного множества лиц, собственников различных материальных условий производства, необходимых для производства данного товара.

Так, например, цена холста состоит, повидимому, из доходов

участников ткацкого производства, далее, из доходов прядильщиков и машиностроителей, построивших ткацкий станок, далее—из доходов железоделательного завода, углепромышленника, земледельца, производящего лен, и т. д. до бесконечности.

Выходит, что в цене любого товара, в безразличной одинаковой форме, в форме безразличных частей цены, находит себе выражение деятельность всего общества, всеобщий общественный труд.

При этом все члены общества оказываются участниками в деле создания цены товара не в одинаковой форме и не в одинаковой мере, но в зависимости от того, кто из членов общества владеет какими условиями производства, т. е. в зависимости от их принадлежности к тому или другому экономическому классу общества.

Все владельцы капитала, поскольку он применяется на той или на другой стадии производства или обращения данного товара, получают в среднем одинаковую предпринимательскую прибыль. Все владельцы капитала вообще получают одинаковый процент, все «владельцы труда»—одинаковую в среднем заработную плату, все владельцы земли одного и того же рода—известный уровень земельной ренты.

В этом обнаруживается, что различные материальные условия производства не просто находятся в руках различных членов общества, но что отдельные капиталы суть лишь отдельные составные части всего общественного капитала, принадлежащего всему классу капиталистов; все отдельные участки земли суть лишь составные части всей земли, принадлежащей всему классу земельных собственников; труд каждого отдельного рабочего есть лишь подчиненная часть всей массы труда, принадлежащего всему классу рабочих.

Относительные размеры доходов отдельных классов, входящих в цену товара, выражают собою отношения между отдельными классами общества, в частности отношение между классами *города и деревни*.

Таким образом в цене товара обнаруживается общественный характер труда не простых товаропроизводителей, но членов классового общества, именно членов капиталистического общества, состоящего из трех основных классов: рабочих, капиталистов и земельных собственников.

Выражение ценности в форме капиталистической цены товара является отрицанием всех форм выражения ценности, как самовозрастающей ценности капитала.

Понятие о капитале в свою очередь было отрицанием простой денежной формы ценности товаров, простой цены товара. Капиталистическая цена является, таким образом, отрицанием отрицания и возвратом к выражению ценности в форме цены товара. Однако это не просто возврат к простой цене товара, но и ее отрицание. Теперь цена товара представляется не просто денежной суммой, но суммой доходов, последние же по своему понятию суть продукты самовозрастания различных условий производства («ка-

питала», «труда», «земли»). Таким образом, выражение ценности в виде суммы доходов различных классов капиталистического общества является не только отрицанием, но и сохранением понятия о капитале.

Это—синтез понятия о простой форме цены и понятия о капитале.

Однако, если в форме цены, как суммы доходов различных классов капиталистического общества, и обнаруживается, что труд, воплощенный в товаре, есть труд многих членов различных самостоятельных общественных классов, то в этой форме не проявляется ничем та общественная связь, которая соединяет всю эту деятельность многих людей в деятельность единого общества и превращает совокупность различных особых видов человеческой деятельности в подчиненные проявления единого целого общественного разделения труда. Здесь не обнаруживается то, что придает этому труду общественный характер.

Если понятие о ценности находит себе выражение в форме суммы доходов различных членов общества, принадлежащих к разным его классам, то общественный характер этого труда может найти себе выражение лишь одним способом. Именно, цена товара должна иметь форму дохода того общественного органа, который в классовом обществе представляет все общество, т. е. форму дохода *государства* и различных *непроизводительных* классов, своею деятельностью обеспечивающих существование и развитие всех надстроек над общественной экономикой,—надстроек, при посредстве которых осуществляется связь между отдельными классами общества и между отдельными членами общественных классов.

Таким образом, на этой ступени развития понятия о ценности должно быть развито понятие о государстве, точно так же как на предыдущей ступени должно быть развито понятие о классах вообще, а затем понятие о классах капиталистического общества в их взаимных отношениях, в частности понятие о взаимном отношении классов города и деревни.

Понятие о цене товара, как о сумме доходов отдельных классов капиталистического общества, таким образом превращается в свое собственное отрицание, а именно, в понятие о цене товара, поскольку последняя служит источником доходов государства (налогов и т. д.), покрывающих оплату процентов по государственным займам, оплату доходов чиновников, армии и других непроизводительных классов общества, существование которых предполагается не самой экономикой данного общества непосредственно, но наличностью различных надстроек над этой экономикой.

Цена товара оказывается теперь по своей форме выражением общественного характера воплощенного в товаре труда. Однако в ней не находит себе выражения то обстоятельство, что труд, воплощенный в товаре, не просто общественный труд, но общественный труд частных производителей, товаропроизводителей.

Форма ценности снова превращается в свое собственное отрицание, в выражение для непосредственно общественного труда.

Общественный характер частного труда может найти себе выражение в цене, как сумме доходов различных частей общества, лишь в одной форме. Именно, одна часть цены должна покрывать доходы государства и других общих органов общества и, таким образом, обнаруживает общественный характер цены. Другая часть цены должна служить для оплаты доходов самостоятельных по форме классов общества,—собственников различных материальных условий производства. В этой части цены находит свое выражение частный характер воплощенного в товаре общественного труда товаропроизводителей.

Значит, теперь цена выражает и частный и общественный характер труда товаропроизводителей.

Цена, поскольку она определялась доходами государства и других непроеизводительных классов общества, была отрицанием первоначальной формы капиталистической цены, имевшей вид суммы доходов трех основных классов общества, не связанных в одно целое.

Достигнутая теперь форма цены, представляющая сумму доходов всего общества (как его основных экономических классов, так и государства и вообще непроеизводительных классов общества), есть отрицание предыдущей формы.

Таким образом, достигнутая теперь форма цены есть отрицание отрицания и возврат к первоначальной форме. В самом деле, в первоначальной форме капиталистической цены находил себе выражение только частный характер труда, воплощенного в ценности. Но и в окончательной форме доходы государства и других непроеизводительных классов составляют лишь особую часть цены, наряду с ее другими частями. Объединяющая все общества деятельность государства и других надстроек сама оказывается лишь особым видом деятельности, существующей наряду с деятельностью отдельных классов общества, но не поглощающей их в себе. Иными словами, это—также частная деятельность.

В цене товара, как сумме доходов государства и различных непроеизводительных классов, с одной стороны, и основных экономических классов общества,—с другой, выражается, как и в первоначальной форме, лишь различие различных видов деятельности отдельных частей общества, но отнюдь не их общественная связь друг с другом.

Однако эта форма цены не является только новым утверждением первоначальной формы капиталистической цены, как суммы не связанных друг с другом доходов различных частей общества, ибо теперь одна часть цены все же является выражением общей деятельности буржуазного общества, деятельности государства и других надстроек. Этой части не было в первоначальной форме капиталистической цены.

В этом отношении окончательная форма цены, как суммы дохо-

дов, является не только отрицанием, но и сохранением предыдущей формы цены, как источника доходов государства. Это—синтез обеих форм.

Этот синтез, однако, соединяет выражение общественного и частного характера труда таким образом, что общая форма всего целого оказывается выражением особого частного характера деятельности как государства и различных непроеизводительных классов, так и основных экономических классов общества.

Одинаковый характер различных видов деятельности различных членов общества может найти себе выражение лишь в такой форме цены, где особенности ее отдельных частей стерты, где цена выступает, как единое целое, без всякого различия между своими частями.

Это—цена, устанавливаемая в обмене, охватывающем не один, а несколько капиталистических организмов. Продажа одного и того же товара по одной и той же мировой цене, независимо от национальных различий в уровне заработной платы, предпринимательской прибыли, процента, ренты, системы государственных налогов, займов и повинностей, от расходов на различные непроеизводительные цели и т. д.,—стирает все эти различия.

Это имеет место уже в обмене государства с его эмигрировавшими гражданами, с его колониями, а в развитом виде в международном обмене между нациями.

Таким образом, на этой ступени развития понятия о ценности должно быть развито понятие о *национальности*, о взаимных отношениях между нациями, об обособлении наций друг от друга и о слиянии разных наций друг с другом. В качестве одной из ступеней в развитии этих понятий должно быть развито понятие об *эмиграции и иммиграции в колониях*.

Абстрактный всеобщий общественный характер труда, воплощенного в товаре, находит себе, таким образом, выражение в международных ценах *мирового рынка*.

Однако цена и в этой своей форме превращается из выражения ценности в отрицание последней.

В самом деле, мировой рынок не представляет собою единого организованного целого. На мировом рынке сталкиваются между собою более или менее самостоятельные национальные экономические организмы. Вследствие этого одни и те же мировые цены на один и тот же товар в разных странах находят различное количественное проявление, количественно отличаются от самих себя, обнаруживая в этих отличиях лишь частный характер, каким труд одной страны отличается от труда другой, но не его всеобщий общественный характер.

Это отличие мировых цен от самих себя осуществляется в форме вексельного курса.

Сущность дела заключается в следующем.

Пусть, например, англичане продали русским на 20 000 руб. или на 2 000 фунтов стерлингов (считая для круглого счета

1 фун. = 10 р.) машин. Пусть русские, в свою очередь, продали англичанам хлеб, скажем, на 30 000 руб. (3 000 фун. стерл.).

Русские продали больше, чем англичане, на сумму в 1 000 фун. стерл. (10 000 руб.). Торговый баланс, как говорят в этом случае, благоприятен для России и неблагоприятен для Англии. Россия имеет активный, Англия же — пассивный баланс.

Если предположить, что расплата по всем этим сделкам должна происходить в одно и то же время, то в момент расплаты англичане должны уплатить русским на 1 000 фун. стерл. (10 000 руб.) больше, чем русские англичанам. Платежный баланс, как говорят в этом случае, будет неблагоприятным для Англии и благоприятным для России; платежный баланс — в пользу России и против Англии.

Пересылка мировых денег из Англии в Россию и из России в Англию требует расходов. Между тем в известных пределах при расплате можно обойтись и без пересылки золота. Так, например, русский Иванов, купивший в Англии у Смита машины, вместо пересылки в уплату Смиту золота в Англию может уплатить в России Петрову, который сам продал в Англии хлеб Джексону. Иванов, уплатив вместо Смита Петрову, получит от Петрова право получить в Англии с Джексона деньги за проданный Петровым хлеб. Иванов и пошлет Смиту вместо золота полученное им от Петрова обязательство (вексель) Джексона. Смит же получит свой долг с Джексона.

Если мы предположим для простоты, что половина всех покупок совершена русскими в России у привезших свои товары в Россию англичан, и что расплата за эти покупки должна последовать в России, а другая половина закупок произведена русскими в Англии и уплата по ним должна быть произведена в Англии, то, значит, у англичан в Англии имеется на 1 000 фун. стерл. (10 000 руб.) русских обязательств, подлежащих оплате в России, и на 1 000 фун. стерл. (10 000 руб.) русских обязательств, подлежащих оплате в Англии.

Точно так же если англичане закупили, например, половину хлеба в самой России и должны уплатить за этот хлеб в России, а другая половина была привезена русскими в Англию, и уплата за этот хлеб должна последовать в Англии, то русские имеют на 15 000 руб. (1 500 фун. стерл.) обязательств англичан, подлежащих оплате в России, и на 15 000 руб. (1 500 фун. стерл.) обязательств англичан, подлежащих оплате в Англии.

Русские должники англичан обязаны уплатить в Англии и, значит, переслать в Англию золота на 10 000 руб. (1 000 фун. стерл.). Остальные 10 000 руб. (1 000 фун. стерл.) они должны уплатить в самой России. Для этого им не нужно посылать золота в Англию.

Те русские должники англичан, которые должны платить в Англии, предпочтут купить у русских же кредиторов английские

обязательства и послать их вместо золота своим кредиторам в Англию.

Покупатели английских обязательств предъявят спрос на векселя, подлежащие оплате в Англии, на сумму 10 000 руб. (1 000 фун. стерл.).

В России кредиторы англичан имеют английских обязательств на 30 000 руб. (3 000 фун. стерл.). Однако из них 15 000 руб. (1 500 фун. стерл.) должны быть оплачены в России. Собственники этих обязательств не будут их продавать, да никто не будет и покупать их, ибо нужны векселя, по которым последует уплата в Англии.

Таким образом спрос со стороны русских должников англичан на векселя, подлежащие оплате в Англии, будет на сумму 10 000 р. (1 000 фун. стерл.), а предложение их будет на сумму 15 000 руб. (1 500 фун. стерл.). Получив золото в Англии, русские кредиторы англичан должны были бы тратиться на перевозку его в Россию. Вместо того, они предпочтут продать в России имеющиеся у них обязательства англичан и, таким образом, избавиться от расходов на пересылку золота. Чтобы получить по своим векселям в России и не расходиться на перевозку золота, они согласятся продать векселя, подлежащие оплате в Англии, за сумму меньшую, чем им причитается получить по векселю.

Если, например, провоз 100 фун. стерл. (1 000 руб.) золота из Англии в Россию обойдется, скажем, в 1 фун. стерл. (10 руб.), то русские владельцы векселей, подлежащих оплате в Англии, согласятся продавать вексель, по которому причитается получить 100 фун. стерл., дешевле чем за 1 000 руб., но во всяком случае не дешевле, чем за 990 руб. Если бы им за этот вексель давали меньше, чем 990 руб., то им было бы выгоднее самим получить золото по векселю в Англии и, потратив на перевозку 10 руб., привезти это золото в Россию.

Таким образом, обязательства, подлежащие оплате в Англии, будут продаваться за сумму меньшую, чем причитается получить по векселю. Курс английских векселей, как говорят в этом случае, падает.

Несмотря на продажу имеющихся у них векселей по пониженному курсу, владельцы английских обязательств, подлежащих оплате в Англии, смогут сбыть их в России на сумму не больше чем 10 000 руб. (1 000 фун. стерл.). По остальным же векселям на сумму 5 000 руб. (500 фун. стерлингов) им все-таки придется получить золото в Англии, перевезти его затем в Россию и, таким образом, затратить на перевозку 5 фун. стерл. (50 руб.).

Одновременно в Англии будет иметь место следующее.

Англичане, должники русских, обязаны уплатить в России и, значит, послать в Россию золота на сумму 15 000 руб. (1 500 фун. стерл.). Остальные 15 000 руб. (1 500 фун. стерл.) они должны уплатить в самой Англии и, значит, не должны пересылать золота в уплату по этим обязательствам в Россию. Об этом должны забо-

тятся сами русские получатели-кредиторы, о чем уже шла речь выше.

Англичане, которые должны посылать золото в Россию, предпочтут взамен этого купить и послать в Россию обязательства русских, подлежащие оплате в России. Англичане, которые должны платить в России, предъявят спрос на обязательства русских, подлежащих оплате в России, на сумму в 15000 руб. (1500 фун. стерл.).

В Англии имеется обязательств русских должников всего на сумму 20000 руб. (2000 фун. стерл.). Однако половина этих обязательств, на сумму 10000 руб. (1000 фун. стерл.), должна быть оплачена в самой Англии. По остальным русским обязательствам уплата должна последовать в России. Англичане, получив по этим векселям в России, должны были бы везти золото в Англию и нести связанные с этим расходы. Они предпочтут получить по этим векселям деньги в Англии, продав их лицам, которые должны производить уплаты по своим обязательствам в России. Таким образом, предложение русских обязательств, подлежащих оплате в России, будет на сумму 10000 руб. (1000 фун. стерл.).

Итак, спрос на векселя, подлежащие оплате в России, будет на сумму 15000 руб. (1500 фун. стерл.), а предложение их будет лишь на сумму 10000 руб. (1000 фун. стерл.). Дабы не посылать золота в Россию, лица, обязанные произвести уплаты в России, согласятся уплатить за векселя, подлежащие оплате в России, больше, чем за них причитается получить. Так, за обязательства русских уплатить в России 1000 руб. (100 фун. стерл.) англичане-должники согласятся уплатить больше 100 фун. стерлингов. Однако никто не согласится уплатить за этот вексель больше, чем 101 фун. стерл., ибо если бы за вексель, по которому причитается получить в России 1000 руб., нужно было бы уплатить больше 101 фунта, то было бы выгоднее, вместо этого векселя, послать кредиторам в Россию 100 фун. стерл. золота, истратив на пересылку 1 фун. стерл.

Векселей, подлежащих оплате в России, однако, не хватит для всех желающих их приобрести. Часть англичан должна будет послать в Россию золото, всего на сумму 5000 руб. (500 фун. стерл.), истратив на это 5 фун. стерл. (50 руб.).

Таким образом золото будет пересылаться только из Англии в Россию, но не из России в Англию, всего на сумму 10000 руб. (1000 фун. стерл.), т. е. на сумму, равную разнице между цифрой русских и английских обязательств.

В конце концов оказывается, что одна и та же цена, например, цена 1000 руб. (100 фун. стерл.), будет неодинаковой для разных стран, смотря по тому, в пользу какой страны приходится платежный баланс. В России оказывается, что 100 фун. стерл. равны не 1000 руб., а меньшей сумме; в Англии оказывается, что 1000 руб. равны не 100 фун. стерл., а больше этой суммы. Как

говорят в этих случаях, курс рубля стоит выше курса фунта. Вексельный курс неблагоприятен для Англии.

Предположим теперь, что один и тот же товар, например, хлеб, продающийся на мировом рынке, стоит 1 000 руб. (100 фун. стерл.) (за известное его количество). Однако, если расплата за него производится в Англии, то цена его оказывается для русского продавца меньше 1 000 руб., хотя для покупателя она остается равной 100 фун. стерл. Если же расплата производится в России, то, хотя цена и будет равна для продавца 1 000 руб., но для покупателя она окажется больше 100 фун. стерлингов.

Таким образом, благодаря явлению вексельного курса в мировых ценах обнаруживается только различие в характере кругооборота материального производства отдельных стран, т. е. находит себе выражение лишь частный, присущий данной стране характер труда ее населения, но не всеобщий, одинаковый для всех отраслей и стран характер труда, который должен был найти себе выражение в ценности.

Таким образом понятие о ценах мирового рынка оказывается, вместо утверждения понятия о ценности, отрицанием такового.

Однако ни одна страна не может постоянно платить больше, чем получать, ибо в этом случае ей скоро нечем стало бы платить. Поэтому ни одна страна не может постоянно иметь неблагоприятный платежный баланс.

Если сегодня страна платит больше, чем получает, то затем она получает больше, чем платит. Вексельный курс, сегодня благоприятный для одной страны, завтра становится для нее неблагоприятным и благоприятным для другой. В среднем вексельные курсы всех стран одинаковы, хотя в каждый отдельный момент они различны.

Таким образом, в среднем мировые цены для всех стран одинаковы. Общественный труд, затраченный в любой особой стране, получает в мировой цене товара, в среднем, одинаковое всеобщее выражение, под которое подойдет и труд всякой другой страны.

Однако этот общий характер труда находит себе выражение лишь во множестве особых частных проявлений, как среднее из них. Понятие о мировой цене, как о средней из различных национальных цен (различных благодаря колебаниям вексельного курса), есть отрицание предыдущего понятия о ценности, как о мировой цене вообще. Последнее было само отрицанием понятия о цене, как национальной цене.

Таким образом, понятие о мировой цене, как о средней из различных (благодаря колебаниям вексельного курса) национальных цен, есть отрицание отрицания и возврат к понятию о ценности, как о национальной цене. Однако это не только возврат, но и отрицание последнего понятия, ибо колебания вексельного курса все же создают национальные различия в мировой, а не национальной цене и в конце концов все же устраняют национальные различия в ценах. В этом смысле понятие о ценности, как о ми-

ровой цене средней для всех наций, есть не только отрицание, но и сохранение понятия о цене, как мировой цене вообще. Это—синтез всех понятий о цене.

Мировая цена, как средняя из отдельных отклоняющихся от нее (вследствие колебаний вексельного курса) цен, осуществляется при посредстве конкуренции товаров, произведенных капиталистическим способом. Это—конкуренция товаров, воплощающих возросший капитал.

Продажа этих товаров имеет своей задачей превращение в деньги возросшего капитала, придание ему формы ценности. Производство осуществляется в форме возрастания ценности, выступающей как капитал, в форме производства прибавочной ценности. Прибавочная ценность в форме ценности (т. е. денег)—единственная цель производства, осуществляемая посредством конкуренции. Труд рабочих в производстве находит себе применение лишь постольку, поскольку он действительно осуществляет это назначение. Результатом этого является наступление через известные, правильно повторяющиеся промежутки времени *экономических кризисов*.

Учение о правильно повторяющихся, периодических кризисах может быть дано лишь в соответствующем месте изложения экономической теории Маркса и Энгельса, но отнюдь не в настоящей работе, имеющей своей задачей лишь обнаружить диалектический скелет этой теории. Здесь может быть указано лишь следующее.

При господстве капиталистических отношений через известные правильные промежутки времени возникают препятствия для воспроизводства. Препятствия заключаются отнюдь не в том, что в обществе нехватает каких-либо вещественных условий производства. Столь же мало можно говорить и о недостатке рабочей силы. Наоборот, и средства производства, и средства существования рабочих, и рабочая сила имеются в избытке. Отсутствуют лишь общественные условия для их соединения. Соединение их в эти моменты перестает служить средством для роста капитала и поэтому не может иметь места.

Эти препятствия для воспроизводства возникают в общем следующим образом.

Пока прибыль высока, производство быстро расширяется. Однако с ростом производства сокращается избыток рабочего населения, ибо последнее не в состоянии возрастать с такой быстротою, с какой по мере роста капитала растет спрос его на рабочую силу. Скрытая и явная безработица сокращается. Заработная плата растет. В отсталых предприятиях, где труд менее производительен, где поэтому затраты на заработную плату более значительны, рост заработной платы особенно чувствителен. Для передовых предприятий с относительно низкими затратами на заработную плату расширенное производство остается выгодным, несмотря на рост заработной платы. Эти предприятия расширяют свое произ-

водство, особенно если у них есть средства для введения технических усовершенствований.

Отсталые предприятия вынуждены продавать свои товары по той же цене, что и передовые, хотя расходы первых и растут сильнее, чем расходы последних. Поэтому прибыль отсталых предприятий начинает падать. По достижении заработной платой известной высоты отсталые предприятия начинают нести убытки, заставляющие их сокращать и даже приостанавливать производство. Они перестают делать обычные заказы, прекращают платежи по своим долгам и т. д. Эти предприятия вовлекают в свой крах и своих кредиторов и своих клиентов. Спрос всех их на средства производства, а затем и на предметы потребления капиталистов падает.

Рабочие из закрывающихся или сокращающих производство предприятий выбрасываются. Спрос этих рабочих на средства существования также падает. Все это уменьшает сбыт товаров и для передовых предприятий, обостряет или порождает конкуренцию между ними, заставляет их понижать цены и выручать меньше прибыли. Менее передовые из этой группы предприятий в свою очередь начинают терпеть убытки, приостанавливают производство, вызывая тем самым новые затруднения и приостановку еще более передовых предприятий и т. д. Разражается кризис.

Приостановка множества предприятий создает громадную безработицу. Между тем продолжать производство могут лишь наиболее передовые предприятия, требующие относительно немного рабочих для ведения своего производства. Поэтому заработная плата падает крайне низко.

Предприятия, которые не могли работать при более высокой заработной плате, теперь могут возобновить свое производство. Однако, наиболее отсталые и уже разоренные предприятия не могут возродиться. Владельцы этих предприятий, вместе со всей свитой своих прихлебателей разного рода лишаются своих доходов и переходят в ряды пролетариев. Число пролетариев благодаря этому растет. Между тем для воспроизводства в прежнем размере теперь требуется меньше рабочих, так как в действии остаются лишь уцелевшие наиболее передовые предприятия.

Поэтому производство в новом круге (цикле) своего развития до следующего кризиса, имеющего место в новом промышленном цикле, сможет подняться до уровня более высокого, чем в прошлом цикле. Возрастание заработной платы создает новые затруднения для воспроизводства лишь по достижении последним более высокой ступени, зато и новый кризис, наступающий в результате подъема по тем же причинам, что и прошлый, бывает еще более опустошительным, чем предыдущий.

К этому присоединяется еще множество причин кризисов, являющихся, в конечном счете, лишь косвенным отражением тех же основных причин. Говорить о значении всех этих побочных причин здесь, конечно, не приходится.

Кризисы, таким образом, суть неотвратимый продукт капиталистического строя производства,—продукт того, что производство может иметь место лишь при том условии, если применение производительных сил приносит прибыль капиталисту; расширенное воспроизводство может иметь место лишь при том условии, если применение добавочных производительных сил увеличивает массу прибыли. Производство расширяется тем быстрее, чем выше прибыль. Однако, чем выше прибыль, чем быстрее развивается производство, тем в больших размерах создаются условия для еще более опустошительного кризиса. Кризисы, таким образом,—продукт того, что производство приносит прибыль.

В том факте, что производство приносит прибыль и, значит, в том факте, что в производстве создается прибавочная ценность, находит себе выражение то обстоятельство, что в потребление рабочего поступает лишь доля (и притом тем меньшая, чем выше норма прибавочной ценности) создаваемой им в производстве ценности.

Иначе говоря, в кризисах находит себе выражение ограниченность потребления рабочего класса.

Рабочий в капиталистическом производстве не потребляет созданной им ценности (сверх ценности его рабочей силы), а отдает ее в виде прибавочной ценности капиталисту. Производство рабочего не переходит в его потребление. Это, в конце концов, находит себе выражение в кризисах. В этом смысле причиной кризисов является противоречие между производством и потреблением.

Поскольку в обществе товаропроизводителей продукт переходит в потребление через посредство обмена, постольку и невозможность перехода продукта из производства в потребление имеет форму противоречия между производством и обменом.

Само противоречие между производством и потреблением возникает, как сказано выше, из того, что материальный процесс производства имеет капиталистическую форму, форму процесса производства прибавочной ценности.

В своей конкуренции друг с другом капиталисты вынуждены развивать общественные материальные производительные силы до высших пределов, до тех пределов, какие допускаются самим материальным характером данных производительных сил. Конкуренция заставляет развивать производительные силы, не считаясь с границами, какие ставит их присвоению капиталистический способ присвоения. Будучи общественными, материальные производительные силы могут быть развиты весьма высоко, между тем способ присвоения в капиталистическом обществе есть способ их единоличного частного присвоения. Колоссальные производительные силы оказываются невозможным присвоить единолично, так чтобы их применение обеспечивало рост их в руках частных лиц и чтобы производство прибавочной ценности расширялось. Это противоречие между общественным характером материальных производительных сил и единоличным способом их присвоения, со-

ставляя самую сущность капиталистического способа производства, составляет причину кризисов.

До поры до времени капиталистическое производство преодолевает кризисы, но, в конце концов, капиталистические отношения производства становятся нестерпимыми оковами на пути развития производительных сил.

Чем более высокий технический характер приобретает производство, тем меньше рабочих требуется для того, чтобы привести в движение данный капитал, тем относительно меньшей оказывается масса прибавочной ценности, производимой этими рабочими. В конце концов падение нормы прибыли достигает таких размеров, что находящиеся в распоряжении капиталистов материальные производительные силы становятся невыгодным применять для расширения производства, ибо расширение производства дает незначительное увеличение прибыли и может, при условии соответственного падения нормы прибыли, дать даже абсолютное уменьшение ее массы.

Поэтому на известном уровне развития крупнейшие капиталисты, владеющие громадными централизованными капиталами, применяют последние, как орудие дальнейшей насильственной централизации, как орудия для насильственного присоединения к своим капиталам чужих прибылей или даже чужих капиталов, независимо от того, как будет велико разрушение капиталов их противников в этой борьбе. Для победителей оказывается выгодным, хотя бы ценою гибели каких угодно сумм чужих капиталов, хотя бы ценою сокращения общих размеров всего общественного производства достичь такого увеличения своего капитала, какого они не достигли бы, увеличивая свой капитал лишь посредством присоединения к нему своей прибавочной ценности. Поскольку каждый капиталист подвергается опасности погибнуть, если он сам не будет стремиться погубить других, то на известном уровне развития все капиталисты, имеющие для этого достаточно сил, расширяют свое производство не столько за счет собственной прибавочной ценности, сколько за счет присоединения чужих капиталов к своим, ценой колоссального разрушения чужих, а отчасти и своих капиталов.

Капиталистический способ производства из средства и формы развития производительных сил и даже из формы производства ценности и прибавочной ценности становится формой их уничтожения, т. е. превращается в собственное отрицание.

Противоречие между развитием общественных производительных сил и капиталистической формой их присвоения может быть разрешено лишь, вместе с устранением противоречивого характера самого общественного труда, лишь с превращением общественного труда из труда, имеющего форму частного труда, в труд непосредственно общественный.

Устранение самых основ противоречия при посредстве его раз-

вития—таков вообще единственный действительный способ разрешения всякого действительного противоречия.

Непосредственно общественное производство есть отрицание всех форм товарного производства. Последнее есть отрицание неразвитого общего понятия о производстве, как об общественном производстве вообще. Понятие о непосредственно общественном производстве, возникающее из развития понятия о товаре, является, таким образом, отрицанием отрицания и возвратом к первоначальному понятию об общественном производстве, но уже в развитом виде.

Понятие о непосредственно общественном производстве—это синтез всего предшествующего развития.

Таковы основные этапы в диалектическом развитии понятия о товаре, этой основной клеточке капиталистического богатства.

Развитие общего понятия о товаре приводит последовательно ко все более и более развитым особым понятиям о нем, пока, наконец, дело не доходит до понятия о тех внешних формах, в каких внутренние законы капиталистического общества проявляются во внешней действительности.

Тогда обнаруживается необходимость перехода капиталистического способа производства в непосредственно общественное производство.

ГЛАВА II

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ О ТОВАРЕ КАК РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ КАПИТАЛИСТИЧЕ- СКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ РАЗВИТИЕМ ПОНЯТИЯ ОБ ОБЩЕСТ- ВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗ- ВОДСТВА И РАЗВИТИЕМ ОТНОШЕНИЙ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Как уже неоднократно указывалось выше, в обществе товаропроизводителей общественные отношения между людьми в их производстве обнаруживаются лишь через посредство тех отношений, которые устанавливаются между продуктами их производства. Все свойства общественных отношений производства могут быть обнаружены лишь через посредство свойств самих товаров.

Эти общественные отношения могут быть поняты лишь из развития понятия о товаре. С другой стороны, развитие понятия о товаре уже скрывает под собою развитие понятия об обществе товаропроизводителей. Развитие понятия о товаре скрывает под собою переход от неразвитого общего отвлеченного понятия об обществе товаропроизводителей к понятию об этом обществе во всех его особых действительных проявлениях, т. е. к понятию о действительных формах капиталистического общества.

Здесь следует указать, с одной стороны, что переход от наиболее простых неразвитых форм понятия об обществе товаропроизводителей к развитому понятию о действительных особых формах этого общества отнюдь не совпадает вообще с развитием самого общества товаропроизводителей в исторической действительности от его наиболее простых и неразвитых форм до перехода капиталистического общества в коммунистическое.

С другой стороны, не следует забывать и того обстоятельства, что в известном смысле и в известных пределах такое совпадение существует.

Первоначально неразвитое общее понятие о товаре есть понятие о нем, как об особой потребительной ценности, которая выступает в то же время, как ценность, т. е. как воплощение абстрактного всеобщего общественного труда. Это понятие уже скры-

вает под собою общее понятие об экономике общества товаро-производителей, хотя в самой простой и неразвитой форме.

Согласно понятию о товаре, последний является воплощением общественного труда не в том смысле, что он есть воплощение того или другого особого проявления общественного труда. Понятие о товаре означает, что особая потребительная ценность, раз она есть товар, оказывается воплощением общественного труда лишь при том условии, если отвлечься от всех особенностей того вида труда, при посредстве которого она произведена в действительности.

Тот особый вид труда, который действительно затрачивался на производство данного товара, не имеет непосредственно значения общественного труда, хотя, в конечном счете, он и оказывается особым проявлением общественного труда. Особое проявление общественного труда может быть непосредственно лишено значения общественного труда лишь при том условии, если непосредственно этот труд затрачивается независимо от общества, если непосредственно он не является частью общественного труда. Значит, это—частный по своей форме труд.

С другой стороны, товар, как ценность, есть воплощение абстрактного труда, особым проявлением которого оказывается в равной мере труд любого члена общества. Это—абстрактно-всеобщий труд.

Однако, если товар, особая потребительная ценность, выступает как воплощение абстрактного труда, проявлением которого служит в равной мере труд любого члена общества, значит, этот абстрактный труд есть общественный труд и, значит, на производство этого товара, хотя и в форме особого частного труда, затрачен в действительности общественный труд.

Таким образом, в понятии о товаре уже скрыто понятие об обществе товаропроизводителей как об обществе, в котором общественный труд осуществляется в форме частного труда частных производителей.

Таково первоначальное общее и неразвитое понятие об обществе товаропроизводителей.

В исторической действительности первоначальной неразвитой общественной формой производства, из развития которой возникают все, в том числе и наиболее высокие формы общества товаропроизводителей, является производство самостоятельных общин, в своем производстве независимых друг от друга. Производство этих общин, особенно на низших ступенях их развития, крайне грубо и несложно. Обособления различных видов труда друг от друга и разделения его между различными членами общества почти нет. Каждый член общества безразлично выполняет все почти не обособленные друг от друга виды общественного труда. Общественный труд членов этих общин не имеет еще внешней формы совокупности различных особых видов труда, но, повидимому, является непосредственным воплощением труда «вообще», взятого

вне каких-либо его особых конкретных форм—непосредственным воплощением абстрактного труда. Продукт производства каждой из этих общин можно рассматривать как воплощение ее абстрактного общественного труда, осуществляемого независимо от труда всех остальных общин.

Таким образом, форма богатства первобытного общества в известном смысле соответствует неразвитому общему понятию о товаре, как о воплощении абстрактного общественного труда независимых друг от друга производителей.

Однако, если богатство первобытного общества в известном смысле и обладает формой, соответствующей неразвитому понятию о товаре, то оно, вместе с тем, вовсе не обладает этой формой.

В самом деле, смысл понятия товара заключается в том, что внешняя форма продуктов независимых производителей скрывает под собою производство лиц, в действительности лишенных какой бы то ни было независимости, но производящих продукты лишь в той мере, в какой производство каждого из них входит, как подчиненное звено в общественное разделение труда. Производство же первобытной общины, наоборот, является в действительности независимым от производства всех остальных общин. Это—действительно самодовлеющее производство.

С другой стороны, производство отдельного товаропроизводителя, взятое вне связи с производством остальных товаропроизводителей, лишено формы общественного производства. Между тем производство отдельной независимой общины, действительно лишенной связи с остальными общинами, есть, вместе с тем, непосредственно общественное производство.

Общественный труд членов первобытной общины в действительности как нельзя более далек от того, чтобы быть воплощением абстрактного труда вообще. Достаточно поставить членов такой общины в материальные условия, хотя бы незначительно отличные от привычных для них условий, чтобы обнаружилась их полная беспомощность, полная неспособность их якобы абстрактного труда найти себе проявление в новых конкретных формах, обусловленных новой материальной обстановкой.

Скрытое под неразвитым общим понятием о товаре неразвитое общее понятие о товарном производстве есть, хотя и неразвитое понятие, но все же понятие о вполне развитом товарном производстве. Поэтому оно и не совпадает с понятием (хотя бы и вполне развитым) о наиболее простой и неразвитой форме общественного производства, из которой в исторической действительности возникают развитые формы товарного производства.

Как выяснено в предыдущей главе, общее и неразвитое понятие о товаре, если его содержание остается неразвитым, противоречит тому содержанию, которое должно найти себе, в общей форме, выражение в этом понятии. Поэтому неразвитое понятие и приходится развивать.

Понятие о товаре в своем развитии, как показано выше, принимает необходимо форму понятия о меновой ценности.

Понятие о меновой ценности, будучи более развитым понятием о ценности, чем первоначальное понятие о ней, вместе с тем скрывает под собою и более развитое понятие об обществе товаропроизводителей.

В понятии о меновой ценности находит себе выражение понятие об обществе товаропроизводителей не просто как об обществе, в котором общественный труд осуществляется в форме частного труда. В понятии о меновой ценности находит себе выражение и та особая форма, в какой частный труд товаропроизводителей обнаруживает свой общественный характер. Именно здесь обнаруживается, что частный труд отдельного товаропроизводителя проявляется свой общественный характер в форме и при посредстве частного обмена продуктов. Понятие об обществе товаропроизводителей становится понятием об обществе, члены которого частным образом обмениваются продуктами своего частного труда.

В первоначальном неразвитом понятии об обществе товаропроизводителей не высказывалось вовсе мысли о том, что различные члены этого общества занимают различное общественное положение в производстве. Между тем в понятии об обществе, члены которого частным образом обмениваются своими частными продуктами, эта мысль уже находит себе выражение, хотя еще в совершенно зачаточной форме.

Если каждый отдельный товаропроизводитель при посредстве обмена превращает свой особый товар, являющийся воплощением частного труда, в воплощение общественного труда, то, значит, тот особый товар, который он получает в обмен на свой собственный, есть, в отличие от последнего, воплощение общественного труда. Значит, производитель того товара, который наш товаропроизводитель получает при посредстве обмена, выступает в обмене в иной роли, чем наш товаропроизводитель. Один выступает как производитель, труд которого непосредственно имеет значение общественного труда. Другой выступает как производитель, труд которого непосредственно имеет значение лишь особого частного вида труда.

Развитие этой мысли,—мысли о том, что общество товаропроизводителей есть общество, не однородное по своему строению, но расчлененное на различные экономические подразделения,—осуществляется в развитии понятия о меновой ценности.

Поскольку в первоначальное понятие об обществе товаропроизводителей не входит еще непосредственно понятие об обмене продуктов, постольку понятие о нем, как об обществе, в котором отдельные члены его частным образом обмениваются своими частными продуктами, есть отрицание первоначального неразвитого понятия об обществе товаропроизводителей.

Возникающее в исторической действительности из развития и разложения первобытных общин общество товаропроизводите-

лей также является отрицанием непосредственно общественного производства.

Однако и здесь невозможно говорить о действительном совпадении в развитии понятия об обществе товаропроизводителей и развитии самого этого общества. В одном случае речь идет о переходе от одной формы понятия о вполне развитом обществе товаропроизводителей к другой, являющейся отрицанием первой, форме понятия о том же обществе. Во втором случае дело идет о возникновении зачатков товарного производства и частного обмена внутри первобытного общества.

Первой и наименее развитой формой понятия о меновой ценности является простая единичная форма ценности. Эта форма скрывает под собою и наименее развитое понятие об обществе, в котором производители частным образом обмениваются продуктами своего частного труда.

Понятие о простой единичной форме ценности обнаруживает лишь в совершенно общей и неразвитой форме то обстоятельство, что отдельный товаропроизводитель придает своему труду значение общественного труда лишь в форме и при посредстве частного обмена. Если эту мысль развить, то она означает, что любой отдельный товаропроизводитель обменивает свой частный продукт на продукт любого другого товаропроизводителя. Иными словами, это значит, что все товаропроизводители обменивают свои продукты на самые разнообразные товары. Однако для того, чтобы понятие о меновой ценности получило такое содержание, необходимо развить понятие о простой форме ценности. Тем самым, однако, и понятие о меновой ценности приобретает новую форму, именно, форму понятия о полной, развернутой форме ценности. До тех же пор, пока понятие о меновой ценности остается понятием о простой форме ценности, т. е. пока мысль, составляющая содержание этого понятия, еще не развита, до тех пор в этом понятии непосредственно содержится лишь мысль об одном отдельном обмене одного особого продукта одного товаропроизводителя на один из продуктов другого товаропроизводителя.

Понятие об общественных различиях внутри общества товаропроизводителей выражается здесь в наиболее зародышевой форме. Здесь непосредственно высказывается лишь мысль о том, что отдельный товаропроизводитель (например, ткач), превращающий посредством обмена продукт своего частного труда (например, холст) в продукт, выступающий как воплощение общественного труда (в сюртук), играет в этом обмене иную роль, чем производитель сюртука. Портной приобретает для ткача значение такого производителя, труд которого есть непосредственно общественный труд.

Однако для портного тот же самый обмен есть превращение продукта его частного труда, сюртука, посредством обмена в холст, выступающий для портного, как непосредственное вопло-

щение общественного труда. Для портного непосредственным воплощением общественного труда является не его собственный продукт, сюртук, но именно продукт ткача, холст.

Таким образом, хотя для каждого из товаропроизводителей другой участник обмена играет иную роль, чем он сам, но все же портной находится в таком же положении, как и ткач. Общественное различие между товаропроизводителями имеет здесь форму различия, которое существует только с точки зрения отдельных участников обмена, но не существует по отношению к обмену в его целом.

В исторической действительности соприкосновение независимых друг от друга общин вело к возникновению между ними обмена, который первоначально имел место лишь случайно в единичных случаях. Этот единичный обмен по своей внешней форме является осуществлением понятия о простой единичной форме ценности.

Однако, если, с одной стороны, по внешности, этот обмен и обладает простой формой ценности, то, с другой стороны, по существу, он еще не обладает этой формой.

Простая форма ценности, это—форма, в которой находит себе хотя и недостаточное выражение понятие об обществе товаропроизводителей в его вполне развитой и чистой форме. Это—понятие об обществе, все производство которого целиком и полностью является товарным производством.

Между тем производство первобытных общин, вступающих в обмен друг с другом лишь случайно, в единичных случаях, есть производство для собственного потребления этих общин, с ничтожными зачатками товарного производства. В отдельных случаях в этом обществе в обмен поступают только излишки, случайно не потребленные самими производителями. Обмениваемые продукты производятся не как товары, но просто, как потребительные ценности. Они обмениваются не потому, что они произведены, как товары, но, наоборот, они становятся товарами потому, что они обмениваются.

Дальнейшим развитием и отрицанием понятия о простой форме ценности является понятие о полной, развернутой ее форме.

Развернутая форма ценности означает новую ступень в развитии понятия об обществе товаропроизводителей. Эта новая ступень означает отрицание предыдущей формы понятия об этом обществе.

В предыдущей форме понятия об обществе товаропроизводителей содержалось только утверждение, что труд в этом обществе приобретает значение общественного труда посредством обмена продукта отдельного производителя на продукт труда другого товаропроизводителя. Однако в этом понятии непосредственно не высказывалась мысль, что продукт труда каждого отдельного товаропроизводителя обменивается не только на один какой-либо, но на любой продукт любого другого товаропроизводителя. Теперь-

же понятие об обществе товаропроизводителей оказывается понятием об обществе, в котором продукт отдельного частного производителя обменивается не на один какой-нибудь вид товара, но на самые разнообразные товары других товаропроизводителей.

Общественные различия внутри общества товаропроизводителей приобретают теперь более развитое выражение.

Если отдельный товаропроизводитель (скажем, ткач) превращает продукт своего частного труда в воплощение общественного труда посредством обмена своего продукта на продукты множества других товаропроизводителей, то ткач на самом деле, а не только с его личной точки зрения, играет в этом обмене иную роль, чем все остальные товаропроизводители.

Если отдельный товаропроизводитель (скажем, тот же ткач) превращает продукт своего особого частного труда в воплощение общественного труда лишь посредством обмена своего продукта на множество различных продуктов других товаропроизводителей, то, значит, воплощением общественного труда ткача является вся совокупность продуктов остальных товаропроизводителей. Значит, труд ткача выступает, как частный труд, труд же всех остальных товаропроизводителей, взятых в совокупности, но не порознь, есть общественный труд. Ткач есть непосредственно производитель лишь особой частной потребительской ценности. Остальные товаропроизводители, взятые в совокупности, но не порознь, суть производители истинного товара, производители продуктов, выступающих, как воплощение общественного труда.

Оказывается, что общество товаропроизводителей нельзя понимать, как однородное общество.

Внутри этого общества оказываются два различных подразделения товаропроизводителей, а именно—производитель отдельного товара, в одиночку производящий свой особый продукт (холст), с одной стороны, и все остальное общество, совокупным своим трудом производящее ценность, непосредственное воплощение общественного труда.

Если развить понятие об этих общественных отношениях больше, выйдя за пределы того, что непосредственно содержится в понятии полной, развернутой формы ценности, то окажется, что и книгопродавец, и земледелец, и винокур и т. д. (а не только взятый для примера ткач) посредством обмена с ткачом придают своим особым продуктам значение продуктов, являющихся непосредственным воплощением общественного труда.

Однако такое развитие понятия о полной, развернутой форме ценности, хотя и является необходимым выводом из этого понятия, но означает уже выход за его пределы и переход этого понятия в его собственное отрицание, в понятие о всеобщей форме ценности.

Книгопродавец, винокур и т. д. посредством обмена с ткачом придают каждый своему особому продукту значение продукта, воплощающего общественный труд. Однако это выражение совсем

инного рода, чем то, посредством которого обнаруживается общественный характер труда ткача.

Продукты труда винокура, книгопродавца и т. д. становятся воплощением общественного труда, потому что все они, посредством обмена на холст, оказываются одинаковыми. Все они становятся холстом. Но поскольку они все одинаковы, постольку все они заменяют друг друга. Каждый особый продукт, поскольку он есть холст, вполне заменяет всякий другой особый продукт, поскольку последний также есть холст. Значит, и всякий особый вид труда, воплощенного в каждом из этих особых товаров, есть одинаковый труд ткача. Один вид труда вполне заменяет другой, поскольку оба они оказываются ткачеством. Значит, он является не только данным особым видом труда, но всеобщим общественным трудом.

Для винокура, книгопродавца, земледельца и т. д. труд ткача, взятый порознь от всех других видов труда, есть общественный труд. Все же другие виды труда и порознь и в совокупности суть лишь частные виды труда.

Таким образом, положение винокура, книгопродавца, земледельца и т. д., когда они посредством обмена с ткачом превращают продукт своих частных видов труда в воплощение общественного труда,—все же оказывается иным, чем положение ткача, когда последний превращает продукт своего особого частного труда в воплощение общественного труда (при посредстве обмена холста на водку, книги, пшеницу и т. д.).

Все остальные товаровладельцы суть владельцы особых эквивалентов холста. Ткач же—владелец общего эквивалента всех товаров, обменивающихся на холст.

Развитие общества товаропроизводителей в исторической действительности снова обнаруживает черты сходства с развитием понятия об этом обществе.

Соприкосновение между отдельными общинами, имевшее место вначале в случайных и единичных случаях обмена, влечет за собою расширение этого соприкосновения и повторение случаев обмена. Продукты одной общины начинают обмениваться на самые разнообразные продукты других общин. Разложение первобытного общества приобретает тем самым новую особую форму, являющуюся отрицанием той его особой формы, когда обмен носил характер лишь единичных случайных событий.

Обмен теперь приобретает форму, по своей внешности являющуюся осуществлением полной развернутой формы ценности. Однако и в этом случае обмен по существу дела лишен этой формы.

Понятие об обществе товаропроизводителей, вытекающее из понятия о развернутой форме ценности, правда, есть еще весьма неразвитое понятие, но все же понятие о вполне развитом обществе товаропроизводителей, а вовсе не понятие о первобытном об-

ществе, достигшем той ступени своего разложения, когда обмен начинает терять свой случайный и единичный характер.

Понятие о развернутой форме ценности переходит, как уже сказано выше, в свое собственное отрицание, в понятие о всеобщей форме ценности. Соответственно с этим и скрытое под понятием о ценности понятие об обществе товаропроизводителей получает дальнейшее развитие, превращаясь в собственное отрицание.

В самом деле, в понятии об обществе товаропроизводителей, скрытом под понятием о развернутой форме ценности, непосредственно не высказывалась мысль, что продукт отдельного товаропроизводителя по своим собственным материальным свойствам непосредственно лишен для своего производителя значения потребительной ценности, но имеет для него значение лишь, как всеобщий эквивалент.

Между тем именно эта мысль и составляет содержание понятия о всеобщей форме ценности.

Понятие об обществе товаропроизводителей, как об обществе, в котором отдельный товаропроизводитель своим частным трудом производит всеобщий эквивалент, означает дальнейшее развитие понятия об общественных различиях внутри этого общества.

Из понятия о развернутой форме ценности вытекало понятие, с одной стороны, об отдельном товаропроизводителе, который производит непосредственно лишь особую потребительную ценность, а, с другой стороны, обо всех остальных товаропроизводителях, в совокупности (и лишь в совокупности) производящих продукты, непосредственно воплощающие общественный труд (если же их брать каждого порознь, то они ничем не отличаются от первого товаропроизводителя).

Понятие же о всеобщей форме ценности предполагает, с одной стороны, отдельного товаропроизводителя (скажем, ткача), продукт которого и для него и для других есть всеобщий эквивалент, непосредственно воплощение общественного труда, а с другой стороны, всех остальных товаровладельцев, продукты которых в этом обмене и для них самих и для ткача суть непосредственно лишь особые потребительные ценности.

Понятие об обществе товаропроизводителей, как об обществе, в котором отдельный товаропроизводитель непосредственно производит всеобщий эквивалент, а не те или другие особые потребительные ценности, есть отрицание понятия о нем, как об обществе товаропроизводителей, общественный характер труда которых обнаруживается в том, что продукт каждого из них обменивается на множество чужих товаров, как особых эквивалентов его собственного товара. Последнее понятие само было отрицанием понятия об обществе товаропроизводителей, как об обществе, в котором отдельный товаропроизводитель обменивает свой товар на чужой отдельный товар непосредственно, как на единичный его эквивалент.

Понятие об обществе товаропроизводителей, как об обществе, в котором отдельный производитель производит всеобщий эквивалент, является таким образом отрицанием отрицания и возвратом к понятию об этом обществе, вытекавшему из понятия о простой единичной форме ценности.

В самом деле, в последнем понятии не ставился и не разрешался вопрос о том, достаточно ли единичного обмена данного товара на один из видов чужих товаров для того, чтобы частный труд данного товаропроизводителя приобрел значение общественного труда, или же для этого необходимо, чтобы продукт данного товаропроизводителя многократно обменивался на самые разнообразные товары других товаропроизводителей. В этом понятии непосредственно высказывалась лишь мысль, что частный труд товаропроизводителя становится общественным при посредстве обмена на продукт другого товаровладельца. Непосредственно это значит, что условие, необходимое для приобретения частным трудом общественного характера, надо считать выполненным, раз обмен состоялся, хотя бы это и был единичный обмен данного товара на какой-либо один вид чужого товара (скажем, обмен холста на сюртук).

Понятие же об обществе товаропроизводителей, как об обществе, в котором отдельный товаропроизводитель производит всеобщий эквивалент, означает, что достаточно лишь однократного обмена любого товара на товар, имеющий значение всеобщего эквивалента, чтобы первый товар получил форму воплощения общественного труда, ибо в этом случае первый товар имел всеобщую форму, под которую подходит любой другой товар, обменивающийся на всеобщий эквивалент.

Форма обмена при всеобщей форме ценности есть, таким образом, возврат к простой форме.

Однако понятие об обществе товаропроизводителей, как об обществе, в котором отдельный товаропроизводитель производит всеобщий эквивалент, является не только возвратом к понятию об этом обществе, вытекающему из понятия о простой форме ценности, но и отрицанием этого понятия. Последнее не содержит в себе непосредственно мысли об обмене данного товара на самые разнообразные товары других товаровладельцев и, значит, не содержит в себе понятия о связи между многими членами общества, но лишь о связи друг с другом двух лиц при посредстве обмена.

Между тем понятие об обществе товаропроизводителей, как об обществе, в котором продукт отдельного частного производителя производится, как всеобщий эквивалент, предполагает, что продукт, имеющий значение всеобщего эквивалента, обменивается на самые разнообразные товары. Владелец всеобщего эквивалента при посредстве этого обмена вступает в общественную связь со всем обществом. В этом отношении рассматриваемая форма понятия об обществе товаропроизводителей есть не только отрицание, но и сохранение понятия об обществе товаропроизво-

дителей, вытекающего из понятия о полной, развернутой форме ценности.

Это—синтез всех предыдущих форм понятия об обществе товаропроизводителей.

В действительном развитии общества товаропроизводителей упрочение обмена того или другого продукта разлагающейся коммунистической общины на различные продукты других общин приводит к тому, что этот продукт теряет для своих производителей значение той особой потребительной ценности, какую он представляет по своим материальным свойствам. Этот продукт начинают производить не ради его собственных материальных свойств, но потому, что при его посредстве можно получить чужие продукты. Данный продукт начинают производить, как всеобщий эквивалент.

Таким образом здесь снова обнаруживается известное совпадение между развитием понятия об обществе товаропроизводителей и действительным развитием самого этого общества.

Однако и в данном случае это совпадение оказывается лишь поверхностным совпадением, имеющим место лишь в ограниченных пределах.

Развитие понятия об обществе товаропроизводителей—начиная с неразвитого понятия о нем, как об обществе, в котором частный труд отдельного производителя приобретает при посредстве обмена общественное значение, вплоть до понятия об этом обществе, как об обществе, в котором продукт отдельного члена общества производится, как всеобщий эквивалент,—есть развитие понятия о вполне развитом обществе товаропроизводителей, все производство которого есть исключительно товарное производство. Между тем действительное развитие общества товаропроизводителей происходит таким образом, что производство для собственного потребления сохраняет господствующее значение не только в то время, когда возникают лишь первые зачатки товарного обмена, но и тогда, когда отдельные продукты уже производятся непосредственно, как товары, имеющие значение всеобщих эквивалентов.

Производство для собственного потребления, господствующее в этом обществе, определяет, какие именно продукты и в каких размерах начинают в единичных случаях поступать в обмен, по отношению к каким продуктам обмен будет повторяться, обмен каких продуктов упрочится настолько, что они приобретут значение всеобщих эквивалентов.

Таким образом действительного совпадения между развитием понятия и развитием самой действительности здесь нет.

Понятие об отдельном товаре, как о всеобщем эквиваленте, превращается в понятие обо всяком товаре, как о всеобщем эквиваленте. Последнее же понятие превращается в понятие о деньгах, как об единственном товаре, имеющем значение всеобщего эквивалента.

Развитие понятия о всеобщем эквиваленте скрывает под собою развитие понятия об обществе товаропроизводителей как об обществе, в котором отдельный производитель производит своим трудом всеобщий эквивалент, вступая при посредстве обмена в общественную связь с другими товаровладельцами.

В самом деле, общество товаропроизводителей есть общество, в котором продукт отдельного товаропроизводителя (скажем, холст) производится, как всеобщий эквивалент остальных товаров. Однако это в равной мере применимо ко всякому отдельному товару.

Не только один какой-либо, но и всякий отдельный товар производится (если он производится, как товар, а не для собственного потребления) лишь постольку, поскольку он—всеобщий эквивалент, т. е. поскольку другие товаропроизводители вступают в общественную связь с данным товаропроизводителем, обменивая на его товар свои собственные товары. Всякий товаропроизводитель, если он действительно—товаропроизводитель, производит такой товар, который беспрепятственно превращается посредством обмена во все другие товары. Каждый член общества товаропроизводителей, таким образом, оказывается членом того общественного подразделения, члены которого производят всеобщий эквивалент, в отличие от того общественного подразделения, к которому относятся все вступающие с ним в обмен товаропроизводители, выступающие по отношению к нему, как владельцы особых частных эквивалентов его товара.

Однако всех товаропроизводителей невозможно представлять себе, как непосредственных производителей всеобщего эквивалента, ибо тогда не было бы никого, кто был бы производителем особых частных товаров, на которые обменивается всеобщий эквивалент. Последнему не на что было бы обмениваться. Он не мог бы существовать ни как всеобщий, ни как частный эквивалент.

В самом деле, если бы все товары были непосредственно всеобщими эквивалентами, если бы на каждый из них обменивался любой другой товар и, значит, каждый из них мог бы беспрепятственно обмениваться на все остальные, то ни один из них не был бы к этому способен.

Допустим, что не один только холст, но и все остальные товары—всеобщие эквиваленты. Это значит, что всякий товар можно непосредственно обменивать на другие товары. Тогда, например, обладая библией и нуждаясь в водке, владелец библии может непосредственно совершить этот обмен, ибо библия тоже—всеобщий эквивалент. Владельцу библии нет поэтому необходимости обменивать свой товар, библию, на холст. Значит, может случиться, что и владельцу холста не удастся обменивать своего холста на библию. Холст не будет иметь значения всеобщего эквивалента, хотя он и производился, как всеобщий эквивалент.

Отдельный товар (скажем, тот же холст) действительно может быть всеобщим эквивалентом только при том условии, если

никакой другой товар не будет способен обмениваться ни на что другое, кроме холста. Тогда все остальные товаровладельцы, какой бы особый товар ни был нужен каждому из них, будут обменивать свои товары сначала на холст и лишь холст будут превращать в остальные товары.

Таким образом оказывается, что действительно всеобщим эквивалентом может быть лишь один товар при условии, что все другие лишены этой способности.

С другой стороны, однако, понятие о товарном производстве есть понятие о производстве каждым отдельным товаропроизводителем всеобщего эквивалента.

Разрешением этого противоречия может быть лишь переход каждого отдельного товара из положения особого товара в положение единственного всеобщего эквивалента при посредстве обмена на этот особый товар, который является единственным всеобщим эквивалентом.

Единственный всеобщий эквивалент—это деньги. Таким образом, понятие об обществе товаропроизводителей превращается в понятие об обществе, в котором каждый член общества производит деньги. Именно, производитель того особого товара, который непосредственно приобретает значение денег, непосредственно производит деньги. Остальные же товаропроизводители, хотя непосредственно и производят лишь особые товары, но, превращая их посредством обмена в деньги, они, в конечном счете, производят деньги.

Понятие об обществе товаропроизводителей, как об обществе, все члены которого (за исключением производителей товара, непосредственно выполняющего роль денег) производят лишь особые товары, есть отрицание понятия о нем, как об обществе, все члены которого непосредственно производят всеобщий эквивалент. Последнее понятие само было отрицанием неразвитого понятия об обществе товаропроизводителей, как об обществе, в котором отдельный товаропроизводитель производит всеобщий эквивалент.

В последнем понятии непосредственно не высказывалась мысль, что все товаровладельцы находятся в этом смысле в одинаковом положении. В нем непосредственно высказывалась лишь мысль о том, что один товаровладелец производит всеобщий эквивалент.

Понятие об обществе товаропроизводителей, в котором лишь производители одного вида товаров (именно товара, играющего роль денег) непосредственно производят всеобщий эквивалент,— это понятие оказывается, таким образом, отрицанием отрицания и возвратом к понятию об обществе, в котором труд отдельного товаропроизводителя производит всеобщий эквивалент, т. е. к первоначальной форме этого понятия.

Однако это не только новое утверждение, но и отрицание последнего понятия. В самом деле, понятие об обществе товаропроизводителей, как о таком обществе, в котором лишь производители одного вида товаров непосредственно производят всеобщий

эквивалент, предполагает, что все остальные товаропроизводители, хотя и не производят денег непосредственно, но, в конечном счете, все же производят деньги при посредстве обмена на деньги своих особых товаров. В этом отношении рассматриваемое понятие является не только отрицанием, но и сохранением понятия об обществе товаропроизводителей, как об обществе, все члены которого производят каждый всеобщий эквивалент.

Это—синтез всех форм, это наиболее развитая форма понятия об обществе, в котором общественные отношения между людьми в производстве устанавливаются при посредстве обмена ими своих продуктов, как всеобщих эквивалентов.

В этом понятии достигает наиболее высокого, по сравнению со всеми уже рассматриваемыми формами, развития и понятие о различии двух общественных подразделений внутри этого общества, именно понятие о разделении членов общества товаровладельцев на владельцев особых товаров и владельцев всеобщего эквивалента. Теперь это различие приобретает форму различия между владельцами денег и обычными товаровладельцами.

Действительное развитие общества товаропроизводителей, в известных пределах, опять-таки совпадает с развитием понятия об этом обществе.

Развитие обмена не происходит равномерно. В то время как один вид товаров уже начинает производиться для обмена, как всеобщий эквивалент, те товары, на которые он обменивается, могут быть еще случайно поступающими в обмен излишками продуктов, изготовленных для собственного потребления. Однако по мере дальнейшего развития обмена и остальные товары начинают производиться для обмена, как товары, имеющие для своих производителей лишь значение всеобщего эквивалента. Однако, так как по самому существу дела выполнение одним товаром роли всеобщего эквивалента делает невозможным для всех остальных выполнение той же роли, то начинается обособление одного вида товара, который все более и более приобретает значение единственного всеобщего эквивалента. Все остальные товары становятся всеобщими эквивалентами лишь посредством обмена на единственный всеобщий эквивалент.

Процесс обособления денег может быть представлен следующим образом.

В зависимости от самых разнообразных причин (потому ли, что данный продукт раньше других выступил, как товар, в обмене, и обмен его уже успел упрочиться; потому ли, что данный товар служит средством для удовлетворения более важной потребности, чем другие товары; потому ли, что данный товар служит, в качестве средства производства или в качестве предмета личного потребления, в более широком кругу потребителей) одни товары имеют более широкий круг потребителей, чем другие. Товары, которые имеют более широкий круг потребителей, легче превратить в любую потребительную ценность, чем товары,

имеющие менее широкий круг потребителей. Последние в меньшей степени, чем первые, могут иметь значение всеобщего эквивалента.

Между тем производство товара по существу дела есть производство всеобщего эквивалента. Поэтому фактически, в качестве товарного производства, будет развиваться лишь производство таких потребительных ценностей, которые будут по отношению к обменивающимся на них излишкам продуктов, производимых для собственного потребления, иметь значение всеобщего эквивалента. Иначе говоря, в качестве товарного производства будет развиваться лишь производство таких продуктов, на которые,—благодаря тому, что круг их потребителей достаточно велик и разнообразен,—можно всегда получить в обмен другие нужные продукты. Тем самым продукт любого из товаропроизводителей обменивался бы на любую потребительную ценность, на какую его в действительности захотел бы обменять товаровладелец, т. е. каждый товар был бы всеобщим эквивалентом в своем особом кругу.

Поскольку производство некоторых потребительных ценностей упрощается, как товарное производство, и эти продукты приобретают каждый в своем ограниченном кругу значение всеобщего эквивалента, постольку и для лиц, или общин, производящих продукты для собственного потребления, становится целесообразным превращать случайные излишки своих продуктов в чужие продукты и притом не только тогда, когда им нужны определенные особые чужие продукты. Для них будет целесообразно при всякой возможности обменивать свои излишки на продукты, производство которых в качестве товаров уже более или менее упрочилось, ибо эти товары они могут при посредстве дальнейшего обмена превратить в любой из других продуктов.

Благодаря этому на данный товар, например, на холст, создается добавочный спрос, не как на данную особую потребительную ценность, не как на материал для рубашек, но как на всеобщий эквивалент. Тем самым холст становится еще легче превращать в любую потребительную ценность. Он еще в большей степени приобретает значение всеобщего эквивалента.

Излишки предметов, произведенных для собственного потребления, обмениваясь на товар, уже обладающий значением всеобщего эквивалента, сами посредством этого обмена становятся всеобщими эквивалентами. Это побуждает к превращению обмена таких излишков из случайного в более или менее регулярное дело. Это побуждает к сознательному производству данных потребительных ценностей в размере, превышающем собственные потребности производителей, ради обмена их на всеобщий эквивалент.

Производство, бывшее до сих пор лишь производством для собственного потребления, становится теперь в известных пределах товарным производством, но, вместе с тем, оно становится производством всеобщего эквивалента, хотя и не непосредствен-

но, но лишь через посредство обмена на непосредственный всеобщий эквивалент.

Развитие товарного производства с первых его шагов оказывается выделением всеобщего эквивалента из среды остальных товаров.

По мере того, как производство потребительных ценностей, на которые обменивался всеобщий эквивалент, становится товарным производством, сам непосредственный всеобщий эквивалент приобретает более высокое развитие. Он становится всеобщим эквивалентом уже по отношению к товарам, к ценностям, а не к случайным излишкам продуктов, предназначавшихся во время производства для собственного потребления. Он становится всеобщим эквивалентом в действительном смысле слова.

С развитием товарного производства отдельные ограниченные области товарного обмена, обладающие каждая особым ограниченным всеобщим эквивалентом, приходят в соприкосновение друг с другом, понемногу сливаясь в единую область товарного производства и обмена. Слияние многих ограниченных областей товарного производства в единую область ведет к вытеснению всех товаров, действовавших до сих пор каждый в пределах своей отдельной области, как всеобщий эквивалент, одним из них, в качестве единственного всеобщего эквивалента.

Слияние многих самостоятельных областей товарного обмена в единое целое означает, что товары, производимые в пределах одной области, превращаются, в конце концов, не только в товары этой области обмена, но и в товары, поступающие в обмен во всех других областях.

Сначала это—случайный обмен различных товаров, которые обращались до сих пор в разных, чуждых друг другу областях и обменивались в пределах данной области обмена на тот или другой, присущий лишь этой области, ограниченный всеобщий эквивалент. Тем самым этот, до сих пор ограниченный всеобщий эквивалент или особый товар приобретает значение хотя бы мимоletного и случайного всеобщего эквивалента по отношению ко всему тому кругу товаров, которые обменивались на него, т. е. по отношению к более широкому кругу, чем существовавшие до сих пор всеобщие эквиваленты. Прежние всеобщие эквиваленты при этом теряют свое значение всеобщих эквивалентов и низводятся на положение особых товаров, хотя бы, это имело место лишь случайно и мимоletно. Если роль всеобщего эквивалента, случайно и мимоletно выпадающая на долю данного товара, не закрепляется за последним (или за другим товаром) при помощи повторного обмена на него тех же товаров или еще более широкого круга товаров, то это означает, что развитие связей товарного производства за первоначальные ограниченные пределы не имеет места. Если роль всеобщего эквивалента, хотя и закрепляется за новым товаром или за одним из прежних всеобщих эквивалентов, но значение его, как всеобщего эквивалента все же не распространяется

на все соприкасающиеся области товарного обмена, то это означает, что и расширение связей товарного обмена имеет место лишь в ограниченных пределах. Это значит, что все соприкасающиеся области не сливаются в единое целое.

Если же связь товарного обмена распространяется на всю совокупность ранее чуждых друг другу областей обмена, если эта связь не носит мимолетного характера, но упрочивается, то и положение одного из товаров (может быть, одного из товаров, ранее выступавших, как ограниченный всеобщий эквивалент по отношению к ограниченной области) теперь упрочивается, как положение единственного всеобщего эквивалента для всей совокупности до сих пор самостоятельных областей обмена. Столь же упрочивается и низведение прежних ограниченных всеобщих эквивалентов на положение обычных особых товаров.

Из многих ограниченных всеобщих эквивалентов одни были более ограничены, другие менее ограничены; одни непосредственно обменивались на более широкий, другие—на менее широкий круг особых товаров. Поэтому при соприкосновении соответствующих ограниченных и до сих пор чуждых друг другу областей обмена как владельцы особых товаров, так и владельцы всеобщих эквивалентов с более ограниченной областью применения, будут при всякой возможности превращать свои особые товары или ограниченные всеобщие эквиваленты отдельных областей обмена во всеобщий эквивалент, имеющий более широкую область применения. Тем самым, область последнего расширяется еще более, а значение местных всеобщих эквивалентов еще более падает. В конце концов один из ограниченных всеобщих эквивалентов приобретает значение единственного, остальные же вовсе лишаются значения всеобщих эквивалентов.

При этом возможно, что соприкосновение более развитой области товарного производства с менее развитыми вызовет, главным образом, развитие обмена между менее развитыми до сих пор областями, а не между последними и более развитыми. В пределах взаимодействующих между собою менее развитых областей возникает и единый для них всех всеобщий эквивалент. По мере слияния их всех в одну область товарного обмена один из всеобщих эквивалентов этих областей или даже один особый товар, до сих пор вовсе не имевший значения всеобщего эквивалента, будет превращаться в единый для них всех всеобщий эквивалент, в то время как остальные местные всеобщие эквиваленты будут терять такое значение. При дальнейшем развитии обмена между первоначально наиболее развитыми областями и теперь объединившимися менее развитыми до сих пор (а теперь, может быть, наиболее развитыми областями товарного обмена) всеобщий эквивалент, имеющий применение в первых, может быть вытеснен новым всеобщим эквивалентом, имеющим применение в последних, хотя область применения последнего эквивалента, может быть, и была первоначально более ограничена, чем область применения первого.

Подобным же образом и единственный всеобщий эквивалент иногда вынужден уступить это положение другому товару, имевшему вначале значение обычного особого товара, если последний лучше удовлетворяет требованиям, какие предъявляет ко всеобщему эквиваленту более развитое товарное производство, именно, если он обладает большей делимостью, большей однородностью, если он воплощает в меньшем объеме и весе большую ценность и т. п. В исторической действительности роль всеобщего эквивалента, в конце концов, установилась, как известно, за золотом.

Так возникает единственный всеобщий эквивалент, т. е. деньги, а, в конечном счете, мировые деньги.

Как видно из сказанного выше, развитие производства из производства для собственного потребления в товарное совпадает с развитием денег. Та ступень в развитии товарного производства, когда для обмена производятся не только излишки, но само воспроизводство данного предприятия становится в зависимость от обмена, означает, что производство данного предприятия есть прямо или косвенно производство всеобщего эквивалента.

Если бы вопреки самому смыслу товарного производства и денег представить себе более или менее развитое товарное производство, в котором денег еще не существует, то, понятно, оказалось бы, что обмен товаров встречает непреодолимые затруднения. Из этого отнюдь не следует, что деньги были выдуманы после того, как обнаружили неудобства товарного обмена без посредства денег, и ради устранения этих неудобств.

Таким образом, как видно из сказанного, действительное развитие общества товаропроизводителей в известных пределах совпадает с развитием понятия об этом обществе. Однако здесь снова имеет место лишь поверхностное совпадение и лишь в ограниченных пределах.

Достаточным условием для обособления денег от остальных товаров в исторической действительности является превращение обмена излишков из случайного в более или менее постоянное явление. Общество в эту эпоху не соответствует не только понятию об обществе товаропроизводителей, вытекающему из понятия о деньгах, но и какому бы то ни было неразвитому понятию об обществе товаропроизводителей. Это общество в целом остается обществом, в котором производство переходит в потребление без посредства обмена. Развитие тонкой пленки товарного обмена, хотя и достигшего уже денежной формы, все еще определяется развитием господствующей в обществе формы производства для собственного потребления, не превращая общества в его целом в общество товаропроизводителей.

Понятие о деньгах, как показано в предыдущем пункте настоящей главы, в своем развитии проходит через кругооборот сменяющих друг друга особых форм. Это развитие скрывает под собою дальнейшее развитие понятия об обществе товаропроизводителей, как об обществе, все члены которого в конечном счете

производят деньги, хотя каждый из них (кроме непосредственного производителя товара, играющего роль денег) и производит непосредственно лишь особые товары.

Это понятие об обществе предполагает, что члены общества относятся к своим и чужим товарам, не как к особым потребительным ценностям, но, как к известным количествам золота. Это как раз и есть понятие, скрытое под понятием о деньгах, как мере ценности и масштабе цен.

Однако, как показано еще в предыдущем пункте настоящей главы, к особым частным товарам, можно относиться, как к известным количествам золота, только при том условии, если эти товары действительно рано или поздно превращаются в золото. Понятие об обществе товаропроизводителей, в котором товаропроизводители относятся к товарам, как к известным количествам золота, превращается в понятие об обществе, в котором всякий отдельный товаропроизводитель на практике превращает посредством обмена свой особый товар в золото.

Понятие об общественном расчленении внутри общества товаропроизводителей получает теперь новую форму, являющуюся отрицанием предыдущей. Понятие об обществе товаропроизводителей, скрытое под понятием о деньгах, как о мере ценности и масштабе цен, содержало в себе мысль, что все товаровладельцы, хотя и являются лишь владельцами особых товаров, по существу, суть владельцы денег. Таким образом, здесь уже содержалась мысль о том, что члены общества товаровладельцев распадаются на два подразделения: владельцев денег и владельцев особых товаров. Однако в действительности существующим представлялось лишь одно из этих подразделений, именно владельцы товаров. Владельцы же денег представлялись существующими лишь в сознании.

Теперь оба общественных подразделения (владельцы денег и владельцы товаров) представляются, как два подразделения, существующие в действительности и вступающие в обмен друг с другом.

Однако, если владельцы товаров непрерывно превращают свои товары в золото, то, тем самым, предполагается, что золото непрерывно уходит из рук лиц, уже превративших в него свои товары. В руках этих лиц снова оказывается товар, хотя и не такой, какой они первоначально превратили в золото. Общим содержанием всего процесса оказывается превращение одной потребительной ценности в другую, материальный обмен веществ в обществе.

Понятие об обществе товаропроизводителей оказывается, таким образом, понятием об обществе, в котором производство, основанное на общественном разделении труда, служит средством для создания потребительных ценностей, необходимых для осуществления общественного обмена веществ. Если этот обмен веществ и осуществляется при посредстве обращения денег, то

это не меняет того факта, что задачей производства является не создание ценности, но создание потребительной ценности. Таково понятие об обществе товаропроизводителей, скрытое под формой денег, как средства обращения. Предыдущие формы понятия об обществе товаропроизводителей, вытекавшие из менее развитых форм понятия о ценности, еще не достигшие формы понятия о деньгах, также давали понятие об этом обществе, как о таком, в котором общественный обмен веществ осуществляется при посредстве частного обмена продуктов труда друг на друга. Однако в тех формах каждый отдельный обмен представлялся непосредственным превращением одной потребительной ценности в другую. Теперь же оказывается, что превращение одной потребительной ценности в другую не происходит непосредственно. Холст, например, не может быть превращен в библию непосредственно. Для этого необходимы два обмена: во-первых, превращение холста в деньги (продажа); во-вторых, превращение денег в библию (покупка). При этом, если холст и превращается в библию, то библия, как уже было сказано выше, тем самым еще не превращается в холст. Она может быть превращена, например, в водку, вообще в любой товар.

Предыдущее развитие понятия об обществе товаропроизводителей обнаружило, что общество товаропроизводителей есть общество производителей денег, а не особых потребительных ценностей. С другой стороны, то же развитие обнаружило, что владельцы денег образуют лишь одно подразделение внутри общества товаропроизводителей, и что другое подразделение образуют владельцы товаров.

Понятие об обращении товаров и денег показывает, как это противоречие находит себе разрешение.

Все товаровладельцы при посредстве обмена своих товаров на золото переходят, в качестве продавцов, в разряд владельцев денег. Тем самым, все товаровладельцы производят деньги. Вместе с тем, другие товаровладельцы, выступая, как покупатели товаров, из разряда владельцев денег переходят в разряд владельцев особых товаров. Разделение членов общества товаропроизводителей на владельцев товаров и владельцев денег, таким образом, непрерывно сохраняется, хотя каждый из товаровладельцев и оказывается владельцем денег.

Хотя положение покупателей и продавцов не закрепляется постоянно за одними и теми же членами общества, и каждый товаропроизводитель попеременно бывает то продавцом, то покупателем, все же это общественное различие существует в действительности, а не только в сознании товаровладельцев. Насколько это различие оказывается действительным различием, явствует уже из того, что поведение одного и того же лица в том случае, когда он выступает, как покупатель, оказывается противоположным его собственному поведению, в качестве продавца. Как поку-

патель, он старается купить дешевле, как продавец, он, наоборот, старается продать дороже.

Связь отдельных членов общества товаропроизводителей получает теперь более развитое выражение, чем в предыдущих менее развитых формах понятия об этом обществе. В последних высказывалась лишь мысль о том, что посредством обмена устанавливается связь между обоими взаимно обменивающимися лицами. Если, скажем, ткач обменивает свой холст на библию, то, тем самым, обнаруживается, что ткач и книгопродавец не чуждые друг другу, но связанные взаимной зависимостью лица. В этом понятии, однако, непосредственно не высказывается мысли о том, что посредством обмена друг с другом ткач и книгопродавец оказываются в зависимости от множества других членов общества, что в конце концов все члены общества товаропроизводителей находятся во взаимной связи.

Иное дело—понятие о деньгах, как средстве обращения товаров.

Если ткач, как покупатель, вступает в обмен с книгопродавцем, то это предполагает, что он предварительно превратил свой холст в деньги, т. е. продал его, например, земледельцу. Последний, для того чтобы купить холст, в свою очередь должен был предварительно продать свою пшеницу, скажем, сапожнику и т. д.

С другой стороны, покупка ткачом библии порождает ряд новых покупок и продаж. Книгопродавец, продав библию, получает возможность осуществить покупку водки. Винокур, продав водку, получает возможность купить, скажем, машины и т. д.

Таким образом, обмен между ткачом и книгопродавцем предполагает теперь существование в прошлом связи между целым рядом лиц: ткачом, земледельцем, сапожником и т. д. и порождает в дальнейшем связь между рядом лиц: книгопродавцем, винокуром, машиностроителем и т. д.

В конце концов обмен ткача с книгопродавцем предполагает взаимную зависимость всех членов общества товаропроизводителей друг с другом.

Если общественный обмен веществ осуществляется при посредстве обращения денег, то тем самым предполагается употребление денег в качестве сокровища.

Каждый отдельный товаропроизводитель, например, тот же ткач, удовлетворяет всю совокупность своих потребностей при посредстве продажи своего одностороннего товара и покупки на вырученные деньги необходимых ему товаров. Продать свой холст он может лишь тогда, когда, с одной стороны, он сам закончит производство холста, а с другой стороны, когда холст понадобится покупателям. Нет никаких оснований к тому, чтобы эти сроки совпадали с теми сроками, когда самому ткачу необходимо или выгодно покупать предметы своего личного и производительного потребления.

Далее, не всегда от продажи удастся выручить предполагаемую сумму. Иногда приходится продавать дешевле, чем рас-

считывал. Возможны и различные другие нарушения воспроизводства.

С другой стороны, возможно, что ткачу иногда удастся продать холст дороже, чем он предполагал. Из всего этого следует, что ткач, продав холст, не превращает сразу всех вырученных денег в другие товары, но сохраняет их полностью или частью в денежной форме вплоть до того времени, когда ему понадобится истратить их. Известную часть он вообще должен сохранять в форме сокровища на случай возможных нарушений воспроизводства.

Различие между владельцами товаров и владельцами денег, имевшее до сих пор форму мимоletного и несущественного различия, теперь получает форму более стойкого различия между товаровладельцами, которые лишь мимоletно становятся владельцами денег и собирателями сокровищ, постоянно владеющими ценностью в денежной форме.

Правда, всякий товаропроизводитель, — даже тот, производство которого преследует исключительно задачу удовлетворения личных потребностей производителя, — в известных пределах должен быть собирателем сокровищ.

Однако, если деньги употребляются, как сокровище, то это делает возможным и обособление владельцев денег, как собирателей сокровищ, в особое общественное подразделение, действительно отличное от остальных товаропроизводителей.

Понятие о взаимной связи между членами общества товаропроизводителей получает теперь дальнейшее развитие.

Владельцы сокровищ могут без непосредственно предшествующей продажи с их стороны выступить, как покупатели. Они могут, таким образом, создать новые общественные связи, не являющиеся непосредственным продолжением прошлых общественных связей.

С другой стороны, превращение денег в сокровище, вместо покупки на них новых товаров, разрывает начатую цепь связей между товаропроизводителями, не создавая непосредственно взамен ее никакой другой.

Если сокровища внезапно превращаются в особые товары, то это означает добавочный, не соответствующий обычному размеру производства спрос на товары. С другой стороны, превращение денег, вырученных от продажи товаров, в сокровище означает сокращение спроса ниже пределов, соответствующих обычному размеру производства. Все это может быть причиной таких нарушений в общественном воспроизводстве, понятия о которых не давали предшествовавшие формы понятия об обществе товаропроизводителей.

Впрочем и в предшествовавших формах понятия об обществе товаропроизводителей уже содержалось, хотя и в менее развитой форме, понятие о том, что товарная форма производства создает возможность нарушения общественного воспроизводства.

Так понятие о частном обмене, как форме, при посредстве которой осуществляется общественное воспроизводство, включает в себе, с одной стороны, мысль о том, что превращение одного товара в другой представляет собою для общества товаропроизводителей необходимость, но что, с другой стороны, нет никакой необходимости в том, чтобы продукты, произведенные частным образом, вне всякой связи производителей друг с другом, оказались как раз соответствующими нуждам потребителей.

Осуществление обмена, а, значит, и возможность дальнейшего воспроизводства оказывается, тем самым, делом случайным.

Распадение обмена товаров на два действия (продажу и покупку) освобождает товаропроизводителя от необходимости немедленно превращать свой товар, свою особую потребительную ценность в чужую, и тем самым создает возможность для тех нарушений воспроизводства, о которых в более развитом виде шла речь выше при рассмотрении денег, как сокровища.

Понятие об обществе товаропроизводителей, как об обществе, в котором деньги играют роль сокровища, есть, таким образом, отрицание отрицания и, значит, возврат к понятию о нем, как об обществе, в котором деньги играют роль мерила ценности и масштаба цен.

В самом деле, как одно, так и другое понятие непосредственно не включает в себе мысли о том, что обмен веществ при посредстве обмена товара на деньги имеет место. Оба они непосредственно означают отсутствие взаимной связи между товаровладельцами, осуществляемой при посредстве обмена.

Однако понятие об обществе товаропроизводителей, вытекающее из понятия о деньгах, как о сокровище, есть не только новое утверждение, но и отрицание понятия о нем, как об обществе, в котором деньги играют роль мерила ценности и масштаба цен.

В самом деле, в последней форме понятия об обществе товаропроизводителей мысль о действительном осуществлении обмена отсутствует по той причине, что в этом понятии непосредственно рассматривается лишь состояние этого общества в момент, предшествующий обмену. Изъятие же ценности из обращения и превращение, таким образом, денег в сокровище есть результат уже состоявшегося обмена, в котором деньги выступали, как средство обращения.

Таким образом, деятельность денег, как средства обращения, находит себе выражение в том обстоятельстве, что деньги выступают, как сокровище.

Стало быть, понятие об обществе товаропроизводителей, вытекающее из понятия о деньгах, как действительных деньгах (в первой форме последних, т. е. в форме денег, как сокровища), есть не только отрицание, но и сохранение понятия об обществе товаропроизводителей, вытекающего из понятия о деньгах, как о средстве обращения.

Понятие об обществе товаропроизводителей, скрытое под понятием о деньгах, как сокровище, есть, таким образом, синтез,—

первая форма синтеза понятий об этом обществе, как об обществе, основанном на денежном обмене.

Понятие об обществе товаропроизводителей как об обществе производителей денег, имеющих значение действительных денег, само претерпевает дальнейшее развитие.

Отдельные товаропроизводители должны обладать известными сокровищами, чтобы в случае затруднений с продажей своих товаров иметь возможность продолжать свое производство без нарушений. Это дает возможность отдельным товаропроизводителям в те времена, когда товары продаются без значительных затруднений, отсрочивать на известное время действительное превращение своих товаров в деньги. Для отдельных товаропроизводителей становится возможным продавать свои товары более широкому кругу покупателей, они могут продавать и тем покупателям, которые не в состоянии уплатить за купленный товар в данный момент, но уплатят, когда будут сами при деньгах, например, когда они сами получают деньги за свои товары.

Деньги оказываются, таким образом, платежным средством. Понятие о деньгах, как о платежном средстве, означает дальнейшее развитие понятия об общественных различиях внутри общества товаропроизводителей. Вслед за различием продавца и покупателя, обычных товаровладельцев и владельцев сокровищ, возникает понятие о различии между кредитором и должником.

Различие между кредитором и должником подобно различию между собирателем сокровищ и обычным товаровладельцем, более стойкое, чем различие между продавцом и покупателем. Если всякий продавец (за исключением собирателя сокровищ) рано или поздно становится покупателем; если всякий покупатель (за исключением золотопромышленника) становится затем продавцом, то понятие кредитора и должника отнюдь не предполагается, что всякий кредитор должен вследствие этого становиться затем должником и всякий должник кредитором. Здесь возможно постоянное закрепление этих общественных положений за определенными частями общества.

Противоположность кредитора и должника глубже проникает в самое существо общественных отношений, чем противоположность собирателя сокровищ и обычного товаровладельца. Дело в том, что собиратель сокровищ, поскольку его деньги остаются сокровищем, а не поступают в обращение, образует общественное подразделение, непосредственно стоящее вне общества товаропроизводителей в его действительной жизни, в общественном обмене веществ. Наоборот, должник не может без посредства кредитора начать присущий ему, как товаропроизводителю, кругооборот действий в материальном производстве, а затем весь этот кругооборот определяется необходимостью платить долг кредитору.

Поскольку товаропроизводитель, покупающий товары в кредит, не должен уплачивать за них немедленно, постольку он сам

может, в известных пределах, продавать товары в кредит. Пользующиеся его кредитом товаропроизводители в свою очередь получают возможность продавать свои товары в кредит третьим лицам и т. д.

С другой стороны, товаропроизводитель, продавший свои товары в кредит, тем самым лишается возможности в течение известного срока покупать за наличные деньги товары в пределах той суммы, на какую он оказал кредит. Если ему необходимо делать покупки в соответствующих размерах,—ему придется самому прибегнуть к кредиту. Его кредитор оказывается вслед затем в таком же положении и т. д.

Таким образом, если, с одной стороны, положение кредитора и должника может односторонне закрепляться за известными частями общества, то, с другой стороны, в известных пределах, верно, что кредитор, именно, вследствие того, что он—кредитор, превращается в должника, а должник—в кредитора.

Различные товаропроизводители оказываются, таким образом, связанными цепью обязательств. Неплатеж в известный срок своего долга одним из должников делает в соответствующих размерах невозможным и для всех остальных участников этой цепи выполнить свои обязательства. Нарушение воспроизводства у одного из товаропроизводителей влечет за собою нарушение воспроизводства у всех остальных товаропроизводителей, связанных с первым цепью взаимных обязательств.

Понятие об обществе товаропроизводителей, как о таком обществе, в котором деньги играют роль платежного средства, есть отрицание понятия о нем, как об обществе, в котором деньги играют роль сокровища.

Если последнее понятие представляло общество товаропроизводителей с той стороны, что обмен веществ в нем приостанавливается, поскольку деньги играют роль сокровища, то первое понятие представляет это общество, как общество, в котором обмен веществ осуществляется при посредстве деятельности денег, как платежного средства.

Понятие об обществе товаропроизводителей, скрытое под понятием о деньгах, как о сокровище, было синтезом понятий об этом обществе, вытекавших из понятия о деньгах, как мере ценности и масштабе цен, с одной стороны, и о деньгах, как средстве обращения, с другой. Общая форма этого синтеза была возвратом к форме понятия, вытекавшего из формы денег, как меры ценности и масштаба цен.

Понятие об обществе товаропроизводителей, в котором деньги действуют, как платежное средство, будучи синтезом тех же менее развитых понятий, дает этот синтез в общей форме возврата к понятию об обществе, в котором деньги обращаются, а не пребывают в бездействии.

Как всякий синтез, и этот синтез является не только новым

утверждением той формы, возврат к которой он представляет, но и отрицанием последней.

В самом деле, в случае деятельности денег, как средства обращения, непосредственная связь между товаропроизводителями возникает и разрывается одновременно с осуществлением сделки купли-продажи и с действительным переходом денег в руки владельцев товаров, а товара—в руки владельцев денег.

Наоборот, в случае обращения денег, как платежного средства, непосредственная связь между товаропроизводителями устанавливается вместе с установлением обязательства одного лица уплатить другому. Это, однако, вовсе не совпадает с переходом денег в руки продавца. После того как сделка в кредит состоялась, непосредственная связь не разрывается, как разрывалась связь между продавцом и покупателем немедленно после того, как деньги и товары менялись местами. Связь между кредитором и должником, возникнув, сохраняется с момента совершения сделки в течение всего срока обязательства.

Переход денег в руки кредитора не только не создает, но, наоборот, прекращает взаимную связь между кредитором и должником.

Сделки в кредит, освобождая каждого товаропроизводителя от необходимости иметь налично деньги к моменту совершения им покупки, позволяют продавать товары не только в пределах местного рынка, но и в местностях, отдаленных от места производства данного товара. Хотя перевозка товара в отдаленные местности и присылка оттуда денег, следуемых в уплату за товар, и требует много времени; хотя товаропроизводитель, продавший свой товар на отдаленном рынке, должен ждать в течение всего этого срока получения соответствующей суммы денег, однако это не ведет к нарушению его воспроизводства, так как он может в течение всего времени пользоваться кредитом для своих покупок.

Таким образом, понятие об обществе товаропроизводителей оказывается понятием о мировом обществе товаропроизводителей, о мировом товарном производстве и мировом рынке, на котором деньги выступают, как мировые деньги.

Понятие о товарном производстве, как о мировом товарном производстве, в котором деньги выступают, как мировые деньги, является прежде всего синтезом понятий об этом обществе, вытекавших из понятий о деньгах, как сокровище, и о деньгах, как платежном средстве.

В самом деле, понятие о мировом товарном производстве означает зависимость товаропроизводителя от мирового рынка, т. е. от целого ряда условий, о развитии которых он даже не подозревает во время производства. Поэтому обмен произведенных им продуктов на мировом рынке может встретить больше затруднений, чем обмен на местном рынке. Для преодоления этих затруднений без нарушения воспроизводства тем более необходимо

обладать денежными запасами, тем более необходимо собирание сокровищ.

Таким образом, понятие о мировом товарном производстве прежде всего является отрицанием понятия об обществе товаропроизводителей, как об обществе, в котором деньги играют лишь роль средства платежа, и возвратом к понятию об этом веществе, вытекавшему из понятия о деньгах, как сокровище.

Однако это не только новое утверждение, но и отрицание последнего понятия. В самом деле, хотя понятие о мировом товарном производстве более, чем какое-либо другое, менее развитое понятие об обществе товаропроизводителей, предполагает деятельность денег, в качестве сокровища, однако, как уже было указано выше, самое существование мирового рынка предполагает деятельность денег, как платежного средства. Понятие о мировом товарном производстве есть не только отрицание, но и сохранение понятия об обществе товаропроизводителей, вытекавшего из понятия о деньгах, как платежном средстве.

Понятие об обществе товаропроизводителей, скрытое под формой денег, как сокровища, и понятие об этом обществе, скрытое под формой денег, как платежного средства, суть две противоположных формы синтеза понятий об этом обществе, скрытых под понятием о мере ценности и масштабе цен, с одной стороны, и под понятием о деньгах, как средстве обращения товаров,—с другой.

Поэтому и понятие о мировом товарном производстве оказывается сложным синтезом этих последних понятий об обществе товаропроизводителей.

Собирание сокровищ имеет своим назначением во-первых уплату разницы между платежами и получками отдельных товаропроизводителей; во-вторых—устранение затруднений в обмене, нарушающих воспроизводство. Эти затруднения могут заключаться в том, что товаропроизводителю не удастся продать товар за предполагаемую цену, либо ему придется совершать покупки по ценам выше тех, на какие он рассчитывал. В обоих случаях обязательства его должников могут оказаться недостаточными для того, чтобы при посредстве получек по этим обязательствам покрыть свои собственные обязательства. Именно в этом случае товаропроизводитель вынужден воспользоваться своими денежными запасами, сохранявшимися в качестве сокровищ. Ему приходится пользоваться этими деньгами, как средством для покупки товаров, т. е. как средством обращения.

Наконец всякая сделка предполагает предварительную оценку товаров, т. е. употребления денег, как меры ценности и масштаба цен.

Таким образом, понятие о мировом товарном производстве оказывается синтезом всех особых форм понятия об обществе товаропроизводителей, как об обществе производителей денег.

Развитие отношений товарного производства в исторической

действительности в известных пределах оказывается осуществлением развития понятия об обществе товаропроизводителей.

Именно, обособление одного из товаров, в качестве всеобщего эквивалента, т. е. в качестве денег, как выяснено выше, отнюдь не означает, что все общество, тем самым, действительно уже превращается в общество товаропроизводителей, производящих продукты исключительно в форме товаров и потому могущих вновь и вновь возобновлять производство лишь при условии превращения своих товаров во всеобщий эквивалент, в деньги.

Обособление денег возникает на ранних ступенях развития общественного производства, когда все общественное производство в целом носит еще характер производства для собственного потребления.

Обособление денег и действительный обмен товара на деньги имеет в этом обществе место лишь в отдельных, крайне незначительных областях производства, где отношения товарного производства развиты относительно более высоко, хотя, вообще говоря, они и в этих областях развиты крайне низко.

Подавляющее большинство случаев обмена (даже в тех пределах, в каких обмен уже проник в это общество) носит в этом обществе в это время еще характер непосредственного обмена излишков друг на друга.

Однако раз в данном обществе уже возникли деньги, то это отражается и на менее развитых областях общественного производства, соприкасающихся с более развитыми. Теперь участники непосредственного обмена имеют уже в деньгах мерку, с которой они могут сравнивать ценность своих продуктов, обмениваемых друг на друга. Поэтому они обменивают их уже не в случайных отношениях, но в отношениях более или менее соответствующих действительной ценности вещей, поступающих в обмен. Обменивая свой холст на библию, ткач (равно как и книгопродавец) может приравнять свой холст и библию тому количеству золота, на какое эти товары обмениваются на тех рынках, где обмен уже имеет денежный характер, и в зависимости от этого решить, сколько метров холста книгопродавец должен получить за свою библию. Далее, пусть тот же ткач обменивает затем свой холст уже не на библию, а, например, на пшеницу, которая вовсе не обменивается на золото на тех рынках, где обмен уже носит денежный характер. Поскольку там уже установлено, что 1 метр холста равен, например, 1 грамму золота, и поскольку обмен холста на пшеницу упрощается, например, в таком отношении, что 1 метр холста обменивается на 1 пуд пшеницы, то и к 1 пуду пшеницы устанавливается отношение, как к 1 грамму золота.

Если земледельцу теперь придется обменивать свой хлеб, например, на ту же библию, к которой относятся, как к 3 граммам золота, то земледелец согласится обменять на библию лишь 3 пуда пшеницы, но не более.

Если, далее, земледелец будет чаще обменивать свою пшеницу, например, на гвозди, и если обмен пшеницы на гвозди упрочится в таком отношении, что за 1 пуд пшеницы дают 5 фунт. гвоздей, то и к 5 фунтам гвоздей установится такое же отношение, как к 1 грамму золота, и т. д.

Развивающееся разложение первобытного общества ведет к тому, что все новые и новые виды продуктов, ранее вовсе не поступающие в обмен, становятся предметами обмена.

Поскольку предметы, обмен которых к этому времени уже упрочился, приравниваются в обмене к известной сумме денег, постольку и вновь поступающие в обмен продукты приравниваются к известному количеству денег. Большинство продуктов впервые вступают в обмен тогда, когда деньги уже существуют. Поэтому для большинства продуктов первоначальной формой, в какой (по мере их превращения в товары) перед ними предстают деньги, оказывается форма мерил ценности и масштаба цен.

Однако, если для подавляющего большинства товаров первоначальной формой денег и является форма мерил ценности и масштаба цен, то это не значит, что форма мерил ценности и масштаба цен есть, действительно, первоначальная форма, в какой, вообще, впервые возникают деньги. Наоборот, для того, чтобы деньги, существующие, как мерило ценности и масштаб цен лишь в сознании товаропроизводителей, могли оказаться для большинства товаров первоначальной формой денег, необходимо, чтобы деньги ранее обособились, как действительный всеобщий эквивалент в действительном обмене товаров.

Таким образом, совпадение между развитием понятия и развитием самой действительности оказывается только кажущимся.

Употребление денег, как мерил ценности и масштаба цен, создавая для производителей товара возможность рассчитывать, сколько они получают за свои продукты, побуждает к развитию производства в целях обмена, т. е. развитию товарного производства.

Все возрастающее производство продуктов в форме товаров, однако, ставит воспроизводство все в большую зависимость от возможности обмена данного продукта не только на один какой-либо, но на самые различные виды чужих продуктов. Иными словами, воспроизводство ставится в зависимость от того, в какой мере данный особый товар оказывается всеобщим эквивалентом. Это ведет к тому, что каждый производитель, продукт которого не оказывается всеобщим эквивалентом непосредственно, превращает его предварительно во всеобщий эквивалент и лишь затем обменивает на все необходимые ему товары.

Таким образом, если деньги и могли выполнять роль одного лишь мерил ценности и масштаба цен в то время, когда значение обмена для производства было невелико, то теперь, когда производство товаров более развито, необходимо выполнение деньгами роли средства обращения.

Выходит, стало быть, что и в действительности имеет место переход от роли денег, как мерила ценности и масштаба цен, к употреблению их, в качестве средств обращения, подобно тому как такой же переход имеет место и в развитии понятия.

Однако это совпадение имеет место лишь в ограниченных пределах и касается одной лишь внешней формы явлений.

В самом деле, если в развитии понятия о деньгах понятие о мериле ценности и масштабе цен предшествует понятию о средстве обращения, то в действительном развитии это верно лишь по отношению к тем товарам, которые при своем превращении из продуктов, предназначенных для собственного потребления, в товары первоначально лишь приравниваются к деньгам, но не обмениваются на деньги. При всем том они уже застанут в более развитых областях товарного производства деньги, действующие, как действительный всеобщий эквивалент и выполняющие все особые назначения денег, в том числе и назначение денег быть средством обращения.

Таким образом, если брать возникновение тех или других видов деятельности денег, вообще, то их деятельность, как средства обращения, отнюдь не возникает позже их деятельности, как мерила ценности и масштаба цен.

Далее, форма денег, как средства обращения, в исторической действительности, как и в развитии понятия о деньгах, предшествует форме сокровища.

Это ясно из предыдущего.

Однако и здесь это соответствие является лишь весьма относительным.

В самом деле, для того чтобы обмен веществ общественного организма мог осуществляться при посредстве денег, как средства обращения, в руках у каждого товаропроизводителя должны иметься известные денежные запасы. Если бы ни у кого из товаропроизводителей не было денег, если бы все они выступали только, как продавцы, то ни один товар не нашел бы покупателя и, значит, обращение товаров не могло бы иметь места. Деньги должны накопиться в руках отдельных товаропроизводителей в результате отдельных актов обмена их продуктов на золото (или на другой товар, выполняющий роль денег) еще в те времена, когда их продукты лишь превращались в товары, золото же лишь превращалось в деньги, и когда обмен продуктов еще не имел формы обращения товаров. К моменту же превращения золота в деньги и обмена продуктов—в обращение товаров на руках у отдельных товаропроизводителей должны оказаться накопленными известные денежные сокровища. Без этого деятельность денег, как средства обращения, невозможна.

В дальнейшем же, понятно, предварительным условием для накопления сокровищ является обращение денег в обществе, превращение их во все особые виды товаров, которое одно только

и придает им значение всеобщего эквивалента, т. е. вещи, которую целесообразно собирать в качестве сокровища.

Нечего и говорить, что совпадение между развитием действительности и развитием понятия о ней будет еще меньшим, если принять во внимание насильственное ограбление одних наций другими, как средство накопления сокровищ,—накопления, служащего предварительным условием для развития товарного обращения. Накопление сокровищ посредством грабежа неоднократно имело место в исторической действительности.

Накопление отдельными товаропроизводителями сокровищ впервые создает возможность продажи товаров в кредит. Предшествовавшее же развитие товарного производства и обращения приводит общества, накопившие сокровища, в соприкосновение с менее развитыми обществами и областями производства. В последних отсутствуют запасы денег, необходимые для покупки товаров на наличные. Они могут стать покупателями только при том условии, если им будет оказан кредит.

Таким образом, деньги приобретают значение платежного средства. Деятельность денег, как платежного средства, есть, таким образом, результат предшествующего накопления их в форме сокровищ. Однако, если для более развитых обществ и областей производства историческая последовательность именно такова, то для менее развитых обществ дело обстоит как раз наоборот. Деньги выступают для них, как платежное средство, не выступая предварительно ни как средство обращения, ни как сокровище. Лишь дальнейшее развитие товарного производства на основе деятельности денег, как платежного средства, может привести в этих менее развитых областях к накоплению сокровищ и употреблению денег, как средства обращения.

Употребление денег, как платежного средства, создающее условия для постоянной торговли с самыми отдаленными рынками, является необходимым предварительным условием для того, чтобы товарное производство, как господствующая форма общественного производства, приобрело международный характер, и, значит, деньги в полной мере стали деньгами.

Однако торговый обмен носит международный характер, и деньги выступают, как мировые деньги, на самых ранних ступенях развития товарного производства, когда употребление денег, как платежного средства, еще не развито. Так, странствующие купцы-воины и разбойники, появляющиеся на самых ранних ступенях развития товарного обмена, ведут торговлю на наличные или в обмен за чужие товары, если им не удастся совершить просто грабеж. Между тем их торговые и военно-грабительские походы далеко не ограничиваются пределами одной или даже нескольких ближайших стран, но имеют международный характер.

Таким образом, и в данном случае нельзя говорить о действительном совпадении между развитием денежного обмена в самой действительности и развитием понятия о деньгах.

Кроме того следует помнить, что совпадение между развитием понятия об обществе товаропроизводителей и развитием самого этого общества, поскольку оно имеет место, носит, как уже неоднократно указывалось, совершенно поверхностный характер.

Разлагающееся производство для собственного потребления, порождая внутри себя различные формы денег, все же остается в целом производством для собственного потребления. Возникающие внутри этого общества формы товара, денег и т. д. имеют иное значение, чем те же формы в обществе товаропроизводителей в действительном смысле этого понятия, т. е. в обществе, все производство которого есть производство товаров.

Так, деньги в разлагающемся первобытном обществе с зачатками товарного производства, будучи по форме мерилom ценности и масштабом цен, в действительности не выполняют этого назначения. Приравнивание двух разных товаров к известной сумме денег в это время вовсе еще не значит, что количества общественного труда, воплощенного в этих товарах, равны. В эту эпоху в качестве товаров производится лишь незначительное количество продуктов. Сколько чужих товаров товаровладельцу удастся получить в обмен на его собственный, имеет для его воспроизводства второстепенное значение.

Поэтому в форме ценности товара закрепляется то случайное количество денег и других товаров, какое обычно удается получить за него в обмене.

Точно так же деньги, действуя, как средство обращения, в этом обществе, хотя и осуществляют превращение одних потребительных ценностей в другие, но, по существу, не служат еще для превращения ценностей из одной формы в другую. В самом деле, количество чужих товаров, на которое обменивается, например, 1 метр холста, по своей ценности не равно ценности метра холста, но обменивается на него, как сказано выше, в отношении совершенно случайном, хотя и закрепившемся, как постоянная цена товара.

По той же причине и собирание сокровищ в неразвитом обществе не осуществляет задачи сохранения действительной ценности товара. И деньги, как платежное средство, не служат для придания денежной формы ценности товара. Они лишь оплачивают цену товара, которая в это время выражает лишь более или менее случайно закрепленное меновое отношение между данным товаром и золотом, но не действительную ценность товара.

То же, очевидно, имеет силу и по отношению к мировым деньгам.

Совпадение между развитием понятия об обществе товаропроизводителей, в котором обмен имеет денежный характер, и между развитием самого этого общества оказывается, таким образом, совершенно поверхностным.

Понятие о деньгах, как показано выше, переходит в понятие о капитале. Под этим скрывается переход понятия об обществе

товаропроизводителей, как об обществе производителей денег, в понятие о капиталистическом производстве.

В самом деле, если товарное производство понимать, как мировое товарное производство, то это значит, что наряду с товарным производством во всем мире не предполагается существование других форм производства.

Значит, в этом понятии предполагается, что, в качестве товаров, производятся как все предметы личного потребления, так и все материальные условия производства. Стало быть, предполагается, что и рабочая сила производится, как товар, для продажи. Это, однако, предполагает, с одной стороны, что владельцы рабочей силы отделены от средств производства. В противоположном случае они применяли бы свою рабочую силу к своим собственным средствам производства и не продавали бы своей рабочей силы. Если бы они владели землей, этим источником всех остальных материальных условий производства, то они могли бы производить сами все необходимое им для собственного потребления. Не только их рабочая сила, но и их продукт не были бы товарами.

С другой стороны, для того, чтобы рабочая сила была товаром, необходимо, чтобы в руках другой части общества были сосредоточены вещественные условия производства в количестве большем, чем они сами могут использовать при посредстве собственной рабочей силы.

Иными словами, общество товаропроизводителей есть общество, в котором основные виды материальных условий производства, а именно рабочая сила и вещественные условия производства распределены между различными частями общества.

Общество товаропроизводителей, таким образом, оказывается классовым обществом, состоящим из двух классов: капиталистов и рабочих. Это — капиталистическое общество.

Понятие об обществе товаропроизводителей, как о капиталистическом обществе, есть отрицание предшествовавших, менее развитых форм понятия об этом обществе. В последних формах о членах этого общества давалось понятие лишь, как о производителях товаров, без указания каких бы то ни было классовых различий между ними. Если в предшествовавших формах понятия об обществе товаропроизводителей и давалось понятие о существовании внутри этого общества различий между его членами, если по мере развития понятия об обществе товаропроизводителей развивалось и понятие об этих различиях, и последние принимали более глубокий характер, если в понятии об этих различиях и заключались зародыши понятия о классовом расчленении общества, то все же эти различия оказывались всякий раз несущественными. Каждый член общества товаропроизводителей в известных пределах оказывался одновременно членом различных общественных подразделений, или попеременно то членом одного, то членом другого подразделения. Если на более высоких ступенях

развития этих понятий и выяснялась возможность более или менее стойкого обособления одних общественных подразделений от других, как, например, обособления собирателя сокровищ от владельцев обычных товаров, или кредиторов от должников, то здесь выяснялась лишь возможность такого обособления, но отнюдь не выяснялось, при каких условиях эта возможность может быть осуществлена в действительность.

Между тем действительным условием обособления собирателей сокровищ является возрастание их сокровища, т. е. превращение его в капитал и прежде всего в ростовщический капитал, предполагающий деятельность денег, как средства платежа, ибо только при этом условии собирание сокровищ может обеспечить собирателю сокровищ самую возможность существовать, не занимаясь ничем другим.

Действительным условием обособления кредитора от должника также является превращение кредитора в ростовщика, в денежного капиталиста.

Поскольку все предшествовавшие формы понятия об обществе товаропроизводителей рисовали лишь возможность обособления друг от друга отдельных подразделений внутри него, постольку в конце концов это были понятия об обществе товаропроизводителей, обладающих на равных основаниях как вещественными условиями производства, так и рабочей силой, т. е. об обществе равных по своему классовому положению товаропроизводителей. Непосредственно это были разные формы понятия о простом товарном производстве, в котором собственность основана на собственном труде производителей.

Понятие же о капиталистическом обществе есть понятие об обществе, в котором собственность основана на лишении собственности действительных производителей, наемных рабочих, своим трудом создающих собственность капиталистов.

Развитие самого общества товаропроизводителей в известном смысле повторяет развитие понятия об этом обществе, поскольку развитие понятия означает переход понятия о простом товарном производстве в понятие о капиталистическом производстве.

В исторической действительности товарное производство возникает в недрах непосредственно общественного производства для собственного потребления. В этом обществе средства производства принадлежат самим производителям. Разрушение первоначальной целостности первобытных общин и превращение отдельных членов этого общества в самостоятельных (сначала лишь отчасти) товаропроизводителей первоначально не связано с отделением рабочей силы от вещественных условий производства и накоплением вещественных условий производства в руках одной части товаропроизводителей.

Поскольку товарное производство возникает и развивается внутри разлагающегося общества производителей для собственного потребления, постольку оно имеет форму производства рав-

ных по своему классовому положению товаропроизводителей, форму простого товарного производства, в котором собственность основана на собственном труде производителей.

Товарное производство в своем развитии приобретает международный характер. Возникает мировой рынок. Готовые товары поступают в продажу вдали от тех мест, где они были произведены. Средства производства и предметы личного потребления производителей покупаются вдали от тех мест, где они будут потреблены. Все это ставит каждого отдельного товаропроизводителя в зависимость от таких условий, которых он не в силах предусмотреть и на которые он не в силах воздействовать. Поэтому многие из товаропроизводителей оказываются в условиях, которые разоряют их и лишают их, в конце концов, возможности продолжать свое производство. Они должны бросить или, в лучшем случае, продать остатки имеющихся у них средств производства и, таким образом, становятся владельцами одной лишь рабочей силы.

В руках других частей общества, оказавшихся в более благоприятных условиях в отношении продажи своих товаров и покупки средств производства и предметов личного потребления, скопляются избытки вещественных условий производства.

Та часть общества, в руках которой скопляются избытки вещественных условий производства, не в состоянии применить их при посредстве собственной рабочей силы. Между тем она заинтересована в их применении, так как развитие мирового рынка открывает самые широкие возможности сбыта изготовленных товаров. Вследствие этого владельцы избыточных средств производства покупают у разоренных товаропроизводителей их рабочую силу и применяют при посредстве этой рабочей силы имеющиеся у них средства производства, продавая напаятым ими рабочим имеющиеся у них избытки предметов личного потребления. В руки этой части общества переходят и остатки средств производства разоряющейся части общества.

Так из самого развития общества равных товаропроизводителей необходимо возникает его отрицание, классовое капиталистическое общество.

Совпадение между развитием понятия об обществе товаропроизводителей и развитием самого этого общества, однако, опять остается лишь ограниченным и внешним совпадением.

Если возникновение мирового рынка и является необходимым предварительным условием для возникновения капиталистического способа производства, то зато весь этот мировой рынок образует собою лишь тонкую поверхностную пленку над не затронутым еще почти вовсе разложением производством неразвитых общественных организмов, производящих продукты для собственного потребления.

По отношению к основной массе отраслей производства и по отношению к подавляющему большинству производителей

лишь капиталистическое производство является той силой, которая способна разложить неразвитое производство (остатки непосредственно общественных форм производства) и превратить его в товарное производство, продукты которого продаются и покупаются на мировом рынке.

Таким образом, если развитие капитализма является, с одной стороны, продуктом развития товарного производства и мирового рынка, то, с другой стороны, мировой рынок в действительном смысле слова впервые создается, и общественное производство действительно становится товарным лишь в результате развития капитализма.

В развитии понятия об обществе товаропроизводителя последовательность была такова. Из понятия о товарном производстве как о производстве частных производителей, производящих своим трудом продукты для мирового рынка, непосредственно следует понятие об этом обществе, как о капиталистическом обществе. Между тем в действительном развитии общества товаропроизводителей вовсе нет места для превращения общества равных товаропроизводителей, в котором все члены, как самостоятельные производители, производят потребительные ценности в форме товаров, непосредственно в капиталистическое общество.

Действительное развитие общества товаропроизводителей есть превращение неразвитого общества, вовсе не являющегося обществом товаропроизводителей, в общество товаропроизводителей, имеющее форму капиталистического общества.

Прежде чем неразвитое общество, в котором исключительной формой производства первоначально является непосредственно общественное производство для собственного потребления, станет товарным производством (а таким оно становится, как сказано выше, лишь получив капиталистическую форму),—в этом обществе возникают и развиваются зачатки товарного производства, все более и более разлагающие это общество.

Возникновение и развитие этих зачатков товарного производства в конце концов превращает первобытное общество в капиталистическое, однако, между началом и концом этого развития лежит множество переходных форм классового общества.

Развитие зачатков товарного производства, правда, создает товаропроизводителей, классовое положение которых одинаково, но оно же одновременно создает и землевладельцев, и ростовщиков, и купцов и т. д. В этом обществе, до его превращения в капиталистическое общество, товарное производство занимает подчиненное место. Господствующее значение в разных формах принадлежит той части общества, которая (опять-таки в разных исторических формах) владеет землей и производство которой переходит в потребление без посредства обмена.

Таким образом, первобытное общество превращается непосредственно не в капиталистическое. Первобытное общество превращается непосредственно в классовое общество, в котором про-

стое товарное производство играет лишь подчиненную роль. Это—классовое общество, в котором господствующее значение принадлежит формам производства, чуждым товарному производству. Эти формы общества, а именно, общество восточной деспотии, античное и феодальное общества сменяют друг друга, пока лишь феодальное общество не превратится, наконец, в капиталистическое.

Общее понятие о капитале в своем развитии принимает особую форму понятия о производстве абсолютной прибавочной ценности.

Этот переход означает переход от общего понятия о капиталистическом обществе, в котором наемные рабочие своим трудом производят капитал, в понятие о нем, как об обществе, в котором каждый отдельный рабочий вынужден работать больше, чем необходимо для воспроизводства ценности его рабочей силы. Это—понятие об обществе, в котором рабочие производят абсолютную прибавочную ценность.

Понятие о производстве абсолютной прибавочной ценности, как было показано выше, переходит в свое собственное отрицание, в понятие о производстве относительной прибавочной ценности. Этот переход означает и переход понятия о капиталистическом обществе, как об обществе, в котором каждый отдельный рабочий вынужден работать больше, чем необходимо для воспроизводства ценности его рабочей силы, в понятие об обществе, в котором капиталисты получают прибавочную ценность вследствие того, что они присваивают себе производительные силы общественного труда. Это—понятие об обществе, в котором рабочие создают капиталистам относительную прибавочную ценность.

Переход понятий о капиталистическом производстве, как о производстве абсолютной прибавочной ценности, в понятия о нем, как о производстве относительной прибавочной ценности, означает и развитие понятия об общественных классах этого общества.

В понятии о производстве абсолютной прибавочной ценности отношение между капиталистом и рабочим имеет еще форму отношения между отдельными лицами. Поэтому их отношение может казаться имеющим лишь случайный характер и имеющим силу лишь в том или другом отдельном случае. В понятии же о производстве относительной прибавочной ценности отношение между капиталистом и рабочим получает форму отношения между капиталистом и коллективным рабочим, действующим, как некое объединенное целое. С дальнейшим развитием понятия о производстве капитала это понятие превращается в понятие об отношении между целыми классами: капиталистами и рабочими.

Далее, по мере развития понятия о производстве капитала, развивается и понятие о господстве одного класса над другим.

Если в понятие о производстве абсолютной прибавочной ценности непосредственно не входит понятие о присвоении капиталом общественных производительных сил, и потому отсутствует

понятие о том, что для рабочего в силу самих материальных условий производства невозможно стать самостоятельным отдельным производителем, то понятие о производстве относительной прибавочной ценности предполагает, именно, последнее.

В общем понятии о производстве относительной прибавочной ценности непосредственно высказывается только мысль об общественном характере труда наемных рабочих, только мысль о том, что они работают совместно. Ни о каких различиях в деятельности отдельных рабочих в этом понятии непосредственно нет речи.

Таким образом, первоначальной формой понятия о капиталистическом производстве, как о производстве относительной прибавочной ценности, является понятие о совместном труде рабочих без каких бы то ни было различий в деятельности отдельных рабочих. Это—понятие о простом сотрудничестве, о простой кооперации.

Далее, однако, это понятие превращается в свое собственное отрицание. Понятие о простом сотрудничестве предполагает совместную работу многих людей, естественные и приобретенные способности которых неодинаковы. Все они работают по найму у капиталиста, который стремится к возможно более полному использованию рабочей силы всех нанятых им рабочих и, значит, к возможно более полному использованию всех особых способностей каждого отдельного рабочего, как подчиненного звена в работе всего целого. Эти особенности могут быть использованы при посредстве разделения труда между рабочими.

Значит, понятие о капиталистическом обществе, как о простом сотрудничестве, переходит в понятие об обществе, в котором капиталист эксплуатирует рабочих при посредстве разделения труда между ними.

Понятие о разделении труда означает дальнейшее развитие понятия о классовом строении капиталистического общества. Понятие о наемном рабочем теперь уже не просто понятие о владельце рабочей силы, объединенном с другими рабочими общим трудом в производстве и общим подчинением одному и тому же капиталисту. Это—понятие о рабочем, который вне связи с другими в производстве (связи, вступить в которую он может лишь при посредстве капиталиста и лишь, поскольку это выгодно последнему) лишается своего значения непосредственного производителя. Вне своей особой связи с остальными рабочими частный рабочий не может произвести ничего. Он совершенно беспомощен, и это тем более приковывает его к капиталисту, присваивающему себе производительные силы общественного труда, развившиеся благодаря лишению каждого отдельного рабочего всех его производительных способностей.

Понятие о капиталистическом обществе, основанном на разделении труда внутри предприятия, переходит в понятие о машинном производстве. В самом деле, разделение труда внутри мастерской предполагает, что сложные действия, необходимые для

производства той или другой потребительной ценности, разложены на составляющие их простые движения. Последние же могут быть выполнены механической силой, более дешевой, чем человеческая рабочая сила.

Так как при данной цене продукта каждый отдельный капиталист стремится производить с возможно меньшими издержками, то все капиталисты заменяют человеческие руки деятельностью рабочего механизма машины в производстве тех простых движений, которыми непосредственно создается продукт. Человеческая рабочая сила служит лишь для выполнения более или менее однородных в разных отраслях производства действий по части надзора, контроля и направления деятельности машин, а иногда и как двигательная сила.

Рабочий оказывается лишь придатком машины, отдельно от которой он неспособен ни к какому самостоятельному участию в производстве. Он не в состоянии самостоятельно выполнить даже ничтожнейшей частичной работы, которую он мог выполнять при господстве мануфактурного разделения труда. Теперь без машины вообще нельзя работать в данной отрасли производства. Это еще более приковывает рабочего к капиталисту, который, владея машиной, присваивает себе все производительные силы общественного труда.

Эксплуатация общественных производительных сил, однако, возможна лишь при том условии, если каждый отдельный рабочий работает больше, чем необходимо для воспроизводства ценности его рабочей силы.

Таким образом, производство абсолютной прибавочной ценности оказывается необходимым условием производства относительной прибавочной ценности. С другой стороны, нельзя эксплуатировать отдельного рабочего до тех пор, пока общественные производительные силы не развиты настолько, что производство ценности рабочей силы не поглощает всего рабочего дня работника.

Таким образом, понятие о капиталистическом обществе оказывается синтезом понятий о производстве абсолютной и относительной прибавочной ценности.

В развитии понятия о капитале находит себе, таким образом, выражение развитие понятия о капиталистическом обществе. Однако, развитие самого капиталистического общества, если и совпадает с развитием этого понятия, то опять-таки лишь в весьма ограниченных пределах и лишь по отношению к поверхностной внешности явлений.

Действительное капиталистическое производство, как это ясно из самого понятия о нем, не может существовать даже в зародыше иначе, как в форме синтеза производства абсолютной и относительной прибавочной ценности.

Далее, капиталистическое производство,—если его брать не в его зародыше, а как господствующую в обществе форму произ-

водства,—с самого начала есть производство кооперативно объединенных рабочих.

Что касается развития зачатков капиталистического производства в недрах докапиталистического общества, то здесь в известных пределах можно говорить о совпадении развития этих зачатков, хотя бы лишь по внешней форме, с развитием понятия о капиталистическом обществе. Разорение мелких самостоятельных производителей внутри общества, первоначально чуждого товарному производству, чрезвычайно обогащает участников международного обмена, крупных купцов, ростовщиков и также, до поры до времени, представителей господствующих классов докапиталистического общества, например, землевладельческую аристократию. Это ведет, вместе с тем, к накоплению известных избытков вещественных условий производства в руках более удачливых товаропроизводителей.

Избытки средств производства и средств существования в руках указанных лиц первоначально, однако, невелики, и наличность их позволяет их владельцам лишь нанимать одного—двух рабочих. При этом применяются те же неразвитые ремесленные орудия и способы обработки материала, какие господствуют в производстве самостоятельных товаропроизводителей.

Прибыль, какую получает при этом владелец предприятия, не является результатом того, что капиталистическое производство более высоко развивает общественные производительные силы. Эта прибыль—результат чрезмерного удлинения рабочего дня нанимаемых рабочих.

Производство возникающего капиталистического предприятия имеет, таким образом, первоначально форму производства абсолютной прибавочной ценности.

Усиленное использование труда наемных рабочих, сверх времени, необходимого для воспроизводства ценности их рабочей силы, дает капиталистам возможность сосредоточить в своих руках средства для эксплуатации не одиночных уже рабочих, но многих рабочих сразу.

Таким образом, на смену труда единоличных рабочих приходит сотрудничество. Сотрудничество даже в своей наименее развитой форме, в форме простого сотрудничества рабочих, работающих при посредстве тех же орудий и теми же способами, что и самостоятельные производители, все же оказывается (хотя бы вследствие экономии на помещении, освещении и т. д.) средством для развития производительной силы общественного труда, а потому средством удешевления продуктов и, значит, средством удешевления рабочей силы.

Удешевление рабочей силы дает возможность рабочему в течение меньшей части рабочего дня воспроизвести ценность своей рабочей силы и значит, ведет к производству рабочим в течение того же рабочего дня большего количества прибавочной ценности

Таким образом, уже простое сотрудничество является производством относительной прибавочной ценности.

Возникновение простого сотрудничества означает новую, более высокую ступень разложения чуждого товарному производству докапиталистического общества, новую ступень в развитии в недрах этого общества нового общества товаропроизводителей. Эта новая ступень есть отрицание предыдущей ступени этого развития.

Прошлая ступень развития означала возникновение производства мелких хозяйчиков, эксплуатировавших только производительные силы отдельных единичных рабочих. Теперь это—крупное общественное производство, использующее общественные производительные силы.

Удешевление товаров, являющееся результатом использования в производстве производительных сил общественного труда, позволяет товарному обмену проникнуть в те области, где до сих пор было более выгодным производство для собственного потребления. Вместе с тем эксплуатация одним капиталистом многих рабочих дает капиталисту возможность сосредоточить в своих руках еще больше денег для дальнейшего расширения дела, т. е. для дальнейшего распространения товарного производства в его капиталистической форме.

Соединение на совместной работе многих рабочих, обладающих неодинаковыми личными способностями, обнаруживает не только в понятии, но и в действительности существование этих различий. В то время как один рабочий быстрее и лучше выполняет одни части работы, другие лучше выполняют другие. Все это побуждает капиталиста разделить труд между различными рабочими, поручив каждому лишь те действия в производстве, к выполнению которых он наиболее годен. Понемногу весь процесс производства подразделяется на множество очень простых действий, не требующих каждого почти никакого обучения. Соответственно изменяются инструменты, применяемые в производстве.

Ранее инструмент должен был годиться для выполнения самых разнообразных действий. Поэтому его нельзя было в полной мере приспособить ни к одному особому действию. В то же время инструмент первоначально был сравнительно сложен. Теперь от инструмента стали требовать пригодности лишь для одного какого-либо простого действия. Поэтому оказалось возможным вполне приспособить каждый инструмент к его особой простой работе и вместе с тем крайне упростить и удешевить его.

И рабочая сила и инструменты, таким образом, становились более производительными и более дешевыми. Тем более дешевым становился продукт и тем меньшая доля рабочего дня уходила на воспроизводство ценности рабочей силы. Тем больше была прибавочная ценность, получаемая капиталистом.

Разделение труда есть иная общественная форма, чем простое сотрудничество. Это—отрицание простого сотрудничества.

Во-первых, при простом сотрудничестве труд в производстве не разделен, здесь же разделен. Во-вторых, материальное содержание самого процесса производства теперь иное. Теперь товары производятся иными приемами, иными орудиями, которые невозможно применить в единоличном производстве, между тем как приемы работы и орудия, употребляемые при простом сотрудничестве, могут быть теми же, что и при единоличном выполнении данной работы.

Рабочий при господстве разделения труда развивает в себе односторонние юдни способности и вовсе не развивает других. Последние подавляются и замирают. При простом сотрудничестве рабочий в общем разносторонне развивает все свои способности, необходимые для производства потребительной ценности данного вида.

С распространением разделения труда перестают вовсе производиться орудия, употреблявшиеся для единоличного производства потребительных ценностей. Рабочие в производстве не учаются всем действиям, необходимым для производства товара в целом. Между тем при простом сотрудничестве рабочие не лишались этих способностей.

Поэтому, если при господстве простого сотрудничества рабочий был привязан к капиталисту непосредственно только общественными условиями, то теперь он прикреплен к капиталисту также и по причине изменений материального характера в самом процессе производства и по причине изменения материального характера своей рабочей силы.

Таким образом, ручное (мануфактурное) разделение труда служит средством для закрепления капиталистической формы производства. Крайнее упрощение орудий и действий, выполняемых людьми при посредстве этих орудий, делает возможным выполнение этих действий посредством механической силы. Рабочий требуется теперь лишь для надзора за машиной, а на ранних ступенях развития машинного производства иногда и в качестве двигательной силы. (В качестве примера машины, которая приводится в движение человеком, как движущей силою, можно привести швейную машинку. Хотя она и приводится в движение рукою либо ногою, но непосредственно шитье, движение иглы, осуществляется при помощи деятельности механизма, рабочего механизма швейной машины.)

По мере развития машинного производства машина заменяет человека также и в качестве двигательной силы.

В производстве потребительных ценностей теперь начинают работать силы природы, неизмеримо более могучие, чем силы самого человека, взятого отдельно. Общественный труд становится неизмеримо более производительным, а продукты его гораздо более дешевыми. В числе прочих продуктов дешевеет и рабочая сила.

Товарное производство в его капиталистической форме, до-

стигнув ступени машинного производства, с неудержимой силой разрушает все докапиталистические формы производства и стремится подчинить себе все производство человеческого общества.

Машинное производство, делая безразличными для рабочего все виды труда, является отрицанием разделения труда, при котором каждый отдельный рабочий был пригоден лишь для выполнения какой-либо одной работы. В этом отношении машинное производство есть возврат к простому сотрудничеству.

Однако, это не только возврат к простому сотрудничеству, но и его отрицание, ибо, если при простом сотрудничестве рабочий сохранял свои способности к самостоятельному производству потребительной ценности в целом, и материальный процесс производства в общем оставался тем же, что и при единоличном производстве, то теперь единоличное производство становится совершенно невозможным. Рабочий оказывается способным лишь к наблюдению и направлению деятельности той или другой машины, он оказывается придатком к последней. Не рабочий применяет теперь средства производства, но средства производства применяют рабочего.

Вследствие самого материального характера производства рабочему ничего не остается, кроме продажи своей рабочей силы, кроме подчинения капиталисту.

В этом отношении машинное производство является не только отрицанием, но и сохранением общественных отношений, свойственных разделению труда. Это—синтез всех форм производства относительной прибавочной ценности.

Все формы производства относительной прибавочной ценности это—формы эксплуатации общественной рабочей силы. Это—отрицание производства абсолютной прибавочной ценности, как формы эксплуатации рабочей силы отдельного рабочего.

Повидимому, развитие понятия о капиталистическом обществе от понятия о производстве абсолютной прибавочной ценности к понятию о производстве относительной прибавочной ценности в различных сменяющих друг друга формах непосредственно отражает в себе развитие соответствующих форм в исторической действительности.

Однако общественную рабочую силу, как уже указывалось выше, можно подвергнуть эксплуатации, лишь заставив каждого отдельного рабочего работать больше, чем необходимо для воспроизводства ценности его рабочей силы, т. е. посредством производства абсолютной прибавочной ценности. Заставить же отдельного рабочего это делать можно только в том случае, если производительная сила общественного труда развилась настолько, что воспроизводство ценности рабочей силы не поглощает уже всего рабочего дня работника. Иными словами, производство абсолютной прибавочной ценности всегда есть вместе с тем производство относительной прибавочной ценности.

Таким образом, в самой действительности не только вполне

развитое капиталистическое производство, но и зачаточные формы капиталистического производства (например, производство мелких хозяйчиков, нанимающих по 1—2 рабочих) оказываются отрицанием производства как абсолютной, так и относительной прибавочной ценности, взятой односторонне, и вместе с тем сохранением их обеих в качестве подчиненных форм.

Более того, любая докапиталистическая форма эксплуатации подчиненного класса господствующим оказывается синтезом производства абсолютного и относительного прибавочного продукта, хотя последний не имеет еще формы прибавочной ценности.

Таким образом в самой действительности не существует перехода от производства абсолютной прибавочной к производству относительной прибавочной ценности, как это имеет место в развитии понятия о капиталистическом обществе.

Тем самым совпадение между развитием действительности и развитием понятия о ней даже в тех ограниченных пределах, какие намечены выше, оказывается отрицанием этого совпадения.

К этому следует прибавить еще следующее. Конечно, в развитии капиталистического общества, поскольку оно развивается по своим собственным законам, производство мелких хозяйчиков вообще предшествует простой кооперации. Последняя предшествует разделению труда, а разделение труда—машинному производству. Однако, если более развитые формы капиталистического производства уже возникли, то разложение докапиталистических форм в дальнейшем происходит уже в ином порядке. Лишь вполне развитое машинное производство является той силой, которая действительно способна разложить в самой их основе все докапиталистические способы производства. Однако именно последние формы производства еще остаются господствующими формами в подавляющем большинстве стран к моменту победы машинного производства в наиболее передовых странах. Поэтому для подавляющего большинства человечества капиталистическое производство возникает первоначально в форме машинного производства, ибо именно в этой форме капиталистический способ производства переносится из передовых стран в отсталые. Лишь после того, как машинное производство, перенесенное в своих высоких формах в отсталые страны, достигает там известной ступени развития, оно, разлагая докапиталистические формы производства, создает на их месте и производство мелких хозяйчиков, и простую кооперацию, и разделение труда (если оно вообще создает такие формы).

О совпадении между историческим развитием и развитием понятия об обществе товаропроизводителей можно говорить еще в одном смысле.

Первобытное производство, а именно совместное производство небольших общин, не знает кооперации в массовых размерах.

С переходом к оседлому земледелию область совместного труда становится еще уже. Основной единицей в производстве становится семья.

Таким образом, подобно тому, как первоначальной формой понятия о капиталистическом производстве является понятие о производстве абсолютной прибавочной ценности, не содержащее в себе понятия о совместном кооперативном труде, точно так же и в исторической действительности первоначальными формами общественного производства, в особенности с разложением первобытной коммунистической общины, являются формы, чуждые применения кооперации в массовых размерах.

Возникновение обширных деспотических государств в целом ряде земледельческих стран Востока, однако, предоставило в руки государственной власти избытки рабочей силы отдельных общин, что послужило впервые основой массового применения кооперации.

Неразвитость способов производства, грубость и неразвитость орудий, равно как и самой рабочей силы, делали невозможной какую-либо сложную организацию труда многочисленных рабочих, находящихся в распоряжении центральной власти. Эти рабочие могли быть применены лишь для совместного труда на основе простой кооперации. Поэтому эпоха восточных деспотий отличается применением простой кооперации в невиданных ни до, ни после массовых размерах. Вызывающие до настоящего времени удивление остатки оросительных сооружений, храмов, дворцов и т. д. являются памятниками того, на что способен человеческий труд даже в такой неразвитой форме, как простая кооперация рабочих, действующих без посредства каких-либо механических, а в значительной степени и животных двигательных сил и при посредстве крайне грубых орудий.

Античный мир в свою наиболее развитую эпоху уже знает разделение труда в крупной рабовладельческой мануфактуре.

Наконец производство современной капиталистической эпохи есть машинное производство.

Однако здесь еще в меньшей степени, чем раньше, можно говорить о действительном совпадении между историческим развитием и развитием понятия о производстве прибавочной ценности.

Во-первых, производство неразвитых земельных общин вообще не есть товарное производство, а, следовательно, не есть производство прибавочной ценности. Это не только не производство прибавочной ценности, но это даже не производство прибавочного продукта.

Производство восточных деспотий, равно как и производство античного мира, также не являются в своей основе формами товарного производства. Это—производство для собственного потребления.

Производство государственных рабов восточных деспотий, равно как и остального населения, выполняющего государственные повинности, точно так же как и производство античной рабской мануфактуры, это не производство прибавочной ценности, но лишь производство прибавочного продукта, не имеющего формы товара.

Простая кооперация восточных деспотий, равно как и разделение труда в античной мануфактуре, суть совершенно другие общественные формы, чем различные формы капиталистической кооперации.

Таким образом представление, будто развитие самой действительности совпадает с развитием понятия о ней в научном изложении, снова оказывается ложным.

Понятие о производстве абсолютной и относительной прибавочной ценности переходит в понятие о заработной плате. Это означает переход к новому, более высокому понятию о капиталистическом производстве. Понятие о заработной плате предполагает понятие о капиталистическом обществе, как об обществе в котором соединение рабочей силы со средствами производства совершается в форме покупки капиталистом труда рабочих. Это понятие есть отрицание понятия о капиталистическом обществе, как об обществе, в котором рабочие производят капиталисту прибавочную ценность, ибо раз весь труд, который рабочие воплощают в товаре, предварительно оплачивается, то рабочие, повидимому, не могут создать своим трудом больше ценности, чем капиталист затрачивает, в качестве переменного капитала. Никакой прибавки к ценности капитала, никакой прибавочной ценности рабочие не производят. Никакой эксплуатации капиталистом рабочих не существует.

Далее, однако, оказывается, что покупка капиталистом труда есть лишь внешняя форма сделки, противоречащая ее непосредственному содержанию, содержанием же сделки является покупка рабочей силы.

Таким образом, понятие о капиталистическом обществе принимает форму, обнаруживающую, что продажа рабочей силы наемными рабочими совершается в форме продажи труда. Это—понятие о капиталистическом обществе как об обществе, которое основано на эксплуатации рабочих капиталистами, но в котором эта эксплуатация скрыта и не может быть обнаружена непосредственно на поверхности явлений.

Это понятие есть отрицание отрицания. Это—синтез понятий о капиталистическом обществе как об обществе, в котором рабочие продают свою рабочую силу, и как об обществе, в котором они продают свой труд.

Если в данном случае искать хотя бы поверхностного соответствия между развитием общества товаропроизводителей и развитием понятия о нем, то совпадение будет еще более отдаленным, чем на предыдущих ступенях.

С развитием зародышей товарного производства внутри докапиталистического общества возникает купля и продажа рабов.

Работоторговля не имеет формы продажи труда рабов, здесь продается сам человек с его способностью работать, с его рабочей силой. Цена раба определяется не тем, сколько он будет работать в действительности у своего нового хозяина, но тем,

сколько и как он способен работать, каково количество его рабочей силы.

Капиталистическое же производство, основанное на продаже рабочим своей рабочей силы, в форме продажи им своего труда, возникает и развивается лишь спустя много столетий после расцвета работорговли.

В этом смысле можно говорить о совпадении исторического развития с переходом понятия о ценности рабочей силы в понятие о заработной плате.

Нетрудно, однако, видеть, сколь поверхностным является это совпадение. Рабовладельческое общество отнюдь не есть капиталистическое общество, в котором рабочий продает капиталисту свою рабочую силу. Рабовладельческое общество, это—общество с совершенно иным строем производства. Сама форма продажи раба отнюдь не совпадает с понятием о продаже рабочим своей рабочей силы. Рабочий продает свою рабочую силу, как товар, владельцем которого является он сам. Между тем раб, которого продают и покупают, не только не является товаровладельцем, но, наоборот, он сам—товар. Не он продает свою рабочую силу, но его самого продают, вместе с его рабочей силой.

Таким образом переход от рабства к капитализму отнюдь не соответствует переходу понятия о капиталистическом обществе, как основанном на продаже рабочим рабочей силы, в понятие о нем, как об обществе, в котором эта продажа происходит в форме продажи труда.

Действительное капиталистическое общество с самого своего зарождения основано на продаже рабочими своей рабочей силы именно в форме продажи труда и никогда не имело формы общества, в котором рабочая сила продавалась бы непосредственно в форме рабочей силы, а не труда.

Таким образом, действительное развитие капиталистического общества и в данном случае не соответствует развитию понятия о нем.

Понятие о производстве капитала при посредстве покупки капиталистом рабочей силы в форме покупки труда переходит в понятие о воспроизводстве капитала. Последнее понятие из понятия о простом воспроизводстве переходит в понятие о расширенном воспроизводстве. Последнее в свою очередь из формы понятия об аккумуляции капитала переходит в понятие о централизации и затем в понятие о синтезе этих обеих форм концентрации.

Это развитие понятия о капитале также скрывает под собою развитие понятия о капиталистическом обществе.

Понятие о воспроизводстве капитала означает, что присущие капиталистическому обществу отношения классов воспроизводятся вновь и вновь, обуславливая вновь и вновь повторение производства в его капиталистической форме. Это понятие о капиталистическом обществе есть отрицание менее развитых форм поня-

тия о нем, в которых не было видно, что капиталистическое общество вновь и вновь воспроизводит свои формы.

Понятие о превращении прибавочной ценности в новый капитал означает, что капиталистическое общество, это—общество, которое вновь и вновь создает капиталистические формы отношений между людьми там, где таковых раньше не было, и сверх тех, какие существовали до сих пор.

Это понятие в свою очередь предполагает, что и старые, до сих пор существовавшие капиталистические отношения между людьми также воспроизводятся вновь и вновь.

Так возникает понятие о расширенном воспроизводстве капиталистических отношений. Это понятие есть синтез понятий о простом воспроизводстве отношений капиталистического общества и создании добавочных капиталистических связей.

Точно так же и понятие об обеих особых формах концентрации капитала (аккумуляция и централизация), равно как и понятие о синтезе этих обеих форм означает новые, более высокие ступени в развитии понятия о капиталистическом обществе, показывая, что расширенное воспроизводство капиталистических отношений есть концентрация классовых сил обоих основных классов капиталистического общества, превращение их из множества разрозненных капиталистов и рабочих в объединенные классы, в действительном смысле этого слова; переход подавляющего большинства товаропроизводителей в ряды пролетариев и превращение класса капиталистов в ничтожную численно кучку, присвоившую себе все производительные силы общества.

Таким образом, развитие понятия о капитале является лишь особой формой, в которой находит себе выражение развитие понятия о капиталистическом обществе.

Установить подобное же соответствие между развитием понятия о капиталистическом обществе и действительным развитием самого этого общества снова оказывается невозможным.

Правда, процесс производства в капиталистической форме должен сначала иметь место впервые, и лишь потом он может повториться. Производство в капиталистической форме в действительности предшествует воспроизводству. Капиталистические отношения между людьми первоначально должны возникнуть и лишь затем они могут повторяться. «Первоначальное накопление», накопление условий для превращения общественного производства в капиталистическое производство должно, понятно, предшествовать жизни капиталистического общества, вновь и вновь воспроизводящего себя. Производство капиталистических общественных отношений должно предшествовать их воспроизводству не только в развитии понятия об этом обществе, но и в действительности.

Точно так же можно сказать, что не только в развитии понятия, но и в действительности необходимо сначала воспроизвести капиталистическое отношение в прежнем размере, и лишь возникшие сверх этого новые отношения капиталистического производ-

ства могут быть названы добавочными капиталистическими общественными отношениями. Далее можно сказать, что и в действительности необходимо сначала возникновение добавочных отношений капиталистического характера и лишь затем окажется, что отношения капиталистического общества воспроизводятся в расширенном размере. Можно, таким образом, сказать, что и в действительности простое воспроизводство отношений капиталистического общества предшествует расширенному их воспроизводству.

Однако это вовсе не значит, что первоначальной формой капиталистического производства было производство, которое не было само звеном (первым или промежуточным—безразлично) вновь и вновь возобновляющегося производства, т. е. воспроизводства капиталистических отношений.

Точно так же никогда не существовало и такой формы воспроизводства капиталистических отношений, которая была бы лишь простым их воспроизводством. Тем более никогда не существовало такой формы воспроизводства, чтобы на место существующих отношений капиталистического общества воспроизводились лишь добавочные, без воспроизводства существовавших до сих пор капиталистических отношений.

Капиталистическое общество с самого его зарождения существовало в форме расширенного воспроизводства капиталистических общественных отношений.

Более того, всякая общественная форма, а не только капиталистический способ производства непрерывно воспроизводится в расширенных размерах, пока она не превращается в препятствие для развития материальных производительных сил, т. е. пока в ее недрах не начинается расширенное воспроизводство форм нового общества или, по крайней мере, условий для возникновения последнего.

Точно так же с самого возникновения зародышей капиталистического общества распространение капиталистических общественных отношений осуществлялось при посредстве концентрации капитала в обеих ее формах, как аккумуляции, так и централизации.

Таким образом, и здесь не приходится говорить о действительном совпадении между развитием понятия о капиталистическом обществе и развитием самого этого общества.

Понятие о концентрации капитала в полном его развитии превращается, как сказано выше, в понятие о непосредственно общественном производстве.

Здесь развитие понятия о капитале совпадает с переходом понятия о капиталистическом обществе в понятие о коммунистическом обществе.

Непосредственно общественное производство есть отрицание всех форм капиталистического производства, всех форм, при которых труд работника имеет форму деятельности чуждой работ-

нику силы капитала. Непосредственно общественное (коммунистическое) производство предполагает непосредственно общественную собственность на средства производства и вполне индивидуальное присвоение предметов личного потребления. Оно является отрицанием всех форм, где собственность на вещественные условия производства отделена от рабочей силы.

Понятие о капиталистическом производстве, в свою очередь, было отрицанием производства простых товаропроизводителей, продающих не свою рабочую силу, но вещественные товары и, значит, владеющих всеми необходимыми вещественными условиями производства на основе индивидуальной частной собственности. Капиталистическое общество было, таким образом, отрицанием общества, в котором собственность была основана на собственном труде товаропроизводителей. (Как уже говорилось выше, простое общество товаропроизводителей, как господствующая общественная форма, в действительности никогда не существовало. Здесь, однако, речь идет не о действительном развитии, но о развитии понятия об обществе товаропроизводителей.)

Непосредственно общественное производство оказывается, таким образом, отрицанием отрицания и возвратом к общественным отношениям, при наличии которых собственность основана на собственном труде самих собственников.

Поскольку простое товарное производство есть производство именно такого характера, постольку непосредственно общественное производство есть возврат к отношениям простого товарного производства.

Однако коммунистическое производство есть не только возврат к простому товарному производству, но и отрицание такового. При коммунистическом производстве основанная на собственном труде производителей собственность на предметы личного потребления хотя и имеет индивидуальный характер, но она основана на том, что вещественные условия производства являются непосредственно общественной собственностью, основанной на непосредственно общественной форме их собственного процесса труда. Между тем в обществе простых товаропроизводителей общественный труд имеет по своей форме частный характер. В этом обществе собственность на вещественные условия производства, хотя и основанная на собственном труде производителей, есть частная собственность.

Коммунистическое производство сходится с капиталистическим, а не с простым товарным производством в том отношении, что процесс труда имеет непосредственно общественную форму.

Оно сходится с капиталистическим производством и в том, что его производительные силы это—общественные, а не личные производительные силы и потому силы, неизмеримо более могучие, чем производительные силы простого товарного производства, в котором собственность основана на собственном труде производителя.

Коммунистическое производство сходится с капиталистическим и в том отношении, что ни один отдельный рабочий непосредственно в результате производства не является собственником продукта труда. В руки отдельных работников попадает лишь часть всего общественного продукта и лишь при посредстве перераспределения продуктов производства, которые непосредственно по окончании производства при капитализме целиком составляют собственность одного лишь капиталиста, а при коммунистическом способе производства—всего общества.

Таким образом, непосредственно общественное производство является не только возвратом к простому товарному производству, но и его отрицанием; не только отрицанием, но и сохранением капиталистического производства. Это—синтез того и другого.

Однако, если коммунистическое производство и является синтезом обеих противоречащих друг другу форм понятия о товарном производстве, то это—такой синтез, который имеет общую форму отрицания всякого товарного производства.

Общим и основным признаком всякого товарного производства является частная форма общественного труда членов этого общества.

Между тем основным признаком коммунистического производства является общественная, а не частная форма труда людей в кругообороте их материального производства.

Итак коммунистическое производство—отрицание товарного производства вообще.

Само товарное производство, как производство частное по своей форме, было отрицанием понятия об общественном производстве вообще.

Понятие о коммунистическом производстве, возникающее из развития понятия о товарном производстве, есть, таким образом, отрицание отрицания и возврат к первоначальной форме понятия об общественном производстве вообще, как о непосредственно общественном производстве.

В самом деле, в понятии об общественном производстве вообще высказывается лишь мысль, что производство имеет общественный характер.

Хотя в развитии понятия об общественном производстве под понятие общественного производства вообще подойдет и непосредственно общественное производство и частное производство чуждых друг другу товаропроизводителей, однако для этого уже нужно некоторое развитие понятия о производстве, т. е. превращение понятия о производстве «вообще» в связь особых понятий о производстве и, значит, в свое собственное отрицание.

До тех пор, пока понятие о производстве «вообще» не развито и является лишь общим понятием, в этом понятии обнаруживается лишь общественный характер производства.

Понятие о коммунистическом производстве, возникшее из развития понятия о товарном производстве, однако, не является про-

стым возвратом к первоначальному неразвитому общему понятию об общественном производстве.

Это—особый вид непосредственно общественного производства. Это—непосредственно общественное производство, усвоившее все завоевания капиталистического производства: применение машин, сознательное применение науки в производстве и т. д.

Понятие о коммунистическом производстве, возникающее из развития понятия о товарном производстве, есть синтез всего предшествующего развития.

Действительное развитие капиталистического общества в данном случае снова совпадает в известном смысле с развитием понятия об этом обществе.

Концентрация капитала в действительности означает сосредоточение всех общественных производительных сил в руках ничтожной кучки магнатов капитала и превращение подавляющего большинства членов общества в лишенных вещественных условий производства пролетариев, занятых производительным или непроизводительным трудом на службе у капиталистов.

Накоплению богатства и роскоши на одной стороне соответствует накопление нищеты, невежества, порабощения и эксплуатации на другой.

Вместе с тем, однако, происходит и сосредоточение рабочих громадными массами в промышленных центрах. Развитие средств сообщения сближает рабочих самых отдаленных друг от друга стран так, как если бы они работали рядом друг с другом.

Сам процесс производства объединяет рабочих, дисциплинирует их, обнаруживает противоречие их интересов с интересами капиталистов. Приходя в столкновение с капиталистами сначала по отдельным незначительным частным случаям, рабочие в ходе самой борьбы, в смене побед и поражений приходят к необходимости борьбы со всем капиталистическим строем в целом. Они фактически переходят к этой борьбе. Они приходят к сознанию того, что в этой борьбе интересы капиталистов и пролетариев непримиримы, и что задачей борьбы является ниспровержение капиталистического строя и переустройство общества на коммунистических началах. В развитии классовой борьбы развивается и осознание путей, какими пролетариат может осуществить свою задачу; развивается и организация рабочего класса, при посредстве которой пролетариат осуществляет ниспровержение капитализма и коммунистическое переустройство общества.

Когда концентрация капитала достигает своих наивысших пределов, конкурентная борьба между немногочисленными капиталистами, сосредоточившими в своих руках производительные силы всего мира, превращается из средства развития производительных сил в средство их разрушения.

Тогда бьет час капиталистической частной собственности, капиталистическая оболочка становится препятствием к развитию

производительных сил. Она разрывается революционным пролетариатом.

Часть общества, лишившая собственности (экспроприировавшая) все остальное общество, сама лишается собственности. Экспроприаторов экспроприируют. Общество переустраивается на коммунистических началах.

Однако даже и в данном случае совпадение между развитием самого капиталистического общества и развитием понятия о нем имеет место лишь с известными, весьма серьезными оговорками.

Действительное капиталистическое общество, которому суждено погибнуть под ударами пролетарской революции, это—общество с весьма сложным классовым строением. Во-первых, на ряду с классами, необходимо присущими капиталистическому обществу, в нем имеются остатки классов различных докапиталистических эпох. Во-вторых, основные классы капиталистического общества сами расчленены на множество частных подразделений внутри них. Так, от капиталистов и рабочих двух производительных классов капиталистического общества (производительных лишь в том смысле, что их деятельность непосредственно необходима для осуществления кругооборота материального производства в его капиталистической форме) обособлены различные виды непроизводительных работников, не являющихся непосредственными деятелями материального производства, как то: прислуга, различные идеологические профессии (попы, профессора, чиновники, военные и т. д.).

От капиталистов, как от владельцев созданных людьми вещественных условий производства, отделены землевладельцы, не выполняющие никакой деятельности в кругообороте капиталистического производства, но владеющие одним из основных материальных условий производства и потому присваивающие себе в форме земельной ренты часть прибавочной ценности, извлекаемой капиталистами из рабочих.

Сами капиталисты распадаются на промышленников, купцов, владельцев ссудного денежного капитала. Внутри каждого из этих подразделений имеются еще более частные подразделения.

Сама эксплуатация рабочих в действительном капиталистическом обществе не имеет непосредственно формы производства прибавочной ценности нанятыми капиталистом рабочими. Рост капитала имеет форму производства прибыли, создаваемой в равной мере всеми частями капитала, независимо от его деления на постоянный и переменный капитал. Сама прибыль распределяется между различными отраслями промышленности и торговли независимо от различий в строении этих капиталов. Далее, распределяясь между особыми, экономически различными видами капиталов, отдельные части прибыли принимают форму доходов разного рода, происходящих из различных источников.

Так, часть прибыли, присваиваемая ссудным капиталом, имеет форму процента. Другая часть прибыли, предпринимательский

доход, также подразделяется на две части. Одна из них, промышленная прибыль, имеет форму дохода, возникающего при посредстве производства. Другая часть, торговая прибыль, имеет вид дохода, возникающего в обращении независимо от производства.

Все это множество сложных форм отсутствует в понятии о капиталистическом обществе на той ступени этого понятия, когда из понятия о концентрации капитала оно переходит в понятие о коммунистическом обществе.

Понятие о капиталистическом обществе к моменту перехода его в понятие о коммунистическом общественном строе обнаруживает существование в капиталистическом обществе лишь двух его основных классов, капиталистов и рабочих, без всяких дальнейших подразделений внутри этих классов. Понятие о возрастании капитала имеет лишь форму понятия о производстве прибавочной ценности и не обнаруживает ни того обстоятельства, что эксплуатация рабочего действительно ведет к росту капитала лишь при посредстве обращения, ни того обстоятельства, что извлечение из рабочего прибавочной ценности имеет форму создания прибыли самим капиталом. Тем более невозможно обнаружить непосредственно в этом понятии различные особые подразделения прибыли.

Поэтому вполне понятно, что с переходом действительного капиталистического общества в коммунистическое становится невозможным какое бы то ни было дальнейшее развитие капиталистического общества, между тем как превращение понятия о капиталистическом обществе на данной ступени развития этого понятия в понятие о коммунистическом обществе является основанием для развития понятия о капиталистическом обществе на новую, более высокую ступень.

Действительно, понятие о капиталистическом обществе, в котором капиталист производит капитал, эксплуатируя в процессе материального производства нанятых им рабочих, превращается в понятие о капиталистическом обществе, в котором капиталистические отношения между людьми в производстве осуществляются лишь при посредстве кругооборота форм обращения капитала, в состав какового (кругооборота) в качестве подчиненного звена входит и производство.

Понятие об осуществлении капиталистических отношений производства при посредстве кругооборота форм обращения капитала переходит в понятие о возобновлении этих отношений посредством оборота капитала.

Последнее понятие переходит в понятие о воспроизводстве всего общественного капитала.

Таков порядок развития понятий о капиталистическом обществе. Далеко не таков, однако, порядок развития различных общественных форм в действительном развитии капиталистического общества.

Правда, производство вообще предшествует обращению. В обращение может поступить лишь то, что предварительно было произведено. Прежде чем возник кругооборот производства и обращения, воспроизводство человеческого общества в течение многих веков осуществлялось без посредства обращения. Однако, развитие это не было развитием капиталистического производства, последнее с самого начала осуществляется при посредстве обращения.

Далее, можно сказать, что и в действительности, а не только в развитии понятия повторению кругооборотов, т. е. обороту капитала, предшествует первоначальный кругооборот, еще не являющийся повторением кругооборота.

Однако даже и этот первоначальный кругооборот оказывается в действительности лишь первым звеном в обороте капитала, поскольку за этим первым кругооборотом в действительности следует его повторение.

В действительном капиталистическом обществе, как и во всяком другом обществе, всегда имеет место воспроизводство, следовательно, окончание одного кругооборота капитала, как правило, всегда является исходным пунктом его возобновления.

Правда, в эпоху возникновения зачатков капиталистического производства оборот капитала еще не совершался с достаточной правильностью и непрерывностью. Однако, поскольку такие явления имели место, они происходили в докапиталистических обществах, но отнюдь не в пределах капиталистического общества. Действительное же развитие капиталистического общества с самого начала характеризуется правильностью и непрерывностью оборота капитала. Переход от понятия об осуществлении капиталистических отношений в кругообороте обращения капитала к понятию о возобновлении этих отношений в обороте капитала, — это развитие понятия о капитале не совпадает с развитием самого капитализма.

Наконец, можно сказать, что в эпоху возникновения капитализма связь между различными капиталами слаба. Воспроизводство каждого из них в весьма незначительной степени зависит от его связи с другими капиталами. Весь общественный капитал представляет в эту эпоху простую сумму почти не связанных в своем воспроизводстве капиталов. Лишь впоследствии связь между отдельными капиталами становится настолько тесной, что воспроизводство каждого из них определяется условиями воспроизводства всего общественного капитала.

Однако и в данном случае общество, в котором весь общественный капитал представляется лишь, как сумма почти не связанных друг с другом капиталов, не есть капиталистическое общество, но лишь та или другая форма докапиталистического общества. Поскольку же общество является уже капиталистическим, постольку общественное воспроизводство уже оказывается

воспроизводством всего общественного капитала, от которого зависит воспроизводство отдельных капиталов.

Таким образом, и в данном случае развитие понятия о капиталистическом обществе не выражает собою действительного развития самого этого общества.

Дальнейшее развитие понятия о капиталистическом обществе заключается в переходе понятия об этом обществе, как о воспроизводстве отношений, позволяющих капиталисту присваивать в форме прибавочной ценности прибавочный труд рабочих, в понятие об этом обществе, как об обществе, в котором прирост капитала является прибылью, т. е. приростом всех частей капитала, а не только его переменной части.

Это—понятие о капиталистическом обществе, в котором эксплуатация рабочего, и без того скрытая формой заработной платы, сверх того прикрывается формой прибыли.

Это понятие получает дальнейшее развитие вместе с развитием понятия о капитале, как источнике прибыли. Это—понятие о капиталистическом обществе, как об обществе, в котором конкуренция заставляет капиталистов различных отраслей производства делиться получаемой ими прибылью таким образом, чтобы уровень прибыли на капитал в различных отраслях был в среднем одинаковым, независимо от различий в делении капитала на постоянную и переменную его части, независимо от различий в условиях оборота,—вообще от всех особенностей отдельных отраслей производства.

Действительное развитие капиталистического общества до известной степени снова совпадает с развитием понятия о нем, и совпадение это затем снова оказывается лишь внешним и поверхностным, вообще, недействительным.

С возникновением и развитием зачатков товарного производства между различными местностями и отраслями производства начинают развиваться меновые связи. Вначале, однако, эти связи крайне слабы. Конкуренция между товаропроизводителями относительно невелика. Поскольку она и существует, действие ее распространяется лишь на узкий местный рынок. Передвижение вещественных условий производства и рабочей силы из одной отрасли в другую почти не имеет места, во-первых, потому, что обучение каждому отдельному виду ремесла представляет в то время достаточно сложное и трудное дело, во-вторых, потому, что при отсутствии значительной конкуренции всякое ремесло обеспечивало существование производителя. Производство же в эту пору является производством для собственного прокормления производителя от продажи его товаров, но отнюдь не производством ради прибыли. Поэтому каждый отдельный товаропроизводитель берет за свой товар не такую цену, которая обеспечивала бы ему равный избыток сверх равных затрат, но такую цену, какая обеспечивала бы ему воспроизводство израсходованных средств производства и давала возможность жить так же, как

живут другие ремесленники, работающие, примерно, столько же, сколько и он.

Таким образом, действительная цена товаров в это время определяется более или менее непосредственно ценностью товаров, а не ценой их производства, обеспечивающей равный уровень прибыли во всех отраслях производства.

Лишь значительно позже возникает капиталистическое производство, продукты которого продаются по цене производства, не совпадающей непосредственно с ценностью товара.

Однако простое товарное производство, продукты которого продаются в большем или меньшем соответствии с их ценностью, отнюдь не является действительным осуществлением понятия о капиталистическом производстве, как о производстве прибавочной ценности. Простое товарное производство не есть еще капиталистическое производство.

Во-вторых, простое товарное производство, как уже неоднократно указывалось выше, никогда не бывало и не может быть господствующей в обществе формой производства. В ту пору, когда товарное производство имеет форму простого товарного производства, продукты всего общественного производства в виде общего правила поступают в потребление без посредства обмена.

Далее, именно потому, что связи между различными местностями и отраслями производства в эту эпоху еще недостаточно тесны, цены товаров хотя и не превращаются в капиталистические цены производства, но не могут в действительности соответствовать и ценностям товаров.

Отсутствие конкуренции, отсутствие передвижения вещественных условий производства и рабочей силы из одних отраслей в другие позволяет отдельным отраслям производства закреплять те или другие случайные выгоды своего производства и длительно продавать свои товары по ценам, превышающим их ценности, в то время как другие отрасли могут не получать в обмен за свои товары их действительной ценности.

В частности не имеющие достаточного числа конкурентов городские ремесленники могут продавать свои товары крестьянам по цене, превышающей их (товаров) истинную ценность, покупая в то же время сельскохозяйственные продукты дешевле действительной ценности последних.

Наконец, поскольку капитал в форме торгового и ростовщического капитала возникает вместе с развитием первых зачатков товарного производства, постольку уже в эту эпоху существует равенство нормы прибыли для капиталов в различных областях торговли.

Товарное производство приобретает капиталистический характер лишь по мере того, как спрос на продукты данной отрасли производства достигает такой высоты, что вложение капитала в эту отрасль становится не менее выгодным делом, чем его вложение в торговлю. Это значит, что производство становится ка-

питалистическим лишь постольку, поскольку в нем устанавливается равная с торговлей норма прибыли.

Таким образом в действительности не развитие капиталистического производства предшествует уравниванию нормы прибыли, но, наоборот, уравнивание нормы прибыли предшествует капиталистическому производству и является предварительным условием для превращения простого товарного производства в капиталистическое.

Значит, и в данном случае нет истинного совпадения между развитием капиталистического общества и развитием понятия о нем.

Понятие о капиталистическом обществе, как об обществе, в котором прибыль, создаваемая разными капиталами, при посредстве конкуренции распределяется между разными отраслями таким образом, чтобы уровень прибыли во всех этих отраслях был одинаков,—это понятие превращается в понятие о капиталистическом обществе, в котором та же конкуренция заставляет всех капиталистов данной отрасли производства продавать свои товары по одинаковой цене, независимо от различий в условиях производства на отдельных предприятиях. Тем самым различия в норме прибыли различных предприятий закрепляются прочно.

Закрепление различий в уровне прибыли различных предприятий означает гибель менее прибыльных и сохранение наиболее прибыльных предприятий. При данных средних условиях производства наиболее прибыльными предприятиями являются те, в которых производительность труда в наибольшей степени превышает среднюю норму. Это—наиболее передовые предприятия.

В наиболее производительных предприятиях относительно большая часть капитала затрачивается на средства производства и относительно меньшая—на покупку рабочей силы. Относительно меньшее число средних рабочих сил производит и относительно меньше прибавочной ценности. Поэтому, когда с гибелью отсталых предприятий передовые до сих пор предприятия сами становятся средними, средняя для всего общества норма прибыли падает.

Понятие о падении нормы прибыли, как о законе, необходимо присущем капиталистическому способу производства, переходит в понятие о гибели капиталистического производства вследствие падения нормы прибыли.

Таково развитие понятия.

Далеко не таково развитие самой действительности, хотя известные черты поверхностного совпадения могут быть намечены и в данном случае.

В действительном развитии капиталистического производства, понятно, никогда не было эпохи, когда конкуренция уже уравнивала бы норму прибыли для разных отраслей производства и вместе с тем еще не закрепляла бы различий в норме прибыли отдельных предприятий одной и той же отрасли.

Правда, конкуренция первоначально слаба и потому не в

силах уравнивать цены на один и тот же товар на ближайших, а то даже на одном и том же рынке. Однако при этом условии невозможно и уравнивание нормы прибыли для разных отраслей приложения капитала.

Таким образом, в действительности нет перехода от уравнивания нормы прибыли для разных областей производства к закреплению различий нормы прибыли отдельных предприятий одной и той же отрасли производства. И то и другое происходит в действительности одновременно.

Закрепление различий нормы прибыли различных предприятий одной и той же отрасли ведет и в действительности, а не только в развитии понятия к падению нормы прибыли и, в конце концов, к гибели капиталистического общества.

Однако в действительности это происходит при посредстве взаимодействия ряда сложных особых форм общественной жизни, форм, о которых не дает понятия общая мысль о гибели капитализма вследствие падения нормы прибыли. Без понимания этих особых форм невозможно и понимание того, как именно падение нормы прибыли ведет к гибели капиталистического общества. Между тем в развитии понятия о капиталистическом обществе на данной ступени этого развития дается лишь общая мысль о том, что падение нормы прибыли ведет капиталистическое общество к гибели.

Поэтому, если действительная гибель капиталистического общества прекращает всякое его дальнейшее развитие, то переход абстрактного понятия о капиталистическом обществе в понятие о его гибели служит основанием для дальнейшего развития понятия о нем, для перехода к менее отвлеченному понятию об этом обществе, которое обнаруживает, в каких особых формах это общество существует в действительности.

Понятие о капиталистическом обществе, как об обществе, в котором каждый отдельный капитал осуществляет полностью весь присущий капиталу кругооборот форм производства и обращения, переходит в понятие о капиталистическом обществе, в котором производство и обращение обособлены друг от друга, составляя каждое особое дело особой части общества.

Производство осуществляется в особом кругообороте форм промышленного капитала. Обращение осуществляется в кругообороте форм торгового, купеческого капитала.

В дальнейшем своем развитии это понятие превращается в понятие о капиталистическом обществе, в котором собственность на капитал, как на ссудный денежный капитал, отделена от применения этого капитала в промышленности или торговле вообще от предпринимательской деятельности.

В исторической действительности дело происходит в обратном порядке.

Для выделения торгового капитала достаточно лишь самого слабого развития товарного производства. Связывая весьма от-

даленные друг от друга местности и вовсе не связанных до сих пор друг с другом товаропроизводителей, торговый капитал господствует над ними. Поэтому он господствует и над зачаточным капиталистическим производством, поскольку последнее уже развивается из простого товарного производства. Уровень прибыли капиталистического производства определяется первоначально уровнем прибыли, господствующим в торговле. Купец заставляет мелкого промышленника довольствоваться той прибылью, которая остается после того, как купец обеспечивает себе обычную для торгового капитала норму прибыли.

Лишь развитие капиталистического производства на достаточно высокую ступень превращает торговый капитал из господствующей в подчиненную форму капитала. Развившийся промышленный капитал, достигнув известных пределов, может переливаться в торговлю и понижать произвольно высокие прибыли купцов, уравнивая их по среднему уровню, определяемому теперь условиями капиталистического производства.

Впрочем, если торговый капитал и не возникает посредством обособления от промышленного капитала, первоначально самостоятельно осуществлявшего весь кругооборот производства и обращения, то все же торговый капитал,—не как одна из подчиненных форм жизни докапиталистического общества, но как одно из звеньев в кругообороте форм капиталистического общества,—возникает лишь в результате развития самого капиталистического производства. В этом смысле развитие действительности совпадает с развитием понятия о ней.

Точно так же и ссудный капитал лишь в результате развития капиталистической промышленности и торговли становится подчиненной формой капитала, деятельность которой определяется деятельностью промышленного капитала. В этом отношении развитие действительности соответствует развитию понятия.

Однако ссудный капитал, как капитал, не подчиненный промышленному капиталу, но как господствующая над производством форма капитала (поскольку производство уже находится во взаимодействии со ссудным капиталом), существует в исторической действительности со времени возникновения первых зародышей товарного производства.

Ростовщик, высасывающий соки в городе из мелких ремесленников, в деревне—из разоряющегося помещика, равно как и из крестьянина, попадающего в кабалу к ростовщику в результате любого стихийного бедствия: неурожая, пожара, войны и т. д.,—этот ростовщик теряет почву под ногами лишь по мере гибели неразвитых докапиталистических форм промышленности и по мере победы капиталистического способа производства.

Капиталистическое же производство и торговля ведутся не ради потребления, а ради прибыли. Поэтому с развитием капитализма ростовщик может находить для себя клиентов лишь при том условии, если он ограничится получением, в качестве про-

цента по ссудам, лишь части той прибыли, какую можно получить в промышленности и торговле.

Денежный ссудный капитал становится лишь обособленной, но тем не менее подчиненной частью общественного капитала, осуществляющего весь кругооборот производства и обращения, (промышленного капитала в широком смысле). Денежный капиталист теперь вообще оказывает ссуды не своими собственными деньгами, а чужими, взятыми им самим взаймы у промышленников и купцов и составляющими часть капитала последних, которая в данный момент не нужна им в производстве или торговле. Из ростовщика денежный капиталист становится банкиром. Размеры всего капиталистического производства расширяются вследствие того, что капиталы, праздно лежащие в одних руках, находят себе применение в других.

Развитие кредита в его капиталистической форме, будучи результатом развития капиталистического производства, оказывается таким образом средством его дальнейшего развития.

Когда капитал принимает форму ссудного капитала, всякая денежная сумма становится капиталом. Достаточно предоставить ее в распоряжение банка, и она начинает приносить процент, самовозрастает.

В банках собираются капиталы самых различных лиц, и банки предоставляют ссуды самым различным лицам. Капитал по самой своей форме становится общественной силой.

Только при помощи банков становится возможным собирать громадные суммы, необходимые для осуществления таких предприятий, как железные дороги, и т. д.

С сосредоточением всех свободных денежных сумм, в качестве капитала, в банках и с развитием кредита капитал принимает безразличную форму акционерного капитала, принадлежащего не определенным лицам, но безличным собственникам акций, находящихся сегодня в одних, завтра—в других руках. Капитал становится собственностью всего класса капиталистов.

Акционерная форма капитала, подобно форме кооперативных предприятий, является уничтожением частной собственности еще в пределах капитализма. Акционерные компании являются уничтожением частной собственности в противоречивой форме, в форме частной собственности безличных акционеров. Кооперативные предприятия уничтожают частную собственность в прямой форме. Это—общественная собственность трудящихся.

Однако и та и другая формы ограничены общей формой капиталистического производства. Как производство акционерных компаний, так и производство кооперативных предприятий—все-таки частное по отношению ко всему обществу производство и подчинено всем законам товарного производства.

С развитием капитала, приносящего проценты, всякий доход, из какого бы источника он ни происходил, может быть представ-

лен, как процент с некоторого фиктивного капитала, который давал бы тот же доход, если бы его отдать в рост под проценты.

Так, если в акционерном предприятии на производство затрачен капитал, равный 100 000 руб., и предприятие приносит, например, 10 000 руб. прибыли в год, то на каждый пай (акцию) в 100 руб. будет приходиться 10 руб. дохода.

Если при этом денежный ссудный капитал приносит 5%, то, значит, доход, равный 10 руб., можно было бы получить, отдав в рост под проценты капитал, равный 200 рублей.

Для владельца 200 руб. безразлично, отдать ли свои 200 руб. в ссуду по 5% или купить за 200 руб. сторублевый пай (акцию), которая приносит те же 10 руб. доходу. К акции, представляющей действительный капитал в 100 руб., относятся как к денежному ссудному капиталу размером в 200 рублей. Сторублевая акция будет представлять фиктивный капитал в 200 рублей.

Понятие о капиталистическом обществе, как об обществе, состоящем из двух основных классов, рабочих и капиталистов (в свою очередь распадающихся на промышленников, купцов и владельцев денежного ссудного капитала), — с возникновением понятия о ренте превращается в новую форму. Теперь от всего класса капиталистов со всеми его подразделениями оказываются обособленными, в качестве особого класса, землевладельцы, существование которых отнюдь не является необходимым для существования капиталистического производства (для этого необходимо лишь вообще отделение трудящихся от земли, но последняя могла бы с таким же успехом быть сосредоточена в руках капиталистического государства, как она раздроблена между отдельными землевладельцами). Вследствие своей частной собственности на землю землевладельцы присваивают себе, в форме земельной ренты, часть прибавочной ценности, производимой рабочими капиталистических предприятий в сельском хозяйстве.

Рента, как подчиненная часть прибавочной ценности, производимой в сельском хозяйстве сверх средней промышленной прибыли, возникает лишь в результате долгого развития капиталистического производства, лишь в результате подчинения торгового и ростовщического капитала капиталистическому производству. В этом отношении развитие понятия совпадает с развитием самого капиталистического общества. Однако, различные докапиталистические формы ренты существуют задолго до возникновения капиталистического способа производства. На всех ранних ступенях развития классового общества различные виды докапиталистической ренты (барщина, оброк и т. д.) суть основные формы, в которых господствующие классы извлекают прибавочный продукт от подчиненных классов. Таким образом, снова оказывается, что развитие действительности и развитие понятия о ней не совпадают друг с другом.

С развитием понятия о ренте возникает понятие о капиталистической цене, как о сумме доходов различных классов общества.

Это понятие скрывает под собою новую форму понятия о капиталистическом обществе. Теперь капиталистическое общество определяется, с одной стороны, как общество, в котором производство любой потребительной ценности требует участия многих, в конце концов, всех членов различных классов общества. С другой стороны, это общество определяется теперь, как общество, в котором все материальные условия производства выступают, как источники дохода различных классов общества, и могут быть применены в производстве лишь при условии предоставления их владельцу соответствующего дохода.

Из этого понятия о капиталистическом обществе в свою очередь развивается понятие о нем, как об обществе, в котором взаимная связь целого устанавливается при посредстве деятельности государства и других надстроек над экономической основой капиталистического общества, равно как развивается и понятие о взаимной связи между этой основой и всеми надстройками над ней.

Из понятия о капиталистическом обществе, как о национальном экономическом организме, деятельность которого осуществляется при посредстве деятельности государства и других надстроек, развивается понятие о других подобных же организмах и о взаимной связи между ними. В частности развивается понятие об эмиграции населения из пределов данного государства и о связи между нацией-метрополией и ее колониями.

Таким образом возникает понятие о мировом рынке, но уже не абстрактное понятие о нем, как о взаимной связи товаровладельцев вообще, но понятие о мировом рынке в тех особых формах, в каких он существует в действительности. Это—рынок, на котором конкурируют отдельные экономические организмы, капиталистические нации весьма сложного строения.

Средством этой конкурентной борьбы являются не только непосредственно экономические средства, как то: понижение цен на товары, удешевление производства и т. д., но и экономические мероприятия государства: меры таможенной политики и т. д. Эта же борьба находит себе продолжение и в остальных мерах международной политики. Ее средством, в конечном счете, служит и вся деятельность дипломатии. Сами войны в эпоху капитализма являются формами вооруженного разрешения вопросов конкурентной борьбы.

Из этого конкретного понятия о капиталистической конкуренции вытекает конкретное понятие об экономических кризисах, правильно повторяющихся через известные промежутки времени и с каждым разом все более ясно обнаруживающих все противоречия капиталистического общества.

Кризис является средством насильственного разрешения этих противоречий. Последние, однако, возрождаются вновь и вновь и, в конце концов, обостряются настолько, что единственной формой кризиса, разрешающего противоречия капиталистического общества, становится уничтожение этого общества, вместе со всеми

его противоречиями, при посредстве пролетарской революции.

И здесь развитие самого капиталистического общества с одной стороны, совпадает, с другой—не совпадает с развитием понятия о нем.

Действительное капиталистическое общество не только было с самого начала обществом с весьма сложным классовым строением, обществом, в котором производство любой потребительной ценности требует прямого или косвенного участия, в конечном счете, всех членов всех классов этого общества; оно с самого начала было не только обществом, в котором материальные условия производства могут быть применены в производстве лишь при условии принесения дохода своим владельцам; оно с самого начала было не только обществом, экономическая жизнь которого осуществлялась при посредстве деятельности государства и других надстроек над его экономической основой, но само государство и остальные надстройки существовали в своей докапиталистической форме задолго до возникновения капиталистического общества. Их существование отнюдь не является результатом развития капиталистического общества, но, наоборот, предварительным условием возникновения последнего. Точно так же задолго до возникновения капиталистического строя существовали и эмиграция населения, и колонизация, и борьба государств друг с другом, и докапиталистический мировой рынок, на котором действовал торговый и ростовщический капитал.

Все это были условия, а не результаты развития капиталистического общества, хотя, понятно, это были докапиталистическая эмиграция, докапиталистическая колонизация, докапиталистическая борьба государств и докапиталистический мировой рынок, конкуренция на котором носила иной характер, чем капиталистическая конкуренция. Так, докапиталистическому миру незнакомы явления, подобные современным экономическим кризисам.

Наоборот, капиталистическое государство, капиталистические надстройки над экономикой, капиталистическая эмиграция, капиталистические колонии, капиталистическая конкуренция являются, конечно, продуктом капиталистического способа производства и вместе с тем условиями его дальнейшего развития (но отнюдь не предварительными условиями его возникновения).

В этом смысле можно и в данном случае говорить о совпадении между развитием действительности и развитием понятия о ней.

Наконец, что касается понятия о переходе капиталистического общества в коммунистическое, понятия, изображающего конкретные формы этого перехода, то действительное развитие, наконец, соответствует развитию понятия на этой ступени.

ГЛАВА III

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ О ТОВАРЕ И ПОНЯТИЯ ОБ ОБЩЕСТВЕ ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ, КАК ПЕРЕХОД КАЧЕСТВА В КОЛИЧЕСТВО И КОЛИЧЕСТВА В КАЧЕСТВО

Диалектическое развитие понятия об общественных отношениях товарного производства и отражение этого развития в диалектическом развитии понятия о товаре происходит в форме и при посредстве непрерывно происходящих качественных изменений формы понятия об обществе и формы ценности. Однако эти изменения, прежде чем они достигнут известного уровня, оставляют неизменной общую форму понятия о ценности и о товарном обществе, приобретая значение лишь особых изменений, знаменующих собою лишь ту или иную количественную ступень в развитии данного понятия. Качество непрерывно переходит в количество.

Это продолжается до тех пор, пока на известной ступени развития количественное изменение одних элементов общей формы понятия в одну сторону, других—в другую не станет означать качественного изменения самой общей формы. Количество, таким образом, переходит в качество.

Общее понятие об общественном производстве есть понятие о производстве потребительных ценностей, обладающих различным значением в зависимости от их качества. С возникновением понятия о товарном производстве оказывается, что потребительные ценности, производимые в обществе товаропроизводителей, суть ценности. Как ценности, они одинаковы друг с другом. Они лишаются, как ценности, своих качественных различий. Как ценности, они могут отличаться друг от друга лишь по количеству, как различные суммы ценности. Качество, таким образом, переходит в количество.

Все развитие понятия об обществе товаропроизводителей находит себе выражение в развитии форм ценности, т. е. в развитии процесса превращения всех качественных отличий в безразличные количественные различия. Этот процесс превращения качества в количество приводит, в конце концов, к понятию о

превращении товарного производства в его наиболее развитой капиталистической форме в непосредственно общественное производство потребительных ценностей. Происходит обратное превращение количества в качество.

Первой формой ценности является простая, единичная форма ценности. Известное количество товара, скажем, 10 метров холста, приравняются известному количеству другого товара, скажем, 1 сюртуку.

Однако мысль о том, что известное количество одного товара равно известному количеству другого товара, включает в себя, как уже неоднократно упоминалось, не только мысль о том, что данный товар, например, тот же холст, равен сюртуку, но и мысль о том, что холст равен, например, пшенице, водке и т. д.

Всякое новое выражение для ценности холста означает по существу возникновение и развитие зародышей понятия о новой, качественно иной форме ценности, именно о полной развернутой форме ценности. Однако до тех пор, пока в результате повторений единичной формы ценности не возникает понятия о том, что ценность холста находит себе выражение во всей совокупности других товаров, а не в том или другом отдельном товаре,—до тех пор повторное выражение ценности во все новых и новых товарах имеет значение лишь увеличения числа выражений ценности холста в простой единичной форме. Таким образом качество первоначально переходит в количество. Лишь достигнув известного размера, эти количественные изменения переходят в качественные. Простая форма ценности превращается в полную, развернутую.

Далее, если речь идет не о случайном обмене холста на всю совокупность других товаров, но о развернутой форме выражения его ценности, то тем самым предполагается, что обмен холста на все остальные товары имеет место неоднократно. Это изменение понятия о развернутой форме ценности имеет непосредственно характер количественного изменения. Хотя в нем и скрывается в зародыше переход к новому, качественно иному понятию о ценности, а именно к понятию о всеобщей форме ценности, однако здесь качество переходит в количество.

Если неоднократный обмен холста на все другие товары представлять себе, как постоянное явление, то, тем самым, холст понимается, как вещь, обладающая значением всеобщего эквивалента тех товаров, которые на него обмениваются, а потому, как вещь, имеющая значение всеобщего эквивалента для своего владельца. Возникает качественно новая, всеобщая форма ценности. Количество переходит в качество.

Далее, понятие о всеобщей форме ценности товара означает, что товар, например, холст, есть всеобщий эквивалент для своего владельца. Но это понятие в той же мере означает, что и любой другой товар, например, пшеница и водка, суть всеобщие эквиваленты для своих владельцев.

Пока в качестве всеобщих эквивалентов мыслятся лишь не-

сколько отдельных товаров, до тех пор это — рост числа выражений всеобщей формы ценности. Это — лишь количественное изменение, хотя в нем и содержится уже в зародыше необходимость перехода к денежной форме. Иначе говоря, эти изменения имеют по существу качественное значение, но качество здесь переходит в количество.

Однако, если из понятия о всеобщей форме ценности следует, что не только данный товар (холст) имеет значение всеобщего эквивалента, но что такое же значение имеет и любой другой, третий и т. д. товар, то, значит, каждый товар имеет значение всеобщего эквивалента.

Последнее же, как показано выше, предполагает, что только один единственный товар непосредственно имеет значение всеобщего эквивалента, все же остальные товары непосредственно лишены этого значения и приобретают его лишь посредством обмена на единственный всеобщий эквивалент, на деньги.

Таким образом, возникает понятие о качественно новой форме ценности, понятие о денежной форме. Количество, таким образом, переходит в качество.

Все предыдущие формы ценности, простая, развернутая и всеобщая, уже были зародышами понятия о денежной форме ценности, несовместимой с непосредственным обменом товаров друг на друга. Поэтому их развитие и привело к понятию о деньгах. Однако все предшествовавшие формы понятия о ценности были понятиями о непосредственном обмене товаров друг на друга.

Качественное различие одной формы от других непосредственно означало лишь большее или меньшее развитие понятия о непосредственном обмене товаров друг на друга, т. е. имело лишь количественное значение.

Качество, таким образом, непрерывно превращалось в количество, пока, наконец, из этого количественного развития не возникло понятие о денежном обмене. Количество, таким образом, перешло в качество.

Новое качество обмена, однако, заключается в том, что всякий товар посредством обмена оказывается деньгами, т. е. лишается всех своих особых качеств. Все товары оказываются лишь известными количествами денег. Новое качество обмена, таким образом, заключается в том, что количество переходит в качество.

Первой особой формой понятия о деньгах является понятие о мере ценности и о масштабе цен. Это понятие означает, что товар приравнивается в сознании товаропроизводителей к известному количеству денег. Однако, если деньги действительно мыслятся, как мера ценности и масштаб цен, то, тем самым, мыслится не единичное и случайное приравнивание товара и денег, но их неоднократное приравнивание друг другу.

Понятие о различии между однократным и многократным приравниванием товаров и денег есть непосредственно понятие лишь о количественном различии. Хотя переход к понятию о многократ-

ном приравнении товаров и денег уже скрывает в зародыше переход к понятию о новой, качественно иной форме денег, а именно к понятию о средстве обращения,—однако качество здесь переходит в количество.

В конце концов многократное приравнение товаров к деньгам следует понимать как приравнение товаров к деньгам, во всех случаях обмена. А это, как показано в предыдущей главе, предполагает деятельность денег, как средства обращения.

Таким образом, если переход понятия о приравнении товара деньгам в понятие об их многократном приравнивании друг другу означал переход качества в количество, то переход понятия о многократном приравнении товаров деньгам в понятие о приравнивании их во всех случаях обмена означает переход количества в качество, возникновение новой, качественно иной формы понятия о деньгах, а именно, понятия о средстве обращения.

Понятие о деньгах, как средстве обращения, означает, что товар в обмене превращается непосредственно не в другой товар, но в деньги. Лишь деньги вслед затем превращаются в другой особый товар. Однако отдельный случай превращения товара в деньги и денег в товар не означает еще, что деньги уже обладают значением средства обращения.

Понятие о деньгах, как средстве обращения, предполагает не однократное, но многократное превращение товаров в деньги и денег в товары.

Различие между однократным и многократным обменом товаров на деньги и денег на товары есть количественное различие. Хотя переход к понятию о многократном превращении товаров в деньги и денег в товары и содержит в зародыше переход к понятию о новой денежной форме, а именно к понятию о сокровище, однако качество здесь еще переходит в количество.

Однако, если товары не случайно превращаются в деньги, но деньги действительно играют роль средства обращения товаров, то многократное превращение товаров в деньги и денег в товары следует понимать в том смысле, что обмен во всех случаях его осуществления протекает именно в этой форме. Различие между многократным превращением товаров в деньги и денег в товары с одной стороны и осуществлением обмена в этой форме во всех случаях обмена—с другой, непосредственно также есть лишь количественное различие. Однако превращение товара в деньги во всех случаях обмена предполагает, что у товаропроизводителей имеются денежные запасы, сокровища, при посредстве которых они покупают необходимые им товары в тех случаях, когда они одновременно с этим не продают своего собственного товара.

Так возникает понятие о деньгах как сокровище. Количество снова переходит в качество.

Если роль денег в обществе понимается, как выполнение ими роли сокровища, то это значит, что деньги в форме сокровища накоплены не у того или другого отдельного лица, а у многих лиц.

Различие между накоплением сокровища в одних руках и в руках многих лиц—есть количественное различие. Хотя в переходе к понятию о накоплении сокровищ в руках многих лиц и содержится уже в зародыше переход к новому, качественно иному понятию о деньгах, а именно к понятию о деньгах как платежном средстве, однако качество здесь переходит в количество.

Накопление сокровищ в руках многих лиц следует мыслить, как накопление их в руках значительной части членов общества, в конечном счете, в руках всех товаропроизводителей. Однако высокий уровень накопления сокровищ предполагает, как выяснено выше, что деньги действуют и как платежное средство. Количество, таким образом, переходит в качество.

Понятие о деньгах, как платежном средстве, также не исчерпывается понятием о совершении в кредит отдельной сделки. Если деньги понимаются, как действительно играющие в обществе товаропроизводителей роль платежного средства, то тем самым предполагается, что они играют эту роль неоднократно во многих сделках. Однако известный количественный уровень развития деятельности денег, как платежного средства, означает, как показано выше, и выполнение деньгами роли мировых денег. Если переход к понятию мировых денег и был скрыт под количественным различием многократного выполнения деньгами роли платежного средства от однократного выполнения ими этой роли, если качество переходило в количество, то теперь количество снова переходит в качество.

Понятие о деньгах, как мировых деньгах, предполагает, что товаропроизводители находятся не в одинаково благоприятных условиях. Эти различия имеют форму чисто количественных различий: более или менее благоприятных условий, хотя из понятия об этих различиях и вытекает понятие о разделении общества товаропроизводителей на два качественно различных класса: наемных рабочих и капиталистов. Качество переходит здесь в количество.

Развитие этих количественных различий до известного высокого уровня (а такое развитие вытекает из понятия о деньгах, как мировых деньгах) означает расчленение общества товаропроизводителей на два класса, наемных рабочих и капиталистов. Количество, таким образом, снова переходит в качество.

Различные формы денег качественно отличаются друг от друга. Однако все эти формы при всех своих качественных различиях укладываются в общую форму понятия о простом денежном обращении. Одни из форм денег означают более высокое, другие менее высокое развитие этого понятия. Различие между более высоким и менее высоким уровнем развития есть количественные различия. Таким образом, качественные различия между отдельными формами денег получают значение лишь количественных различий. Качество переходит в количество.

На известном уровне развития понятие о простом денежном

обращении переходит, однако, в понятие о капитале. Количество переходит в качество.

Новое качество общественных отношений находит себе, однако, выражение в том, что деньги становятся капиталом, т. е. ценностью, которая, оставаясь неизменной по качеству, возрастает количественно.

Качественное различие между буржуазией и пролетариатом находит себе выражение в том, что созданная в производстве новая ценность распадается на две одинаковые по качеству, могущие быть различными лишь по своим размерам части: возмещение заработной платы и прибавочную ценность. Качество, таким образом, переходит в количество.

Первоначальной формой понятия о капиталистическом производстве является понятие о производстве абсолютной прибавочной ценности.

Если производство абсолютной прибавочной ценности понимать как ту форму, кскою обладает все общественное производство, то тем самым предполагается, что этой формой обладает не только производство одного какого-либо предприятия, но многих.

Различие между производством одного товаропроизводителя и производством многих товаропроизводителей—чисто количественное различие. Однако, если эти многие товаропроизводители суть все товаропроизводители, то из понятия о столь развитом обществе товаропроизводителей, как видно из предыдущей главы, вытекает понятие о производстве относительной прибавочной ценности.

Количество, таким образом, переходит в качество, обнаруживая тем самым, что и количественное различие между производством абсолютной прибавочной ценности в одном и во многих предприятиях было лишь перешедшим в количество качественным различием.

Подобным же образом обстоит дело и с различными видами производства относительной прибавочной ценности.

Новое качество, которым производство относительной прибавочной ценности отличается от производства абсолютной прибавочной ценности, заключается прежде всего в том, что производство относительной прибавочной ценности предполагает сотрудничество многих рабочих, а не труд одного рабочего. Иными словами, различие между производством абсолютной и относительной прибавочной ценности есть количественное различие. Однако это количественное различие в числе рабочих означает, что в материальном производстве действуют новые, по самому существу своему общественные производительные силы, качественно отличные от тех, какие могут быть применены отдельным рабочим. Количество, таким образом, переходит в качество. Однако качественно иной характер этих общественных производительных сил обнаруживается лишь в том, что при условии их применения производство прежнего количества потребительных ценностей требует затраты меньшего количества труда, чем при условии их

единоличного производства. Качество, таким образом, переходит в количество.

Первоначальная форма понятия о сотрудничестве есть понятие о простом сотрудничестве.

Простое сотрудничество в его развитой форме нельзя мыслить, как сотрудничество немногих лиц. Сотрудничество немногих лиц не обнаруживает всех присущих совместному труду людей особенностей. Эти особенности обнаруживают себя в полной мере лишь при совместном труде многих лиц.

Различие между совместным трудом немногих лиц и совместным трудом множества людей есть непосредственно количественное различие. Однако, если размеры сотрудничества мыслить достаточно большими, то окажется, что это—сотрудничество людей, между которыми труд может быть разделен и (поскольку капиталист стремится к использованию всех особенностей нанятой им рабочей силы) необходимо бывает разделен на отдельные простые движения. Понятие о простом сотрудничестве переходит, таким образом, в понятие о разделении труда. Это—новая, качественно иная форма сотрудничества. Количество, таким образом, переходит в качество.

Чем больших размеров достигает простое сотрудничество, тем в большей мере скрываются в нем условия для применения разделения труда. Таким образом, в количественных различиях между простым сотрудничеством немногих лиц и простым сотрудничеством многих людей уже скрывается качественное различие между простым сотрудничеством и разделением труда, но до известных пределов эти качественные различия сохраняют форму чисто количественных различий. Качество переходит в количество.

Понятие о разделении труда также не следует мыслить как разделение труда между немногими сотрудниками. Разделение труда между немногими людьми не дает возможности обнаружить все силы, присущие разделению труда; труд между немногими людьми не может быть разделен на действительно простые части. Разделение труда может быть проведено с тем большей чистотой и полнотой, чем больше (правда, до известных пределов) число сотрудников, чем на большее число более простых действий может быть разделен труд.

Различие между большими или меньшими размерами разделения труда есть непосредственно чисто количественное различие, хотя чем большими мыслятся размеры разделения труда, тем больше условий для применения машин предполагается в данном производстве; таким образом, различие между разделением труда среди немногих лиц и разделением труда среди многих сотрудников по существу—качественное различие, однако, качество здесь до известных пределов переходит в количество.

Если разделение труда мыслить в достаточно больших размерах; если процесс труда понимать, как процесс труда, разложенный на достаточно большое количество простых действий,

тогда необходимо представлять себе, что эти действия переданы машине, но не осуществляются непосредственно рукой человека. Различие между ручным (мануфактурным) разделением труда и машинным производством есть качественное различие. Количество таким образом переходит в качество.

Само новое качество нового производства заключается, однако, именно в том, что все качественно различные виды труда становятся безразличными. Машинное производство стирает качественные различия между различными видами труда, превращая всякий труд лишь в затрату известного количества труда вообще, лишённого всяких качеств абстрактного труда.

Переход количества в качество заключается, таким образом, в том, что качество переходит в количество.

Все виды понятия о капиталистическом обществе, в котором капиталист эксплуатирует в производстве как единоличные, так и общественные производительные силы рабочих, т. е. все виды понятия о производстве абсолютной и относительной прибавочной ценности основаны на понятии о покупке капиталистом рабочей силы. Капиталист, уплачивая рабочему ценность его рабочей силы, заставляет на этом основании рабочего расходовать свою рабочую силу по указанию капиталиста.

При том относительно высоком уровне развития производительной силы общественного труда, какая предполагается налицо при капиталистическом производстве, расходование рабочим всей его рабочей силы означает затрату большего количества труда, чем необходимо для воспроизводства ценности его рабочей силы. Ценность рабочей силы определяется ценностью средств существования, необходимых для воспроизводства всего класса рабочих в размерах, потребных для всего класса капиталистов.

Однако покупку рабочей силы нельзя понимать, как покупку ее всем классом капиталистов, как одним целым, у всего класса рабочих, как единого целого. Каждый отдельный капиталист уплачивает каждому отдельному рабочему за его рабочую силу отдельно и в среднем столько, сколько на долю данного рабочего приходится, если рассматривать его рабочую силу лишь, как известную долю средней общественной рабочей силы.

Различие между покупкой рабочей силы всего рабочего класса всем классом капиталистов и покупкой рабочей силы отдельного рабочего отдельным капиталистом есть непосредственно чисто количественное различие.

Далее, оплату отдельным капиталистом рабочей силы одного отдельного рабочего нельзя понимать, как оплату одним капиталистом сразу всей рабочей силы данного рабочего.

Покупку рабочей силы следует мыслить, как покупку ее отдельным капиталистом на известный срок, по окончании которого сделка между данным капиталистом и данным рабочим может быть и не возобновлена. На следующий срок рабочая сила данного ра-

бочего может быть куплена другим капиталистом или остаться вовсе не проданной.

Каждый отдельный капиталист оплачивает не всю ценность силы рабочего в течение всей жизни последнего, но лишь часть этой ценности. Он оплачивает рабочую силу лишь постольку, поскольку рабочий работает у него.

Далее, поскольку один рабочий производит больше, а другой меньше потребительных ценностей в течение одного и того же рабочего времени, постольку одно и то же рабочее время одного из них означает затрату больше чем одной средней рабочей силы, а другого—меньше. Соответственно с этим и рабочая сила одного рабочего оплачивается, например, как две средних рабочих силы, другого—как $\frac{1}{2}$ средней общественной рабочей силы, и т. д.

Таким образом не только оказывается, что рабочему платят за его рабочую силу лишь тогда, когда он работает, но он получает больше или меньше в зависимости от того, сколько он работает.

Разница между оплатой рабочей силы отдельного рабочего сразу и оплатой ее по частям есть чисто количественная разница, точно так же как и разница между одной средней общественной рабочей силой и двумя или половиной их рабочих сил. Однако покупка рабочей силы рабочего по частям, в особенности в связи с оплатой ее в зависимости от того, насколько данная рабочая сила обладает качествами средней рабочей силы, означает превращение ценности рабочей силы в качественно иную, новую форму, в форму заработной платы. Количество переходит в качество.

Тем самым обнаруживается, что и переход от понятия об оплате рабочей силы всего рабочего класса всем классом капиталистов к понятию об оплате рабочей силы отдельного рабочего отдельным капиталистом уже включает в себе переход к понятию о заработной плате, т. е. имеет качественное значение. Качество в этом случае, однако, переходит в количество.

Простое повторение капиталистического процесса производства лишь количественно отличается от однократного процесса производства. Хотя понятие о повторении производства вообще и содержит уже в себе переход к понятию о воспроизводстве, т. е. имеет значение качественного различия, однако, не всякое повторение процесса производства уже означает воспроизводство. Если повторение производства не носит постоянного характера, то нельзя говорить о воспроизводстве, в действительном смысле этого понятия. Можно говорить лишь о большем или меньшем количестве процессов производства. Качество, таким образом, переходит здесь в количество.

О воспроизводстве можно говорить лишь в том случае, если предполагается, что процесс производства всякий раз порождает свое повторение. Различие между повторением производства всякий раз и его многократным повторением (или же его повторением в немногочисленных отдельных случаях) есть непосредственно чисто количественное различие. Однако понятие о воспроизводстве

есть понятие с качественно иным содержанием, чем понятие о производстве. Количество здесь, таким образом, переходит в качество.

Само новое качество, однако, заключается ни в чем другом, как в количественном повторении процесса производства. Качество, таким образом, переходит в количество.

Повторяется ли процесс производства, скажем, пять раз или он повторяется десять раз,—это не меняет качественного характера воспроизводства. Различие между повторением пяти или десяти кругооборотов есть чисто количественное различие. Однако в течение каждого кругооборота накапливается известное количество прибавочной ценности. Если воспроизводство понимается, как повторение процесса производства достаточное количество раз, то в производстве предполагается накопление такого количества прибавочной ценности, что она применяется в качестве добавочного капитала. Повторное применение первоначального капитала и применение в производстве накопленной прибавочной ценности,—вещи качественно различные.

Таким образом, количество здесь переходит в качество. Тем самым обнаруживается, что и предшествующее простое воспроизводство капитала необходимо понимать не просто, как количественное повторение производства, но, как переход к применению, в качестве нового капитала накопленной прибавочной ценности. Повторение процессов производства в прежнем размере имело, таким образом, по существу, качественный характер. Однако, это качество непрерывно переходило в количество.

Далее, разница между применением в качестве капитала в повторном процессе производства одной лишь накопленной прибавочной ценности, скажем, суммы в 1 000 руб. при первоначальном капитале в 10 000 руб. и применением какой-либо суммы большей, чем 1 000 руб., есть чисто количественная разница. Однако, когда разница между суммой в 1 000 руб. и действительно применяемой в повторном процессе производства в качестве капитала суммой превысит 9 000 руб., т. е. если вновь применяемая в качестве капитала сумма превысит 10 000 руб., то воспроизводство получит качественно новую форму расширенного воспроизводства. Тем самым обнаруживается, что количественное увеличение применяемого при повторном производстве капитала имеет в существе качественное значение. Качество, однако, до известного предела переходит в количество, а затем количество переходит в качество.

Различие между более быстрым или менее быстрым расширением производства есть непосредственно чисто количественное различие. Однако, если степень расширения производства мыслится достаточно высокой, то рост капитала нужно мыслить не просто, как аккумуляцию капитала, но и как его централизацию. Ускорение расширения капитала имеет, таким образом, в своем существе качественное значение. Качество, однако, до поры до времени пе-

переходит здесь в количество и лишь на известном уровне количество переходит в качество.

Все эти качественно отличные друг от друга формы процесса производства капитала подходят, однако, под одно общее понятие. Все это—различные особые формы производства капитала. Одна особая форма отличается от другой лишь тем, что одна знаменует более высокую, а другая—менее высокую степень развития понятия о производстве капитала. Иначе говоря, отличие одной формы от другой приобретает только количественное значение. Качество переходит, таким образом, в количество.

Однако на известной ступени развития понятие о производстве капитала переходит в понятие об обращении капитала. Количество переходит в качество.

В самом деле, если воспроизводство капитала и означает лишь количественное повторение процесса производства в том же или в количественно увеличенном размере, то все же переход от одного процесса производства к другому, повторному, нельзя мыслить иначе, как при посредстве процесса обращения.

Тем самым возрастание капитала получит форму его возрастания в обращении.

Повторение кругооборота обращения капитала есть непосредственно лишь количественное увеличение числа кругооборотов. Однако, если повторение числа кругооборотов происходит в таком количестве, что возобновление кругооборота нельзя уже рассматривать как случайное дело, то понятие об обращении капитала переходит в понятие об обороте капитала.

Это—качественно новая форма понятия о капитале. В самом деле, если капитал понимать, как находящийся в непрерывном обороте, то для капитала оказывается безразличным, на какой ступени кругооборота находится та или другая часть капитала: находится ли она непосредственно в производстве или непосредственно в обращении и на какой именно ступени процесса производства или обращения. Это безразличное—с точки зрения возрастания капитала—отношение к производству и обращению является новым качеством капитала, которого не обнаруживалось на более низких ступенях развития понятия о капитале. Обнаружение этого качества есть результат того, что капитал понимается, как капитал, разделенный на части, одинаковые по качеству, но одновременно находящиеся на разных ступенях кругооборота. Качество отдельных частей капитала можно мыслить одинаковым вследствие количественного повторения кругооборотов каждой отдельной части. Тем самым обнаруживается, что понятие о количественном увеличении числа кругооборотов капитала заключает в себе переход к понятию об обороте капитала, т. е. имеет качественное значение. Качество, однако, до известных пределов переходит в количество, и лишь при том условии, если повторение кругооборота наступает всякий раз по окончании предыдущего кру-

гооборота, количество переходит в качество, и возникает понятие об обороте капитала.

Новое качество новой формы понятия о капитале заключается, однако, лишь в том, что все качественные различия между производством и обращением, а тем более между отдельными ступенями производства или обращения стираются. Время производства и время обращения получают одинаковую форму безразличных частей оборота, как единого целого. Это—части оборота, которые, если и отличаются одна от другой, то лишь тем, что одни из них занимают большее количество времени, другие—меньшее.

Новое качество заключается, таким образом, лишь в том, что качество переходит в количество.

Понятие о чисто количественном соединении оборотов отдельных капиталов друг с другом непосредственно не имеет качественного значения. Однако, если это соединение мыслится, как соединение оборотов всех отдельных капиталов, то понятие об обороте отдельных капиталов превращается в понятие о воспроизводстве всего общественного капитала. Это—новая, качественно новая форма капитала. Характер воспроизводства отдельного капитала непосредственно не определяется материальным характером тех продуктов, в каких этот капитал воплощается непосредственно в результате производства. Если отдельный капитал вложен, например, в производство холста, то это отнюдь не значит, что в дальнейшем этот капитал будет помещен в производство тех вещей, которые можно изготовлять из холста. Продав холст, ткач на вырученные деньги покупает все, что необходимо для дальнейшего производства, совершенно вне зависимости от того, что он продал именно холст, а не пшеницу или железо. Он может на вырученные деньги купить средства производства холста и вновь заняться этим производством, но он может заняться и колбасным делом, купив соответствующие средства производства. Тот факт, что им был произведен именно холст сам по себе, не имеет здесь никакого значения.

Наоборот, воспроизводство всего общественного капитала возможно лишь при том условии, если в закончившемся процессе общественного производства были произведены необходимые для этого потребительные ценности. Так, если ни одна часть общественного капитала не была занята, скажем, в производстве пряжи, то в дальнейшем производство холста становится невозможным.

Таким образом, переход к понятию о воспроизводстве всего общественного капитала есть переход количества в качество.

Тем самым обнаруживается, что и вообще переход от понятия об одном отдельном капитале к понятию о взаимной связи оборотов нескольких капиталов уже содержал в себе переход к понятию с иным качеством, т. е. имел качественное значение. Однако, качество здесь переходило в количество.

Неоднократное повторение производства в прежнем размере

непосредственно отличается от одного кругооборота всего общественного капитала лишь по количеству кругооборотов. Однако, если мыслить количество повторяющихся друг за другом кругооборотов достаточно большим, то возникает понятие о превращении общественной прибавочной ценности в добавочный капитал и, далее, понятие о расширенном воспроизводстве всего общественного капитала.

Здесь имеют место те же переходы качества в количество и количества в качество, какие уже имели место при переходе от понятия о простом воспроизводстве отдельного капитала к понятию о расширенном воспроизводстве.

С превращением прибавочной ценности в капитал одна часть ее затрачивается на приобретение средств производства, как постоянный капитал, другая часть—на рабочую силу, как переменный капитал. Безразличные части ценности приобретают вследствие этого различное качество. Одна часть ценности оказывается способной к возрастанию, другая—нет.

Для использования рабочей силы в качестве источника прибавочной ценности недостаточно, однако, одного лишь переменного капитала. Для этого необходимы и другие части капитала: те, которые затрачиваются прежде всего на орудия, затем на сырье, на вспомогательные материалы, на здания и т. д. Поскольку вложение всех этих частей капитала является необходимым условием создания прибавочной ценности, постольку прибавочная ценность представляется продуктом всех этих частей капитала, а не только переменного капитала.

Рассматривать ли, как переменный капитал (т. е. как часть капитала, способную к самовозрастанию) только ту часть, которая затрачивается на рабочую силу, или же также и ту часть, которая затрачивается на орудия и т. д.,—разница между одним и другим способом рассмотрения непосредственно имеет форму лишь количественной разницы. Правда, здесь уже заключается переход к отрицанию различий между постоянным и переменным капиталом, однако качество здесь еще переходит в количество.

В конце концов, однако, все части капитала необходимы для создания прибавочной ценности, поэтому все они представляются, как источник прибавочной ценности, как способные к самовозрастанию, т. е. переменные части капитала. Однако, если весь капитал есть переменный капитал, то тем самым падает различие между переменным и постоянным капиталом. Возникает новая форма понятия о капитале, именно понятие о капитале, как источнике прибыли. Количество переходит в качество.

Однако само это новое качество заключается лишь в том, что столь различные по качеству части капитала, как постоянный и переменный капитал, принимают форму безразличных частей капитала, которые могут отличаться друг от друга лишь по размерам. Качество, таким образом, переходит в количество.

Понятие о капитале, как об источнике прибыли, есть прежде

всего и непосредственно понятие об отдельном капитале, как об источнике прибыли.

Однако это понятие не исчерпывается понятием об одном отдельном капитале. Это понятие означает, что не только один, но и многие капиталы приносят прибыль. Разница между одним и многими капиталами, как источниками прибыли, есть лишь количественная разница.

В переходе от понятия об одном отдельном капитале, как источнике прибыли, к понятию о многих капиталах, как источниках прибыли, уже скрывается переход к новой, качественно иной форме понятия о прибыли с отдельного капитала, именно к понятию о ней, как об известной доле прибыли, созданной всем общественным капиталом в целом. Однако, до известного предела качественный характер этого развития ни в чем не обнаруживается. Качество переходит в количество. Однако, когда понятие о капитале, приносящем прибыль, принимает форму понятия о совокупности всех отдельных капиталов, как об общественном капитале, производящем всю общественную прибыль,—тогда количество переходит в качество.

Капиталы различных отраслей производства превращаются в безразличные части всего общественного капитала, получающие прибыль в соответствии лишь со своими размерами. Прибыль превращается в среднюю прибыль. Новое качество заключается, таким образом, лишь в том, что все качественные различия между капиталами различных отраслей производства стираются. Все они становятся если и различными, то лишь по размерам, т. е. лишь количественно различными частями общественного капитала. Качество, таким образом, переходит в количество.

Качественные различия между отдельными капиталами внутри одной и той же отрасли производства находят себе выражение лишь в том, что уровень их прибыли различен. И здесь качество переходит в количество. Однако именно эти количественные различия в прибыли и ведут к уничтожению технически отсталых форм производства, к изменению качественного характера производства. Количество переходит в качество. Это качественное изменение материальных способов производства, в свою очередь, находит себе выражение лишь в количественном изменении нормы прибыли, а именно в ее падении. Так качество снова переходит в количество.

Каждый отдельный капитал, приносящий среднюю прибыль, понимается первоначально, как капитал, одни части которого всегда находятся непосредственно в процессе производства, другие—в процессе обращения. Поэтому и весь общественный капитал надо рассматривать, как такой капитал, одна часть которого, состоящая в свою очередь из чуждых друг другу частей различных независимых друг от друга капиталов, постоянно занята в производстве, другая подобная же часть—в обращении.

Понятие о соединении вместе отдельных частей разных капи-

талов, занятых в производстве, и отделение их от тех частей соответствующих капиталов, которые заняты в обращении, есть непосредственно лишь количественное разделение и сложение частей отдельных капиталов.

Если речь идет о соединении и разделении, имеющем место во многих случаях, то в нем уже содержится переход к качественно новому понятию о капитале, именно к понятию о разделении капитала на торговый и промышленный капитал. Однако до известных пределов качество здесь переходит в количество. Лишь при том условии, если количество случаев разделения и соединения соответствующих частей отдельных капиталов мыслить настолько большим, что отделение капитала, занятого в обращении, от капитала, занятого в производстве, оказывается правилом, а не более или менее распространенным исключением—лишь при этом условии количество переходит в качество. Понятие о капитале получает форму понятия об отдельном существовании торгового и промышленного капитала и о разделении прибыли на торговую и промышленную прибыль.

Если раньше каждый отдельный капитал понимался, как капитал, обладающий всеми свойствами, присущими капиталу на всех особых ступенях его кругооборота, т. е. как самостоятельный капитал, то теперь капитал приходится понимать, как капитал, обладающий либо одним, либо другим особым свойством, присущим капиталу на той или другой ступени его кругооборота. Поэтому теперь каждый особый капитал необходимо мыслить как капитал, который бессилен осуществить свой особый кругооборот без посредства другого дополняющего его капитала: промышленный—без торгового, а торговый—без промышленного.

Однако новое качество капитала находит себе выражение лишь в том, что столь качественно различные области деятельности, как производство и обращение, становятся безразлично одинаковыми, как области для вложения капитала. Капитал одинаково возрастает, вне зависимости от того, вложен ли он в производство или в торговлю. Каждый капитал возрастает лишь в зависимости от своей величины. Качество таким образом переходит в количество.

Далее, понятие о разделении между денежным капиталом, с одной стороны, и торговым и промышленным—с другой, а также о разделении прибыли на две части, из которых одна присваивается денежным, а другая—промышленным и торговым капиталом,—есть непосредственно лишь количественное разделение капитала и прибыли.

Если это разделение мыслить, как имеющее место не в одном отдельном, но во многих случаях, то здесь по существу уже будет содержаться переход к новому, качественно иному понятию о капитале. Однако до известного предела качественный характер этого перехода не обнаружится. Качество переходит в количество. Лишь при том условии, если число случаев отделе-

ния денежного капитала от торгового и промышленного мыслится столь большим, что это отделение оказывается правилом,—лишь при этом условии количество переходит в качество. Денежный капитал получает форму капитала, приносящего проценты и самовозрастающего, вне зависимости от осуществления им той или другой деятельности, присущей капиталу в кругообороте производства и обращения.

Доля прибыли, присваиваемая этим капиталом, приобретает форму процента, прироста ценности, происходящего из самого факта существования капитала, а не из деятельности последнего.

Однако оба качественно различных вида капитала: предпринимательский капитал (торговый или промышленный) и капитал, приносящий проценты, равно как и две качественно различных части прибыли—предпринимательская прибыль и процент—получают одинаковую форму. Это—лишь известные суммы ценности, которые могут различаться только своими размерами. Мало того, сам предпринимательский доход, как показано выше, может быть представлен как процент на фиктивный капитал, а предпринимательский капитал—как фиктивный капитал иного размера. Так, если при норме процента в 5% предпринимательская прибыль с капитала, вложенного в производство, равна, например, 15%, то капитал, равный 1 000 руб. и вложенный в производство, будет иметь значение капитала в 3 000 руб., отданного в ссуду под проценты. Предпринимательская прибыль с этого капитала, равная 150 руб., составит 5% от фиктивного капитала в 3 000 руб., т. е. будет иметь форму процента.

Все виды капитала получают, таким образом, безразличную форму капитала, приносящего проценты. Если один капитал и может в этом случае отличаться от другого, то не своим качеством, но лишь по размерам, т. е. количественно. Качество, таким образом, переходит в количество.

Развитие понятия о части прибавочной ценности, обособленной в форме земельной ренты, первоначально также имеет форму лишь понятия о количественном разделении общественной прибыли. Затем, однако, количество переходит в качество. Одна часть общественной прибыли имеет форму дохода с капитала: прибыли в собственном смысле, другая—форму дохода от земли, земельной ренты. Однако эти качественные различия не находят себе никакого проявления ни в свойствах самой земельной ренты, ни в свойствах процента или предпринимательской прибыли. Все это—лишь известные суммы ценности, которые могут отличаться одна от другой лишь по своим размерам, а не по своим свойствам. Качество снова переходит в количество.

Развитие понятия о заработной плате, о предпринимательской промышленной или торговой прибыли, затем о проценте и, наконец, о земельной ренте было непосредственно развитием понятия о количественном расчленении новой ценности, создаваемой рабочим в производстве, на доли, присваиваемые различными об-

ществующими классами в качестве их доходов. Возникновение каждого нового понятия (заработная плата, прибыль, отделение промышленной прибыли от торговой, понятие об обособлении процента) непосредственно имело только значение понятия о новом количественном расчленении новой ценности. На этих этапах развития еще не возникало понятия о капиталистической цене, как сумме доходов, хотя и создавались условия для перехода к этому понятию. Развитие, таким образом, и на этих этапах имело качественный характер, однако качество здесь переходило в количество. Лишь в результате развития понятия о земельной ренте количество переходит в качество. Возникает понятие о капиталистической цене товара, как сумме доходов различных классов.

Различия между классами, т. е. качественные различия, находят себе, однако, выражение в цене товара лишь в форме получения отдельными членами общества известной доли созданной в производстве ценности. Все эти доли одинаковы по своему качеству и могут отличаться одна от другой лишь по размерам, т. е. количественно. Качество, таким образом, переходит в количество.

Понятие об обществе, разделенном на классы, предполагает выполнение его членами ряда действий, непосредственно не входящих в кругооборот материального производства. Пока такое отделение участников нематериальной деятельности от материального производства не мыслится постоянным явлением, до тех пор это отделение имеет значение лишь количественного соединения и разъединения отдельных проявлений единой деятельности общества. Хотя понятие о таком отделении и содержит уже в себе переход к новому, качественно иному понятию о капиталистическом обществе, а именно переход к понятию о государстве и других надстройках над экономической основой общества,—однако до известных пределов качество переходит в количество.

Лишь при том условии, если отделение нематериальной деятельности от материального производства мыслится правилом для капиталистического общества, количество переходит в качество. Понятие о капиталистическом обществе получает форму понятия об обществе, в котором осуществление всего кругооборота его материального производства обеспечивается при посредстве деятельности государства и других надстроек над экономической основой общества.

Однако это новое качество находит себе выражение в цене товара лишь в форме нового количественного расчленения цены: в форме обособления в этой цене части, оплачивающей существование государства и всех вообще непродовольственных классов общества. Качество, таким образом, переходит в количество.

Понятие о капиталистическом обществе, как о национальном организме, в своем развитии переходит в понятие о многих таких организмах, существующих рядом друг с другом и находящихся во внешнем взаимодействии. До тех пор, пока множество таких

организмов еще не мыслится, как совокупность всех взаимодействующих организмов, различие между многими и одним организмом остается чисто количественным различием. Если в переходе к понятию о многих организмах и содержится переход к понятию о мировом рынке, т. е. качественный переход, то все же до известных пределов качество переходит в количество.

Лишь понимание многих взаимодействующих национальных организмов, как связи их всех, означает переход количества в качество, переход к понятию о мировом рынке.

Это новое качество, однако, находит себе выражение в цене товаров лишь в форме уравниения цен при посредстве мировой конкуренции по среднему для мирового рынка уровню. Качество снова переходит в количество.

Образование цен на мировом рынке означает, что всякий раз по истечении известного количества времени создаются такие количественные уровни цен, которые препятствуют дальнейшему воспроизводству в капиталистической форме, ибо не обеспечивают капиталистам прибыли, достаточной для того, чтобы приложение капиталов в производстве было выгодным и в дальнейшем. Понятие о развитии капиталистического производства в условиях указанного выше падения нормы прибыли приобретает форму развития при посредстве кризисов.

Неоднократное повторение кругооборотов развития, всякий раз заканчивающихся новым кризисом больших размеров и более разрушительным, чем предыдущий, означает, что капиталистическая форма производства становится все менее совместима с дальнейшим развитием материального производства. Это значит, что каждый новый кругооборот подъема и кризиса следует понимать, как созревание внутри капиталистического общества новых общественных форм, совершенно иного качества: форм коммунистического производства.

Однако это качественное преобразование капиталистического производства находит себе внешнее выражение лишь в виде количественных изменений: в виде повторения прежних по качеству кругооборотов, однако в расширенных размерах, и завершающихся каждый раз более опустошительным кризисом. Качество, таким образом, переходит в количество.

Лишь на известном уровне этого развития, по истечении достаточного количества кругооборотов подъема, процветания, кризиса и зстоя, когда на арене борьбы останутся, в качестве решающих сил, лишь столь производительные предприятия, что средняя норма прибыли окажется слишком низкою для того, чтобы дальнейшая аккумуляция капитала была выгодна, лишь тогда дальнейшее расширение воспроизводства общественного капитала становится невозможным: кризис оказывается безвыходным. Разрешение противоречия можно найти лишь в уничтожении самой его основы: капиталистического способа производства. Количество здесь пере-

ходит в качество. Дальнейшее воспроизводство осуществляется в социалистической форме.

Социалистическое производство, как уже было упомянуто, качественно отличается от всех форм товарного производства. Основным качеством всех форм товарного производства было то, что все качественно различные отношения между людьми принимали форму количественных отношений между безразличными одинаковыми по качеству суммами ценности.

Переход от понятия об общественном производстве вообще к понятию о товарном производстве означал переход качества в количество.

Развитие понятия о товарном производстве было развитием перехода качества в количество. Каждая новая, более развитая форма понятия о товарном производстве означает превращение в количество новой области качественных отношений.

Наконец, на известном уровне этого развития количество снова переходит в качество. Возникает понятие о коммунистическом производстве, основным качеством которого является то, что все качественные отношения снова получают соответствующую им форму качественных отношений.

ГЛАВА IV

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМ ОБЩЕСТВА ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ КАК РАЗВИТИЕ ТОВАРНОГО ФЕТИШИЗМА

В обществе товаропроизводителей все развитие общественных отношений находит себе внешнее выражение в форме, противоположной тому содержанию, которое должно в ней выражаться, а именно в форме ценности.

Чем более развито общество товаропроизводителей, чем более развита форма ценности, выражающая общественные отношения производства в этом обществе, тем больше и противоположность этой формы тому общественному содержанию, которое она должна выражать.

Так, уже товар, взятый сам по себе, должен быть выражением того факта, что в производстве данной потребительной ценности общественный труд был затрачен в форме частного труда независимых товаропроизводителей.

Товар, т. е. материальная вещь, нечто совершенно противоположное общественным отношениям, должен быть формой для выражения этих общественных отношений. Общественные отношения оказываются свойством вещи. Товар приобретает форму сверхъестественной вещи, фетиша, обладающего, помимо своих естественных свойств, еще добавочными, как бы сверхъестественными свойствами, в действительности выражающими общественные отношения товаропроизводителей. Товар не просто материальная вещь, но он—ценность, вещь, которая благодаря своим сверхъестественным свойствам выступает во-вне, как воплощение общественного труда.

Пока речь идет об отдельном товаре, то под фетишистской формой сверхъестественного свойства товара, т. е. под формой ценности, еще сравнительно легко открыть истинное ее содержание. Всякий товар, всякая ценность есть продукт человеческого труда, являющегося частью труда всего общества, т. е. общественного труда. Нет ничего особенно трудного в том, чтобы заметить это обстоятельство и увидеть в затрате общественного труда содержание ценности.

Когда же ценность одного товара выражается в другом товаре, например, когда холст, как ценность, оказывается сюртуком, тогда ценность, с одной стороны, получает более совершенное выражение: становится ясным, что ценность холста не имеет ничего общего с его вещественными свойствами, с его потребительной ценностью, ибо ценность холста обладает совсем иными вещественными свойствами, чем сам холст. Она обладает вещественными свойствами сюртука. Зато распознать, что в сюртуке скрывается общественный труд, затраченный на производство холста, гораздо труднее, чем распознать, что этот труд воплощен в самом холсте. Теперь еще более определенно представляется, что ценность холста это не труд, а материальная вещь, сюртук.

Правда, до тех пор, пока обмен еще понимается, как непосредственный обмен товаров друг на друга, пока не только холст выражает свою ценность в сюртуке, но, вместе с тем, и сюртук выражает свою ценность в холсте,—до тех пор еще можно распознать, что ценность вообще не есть ни сюртук, ни холст, ибо, раз она в равной мере имеет форму и холста и сюртука, то ясно, что это — лишь разные особые проявления ценности, отличные от ценности самой по себе. Очевидно, что ценность не есть та или другая материальная вещь.

Когда же ценность получает форму денег, то, с одной стороны, здесь имеется более совершенное выражение общественного характера труда товаропроизводителей. Говоря, что ценность холста, как и всякого другого товара, есть золото, мы признаем, что ценность холста не имеет ничего общего ни с одним из особых видов частного труда. Ценность имеет вид только золота, но ни пшеницы, ни водки, ни какой-либо другой потребительной ценности. С другой стороны, именно потому, что ценность имеет вид только золота и никакой другой потребительной ценности, невозможно обнаружить, что она отлична от потребительной ценности золота. Теперь ценность получает еще более вещественную форму. Она теперь кажется золотом, как особой материальной вещью, обладающей именно в силу своих материальных свойств сверхъестественной способностью непосредственно обмениваться на другие вещи. Ценность, по своей форме, оказывается отнюдь не воплощением общественных отношений.

Деньги, таким образом, являются более развитым фетишем, чем простой товар.

Однако если ценность имеет форму денег, то в этой форме все же можно распознать, что ценность создается трудом. Если не поработать и не произвести какого-либо товара, то нельзя обладать и деньгами. Для того чтобы произвести золото, в самой золотопромышленности также необходимо затратить труд. Очевидно, что без затраты труда нет и ценности.

Когда же деньги получают форму капитала, тогда оказывается, что новая ценность создается без посредства новой затраты труда со стороны владельца капитала.

Деньги, употребляемые, как капитал, т. е. особая материальная вещь, золото, как будто обладает способностью самовозрастать, превращаться в большее количество золота. Из естественных свойств золота эта способность никак не вытекает. Способность денег быть капиталом представляется, как их сверхъестественная способность, которая, однако, присуща им, повидимому, лишь, как вещи, обладающей определенными материальными свойствами золота.

Правда, капитал в действительности возрастает лишь вследствие затраты рабочими нового труда, и притом не только вследствие затраты нового труда вообще, но вследствие затраты прибавочного труда. Однако, рабочие, вместе с их трудом, являются лишь особою формою, какую получает переменный капитал. Таким образом, выходит, будто не труд создает вещи, как ценности, но, наоборот, капитал, известная денежная сумма, т. е. особая материальная вещь (золото) порождает из себя, как свое особое проявление, и труд, и новую ценность, и ее прирост, абсолютную прибавочную ценность.

Производство абсолютной прибавочной ценности еще обнаруживает в некоторой степени связь ценности с трудом. В самом деле, капиталист получает тем больше прибавочной ценности, чем дольше он заставляет работать каждого отдельного рабочего.

Что же касается всех форм производства относительной прибавочной ценности, то все они означают, что капиталист при посредстве найма отдельных рабочих присваивает себе производительные силы общества и превращает их в силы самого капитала. Все формы производства относительной прибавочной ценности обнаруживают, что прибавочная ценность возрастает без увеличения рабочего дня рабочего, без увеличения затраты его труда. Выходит, повидимому, что ценность создается независимо от труда. Капитал становится еще более сверхъестественной вещью.

Если часть капитала, затрачиваемая на приобретение рабочей силы, имеет форму ценности рабочей силы, форму платы за рабочую силу, а не за труд рабочего, то еще можно распознать, что новая ценность по своей величине определяется размерами затраты труда нанятых рабочих и, значит, создается этим трудом, хотя труд, затрата которого создает новую ценность, составляет собственность капиталиста и по своей форме есть лишь особое проявление переменного капитала.

Когда же ценность рабочей силы принимает форму платы за труд, а не за рабочую силу (т. е. форму заработной платы), получается представление, что, хотя новый труд создает новую ценность, но взамен ее рабочим уплачивается точно такая же ценность в форме заработной платы. От этой операции капитал не мог бы возрасти. Если он все-таки растет, то, повидимому, он растет сам по себе, независимо от труда рабочих. Его прибавочная ценность не есть новый труд, воплощенный в продукте.

Воспроизводство капитала еще в большей степени усиливает

сверхъестественный характер капитала. В самом деле, если капиталист, владеющий капиталом в 100 000 руб., ежегодно потребляет для своих личных целей 10 000 руб. и через 10 лет все же оказывается владельцем тех же 100 000 руб., то видимость, будто капитал действительно самовозрастает, укрепляется еще более.

Еще сильнее укрепляется эта видимость, если по истечении ряда лет капиталист окажется владельцем большей суммы, чем первоначально, т. е. если имеет место расширенное воспроизводство капитала.

Во всех формах производства капитала, однако, видно, что для возникновения прибавочной ценности все же необходим общественный труд. Если же взять капитал в его обращении, то окажется, что капитал возрастает лишь в соответствии со временем его оборота, независимо от того, находится ли капитал непосредственно в процессе производства, или же он находится в обращении. Переменный капитал для двух капиталов может быть одинаков. Одинакова может быть и постоянная часть капитала. Однако, если переменная часть одного из капиталов обернется один раз в году, а переменная часть другого—10 раз, то годовая прибавочная ценность, созданная вторым капиталом, будет в 10 раз больше, чем годовая же прибавочная ценность, созданная первым капиталом. Выходит, будто капитал производит прибавочную ценность независимо от процесса труда.

Все же и здесь, однако, видно, что растет лишь переменный капитал, т. е. та часть капитала, которая затрачивается на покупку рабочей силы. Здесь еще можно усмотреть связь ценности с трудом. Превращение прибавочной ценности в прибыль, начисляемую на весь вложенный капитал, придает всему капиталу форму самовозрастающей ценности. Повидимому, самовозрастает не только переменный капитал, но и постоянный капитал, никогда не превращающийся в труд. Вследствие этого кажется тем более очевидным, что капитал растет, как вещь, от природы обладающая этим сверхъестественным свойством. Кажется, будто капитал возрастает не потому, что в нем выражается известное общественное отношение (присвоение одним классом людей труда, людей другого класса). Кажется, будто капитал есть вещь, которая растет в силу своей собственной природы.

Однако, и в этой форме между производимой капиталом прибавочной ценностью и затратой прибавочного труда рабочих обнаруживается еще известная связь, а именно, два капитала, одинаковые по размеру, но различные по своему органическому составу, будут создавать различную прибыль в соответствии с различным количеством труда, применяемого каждым из них.

Превращение прибыли в среднюю прибыль и превращение ценности в цену производства освобождает капитал даже от этой связи с трудом. Разные капиталы возрастают теперь равномерно,

независимо от того, какое количество труда применяет каждый из них.

Однако, необходимым условием для возрастания капитала при всем том остается затрата труда наемных рабочих в материальном производстве. Это все же указывает на некоторую связь возрастания капитала с производительным трудом.

Обособление торгового капитала от промышленного показывает, что капитал, повидимому, может создавать новую ценность, самовозрастать без всякого применения труда в производстве. Он возрастает сам собой, при посредстве одной лишь перемены формы ценности, т. е. посредством превращения ее из товарной в денежную и из денежной—в товарную.

Однако, и торговый капитал возрастает лишь благодаря деятельности, т. е. благодаря труду людей, хотя бы этот труд и не был трудом в материальном производстве. Все же и в этом обнаруживается связь производства ценности с трудом, хотя она и проявляется здесь в весьма искаженной форме.

Превращение капитала в денежный капитал, приносящий проценты, показывает, что капитал самовозрастает без посредства какой бы то ни было деятельности. Здесь фетишизм капитала достигает наивысшего развития. Однако, и в этом случае для первоначального производства той вещи, которая выступает, как капитал, будь это деньги или товар, необходимо было затратить труд. Капитал возрастает, как накопленный прошлый труд. Значит, между трудом и возрастанием капитала все же имеется некоторая связь.

Земля, приносящая ренту, является завершением фетишистских форм ценности. Земля не труд и не продукт труда, однако, она создает прибавочную ценность, ренту. Значит, в деле создания ценности труд вообще не при чем. Свойство создавать ценность есть, повидимому, сверхъестественное свойство вещей, принадлежащее им от природы.

Таким образом оказывается, что ценность, образующая ренту, вовсе не является выражением общественного характера труда товаропроизводителей. Однако, все ценности по качеству одинаковы друг с другом. Если ценность, создаваемая землей, не имеет отношения к общественному характеру труда товаропроизводителей, то, очевидно, и всякая другая ценность тоже создана не трудом, а теми материальными вещами, при посредстве которых создавалась данная потребительная ценность.

В таком случае, труд, как естественный материальный процесс, взятый независимо от его общественной формы, создает известную часть ценности товара, которую и получает «владелец труда», рабочий, в форме заработной платы. Капитал, как совокупность различных вещественных условий производства, производит другую часть ценности, которая в форме прибыли и попадает в руки владельца капитала. Наконец земля, как совокупность естественных сил природы, производит земельную ренту.

Сумма всех этих частей, а именно, заработная плата плюс прибыль, плюс рента, составляет цену товара.

Каковы будут размеры каждой из этих частей, будет зависеть, с одной стороны, от того, сколько труда, капитала и земли необходимо применить для производства данного товара, а, с другой стороны, от того, сколько труда, капитала и земли имеется и может быть предложено их владельцами для применения в производстве. Иными словами, размеры каждой части цены соответственно определяются спросом и предложением земли, капитала и труда.

Однако вещи, которые выступают как источники разных частей цены (труд, средства производства, земля) представляют собою различные условия общественного производства, общественного процесса труда. Значит, даже в этой форме просвечивает связь ценности с общественными формами труда.

Когда же в состав цены начинают входить видимые надбавки на покрытие государственных налогов, на оплату доходов различных непроизводительных классов населения, тогда теряется и эта связь цены с общественным трудом в материальном производстве.

Наконец, если для каждой отдельной страны связь ценности с затратами общественного труда и могла обнаружиться при сравнении цен данной страны с ценами на те же товары в других странах, если посредством этого сравнения и можно было, хотя и в весьма искаженной форме, обнаружить, что товары дешевле в тех странах, где труд более производителен, и где на производство приходится затрачивать относительно меньше труда,—то с установлением мировых цен на мировом рынке теряется и эта связь. На один и тот же товар устанавливается одинаковая цена, несмотря на то, что его производство требует в различных странах различной затраты труда.

Кризисы особенно ярко обнаруживают самостоятельность вещей, как ценностей, по отношению к людям. Через известные промежутки времени по каким-то законам, установленным не людьми, но присущим самим вещам, вещи приходят в возмущение против людей, перестают воспроизводиться, а затем через известное время, также независимо от воли людей, возмущение вещей входит в берега, и вещи снова покорно подчиняются людям до новой вспышки.

Так, по мере развития форм ценности, т. е. форм выражения общественного характера труда, выполняемого частным образом, этот общественный труд все в большей и большей степени приобретает форму особых вещей с особыми сверхъестественными свойствами, как будто присущими этим вещам в силу их материальной природы.

Такою в основных чертах представляется мне диалектика экономической теории Маркса и Энгельса. Эта экономическая теория есть диалектическое развитие понятия о товаре. Каждая ступень этого развития означает новую ступень в развитии понятия об общественных формах товарного производства. И, наоборот, на каждой ступени понятия об обществе товаропроизводителей обна-

руживается, что, в качестве внешнего проявления этого понятия, необходимо мыслить соответствующую форму ценности.

Каждая новая форма ценности оказывается все более совершенной формой для выражения скрытого под нею общественного содержания. Так как это общественное содержание противоречно, так как сущность этого содержания состоит в том, что общественный труд товаропроизводителей осуществляется в форме своего собственного отрицания, в форме частного труда, то оказывается, что, чем более совершенной формой для выражения скрытого под нею содержания является та или другая форма ценности, тем в большей степени она непосредственно скрывает это содержание, вместо того, чтобы его обнаруживать.

Развитие внутреннего противоречия товара проявляется различным образом: и как все возрастающее противоречие между производством и потреблением, и как все возрастающее противоречие города и деревни, и как развитие планомерной организации производства внутри отдельного предприятия одновременно с возрастанием анархии общественного производства в целом. Само возрастание общественной анархии, т. е. видимого отсутствия необходимых законов, согласно которым устанавливаются отношения между людьми в производстве, оказывается формой, в которой осуществляется все возрастающее подчинение общества своим собственным, хотя по своей форме и независимым от общества, необходимым законам. Растущее господство человека над процессом производства делает его рабом этого процесса.

Производство становится все более и более сознательным применением науки, открывающей внутренние законы и внутреннюю связь материальных процессов, имеющих место в производстве. Однако, внутренняя связь отдельных процессов производства, вместе с тем, все более ускользает из сознания каждого отдельного рабочего, прикованного к своему особому частному движению при той или другой машине.

Производство, с одной стороны, становится все более и более изменчивым. Его развитие оказывается рядом непрерывных технических революций. Всякий способ производства оказывается устаревшим раньше, чем он успеет получить широкое распространение. Между тем труд рабочего становится все более и более однородным, т. е., все более и более неизменным.

Производительные силы общества становятся господствующими над обществом силами капитала.

Вместе с возрастанием производительных сил общества, т. е. вместе с возрастанием сил всех людей, вместе взятых, производительные силы каждого отдельного человека становятся все более и более ничтожными.

Можно было бы еще долго продолжать перечень различных проявлений внутренне противоречивого характера товарного производства на разных ступенях развития понятия о нем, равно как и

на разных ступенях развития самого общества товаропроизводителей, и показать место каждого из этих проявлений в общем развитии всего целого. Однако сделать это здесь, означало бы превратить эту книгу в изложение всей экономической теории Маркса и Энгельса.

В настоящей книге по самому ее существу должен был ограничиться основными вехами на пути диалектического развития понятия о товаре: дать только скелет этой диалектики, по необходимости перескакивая через множество звеньев, действительно необходимых для перехода от одной формы к другой. Поэтому многие переходы могли быть в предыдущем изложении недостаточно убедительными, а изложение внутренней диалектики экономической теории могло подчас казаться наполненным множеством натянутостей, поверхностных переходов, провалов в развитии понятия.

Я думаю, что было бы излишним указывать, что я весьма далек от мысли утверждать, будто в своей попытке обнаружить диалектическое строение экономической теории Маркса и Энгельса мне удалось дать совершенное изложение этой диалектики. Напротив, я надеюсь, что научная критика обнаружит неизбежные недостатки моей попытки и тем создаст условия для более совершенного познания внутренней связи экономической теории.

**БИБЛИОТЕКА
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ**

И. А. КУШИН

**ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ
СТРОЕНИЕ КАПИТАЛА
МАРКСА**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

ГОСИЗДАТ РСФСР

БИБЛИОТЕКА ПО ВОПРОСАМ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

В. БАЗАРОВ

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ И ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ХОЗЯЙСТВА СССР

Стр. 168

Ц. 2 р.

Р. ЛЮКСЕМБУРГ

ВВЕДЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЭКОНОМИЮ

Издание 2-е

Перевод с немецкого с предисловием Д. Розенберга

Стр. 287

Ц. 1 р. 50 к.

И. И. РУБИН

СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОНОМИСТЫ НА ЗАПАДЕ

Оппенгеймер, Штольцман, Аммон, Петри, Лифман

Критические очерки

Стр. 324

Ц. 3 р. 50 к., в пер. 3 р. 80 к.

С. С. ШАБС

ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ МАРКСА

Критика «Очерков по теории стоимости Маркса» И. Рубина

Стр. 176

Ц. 1 р. 65 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА